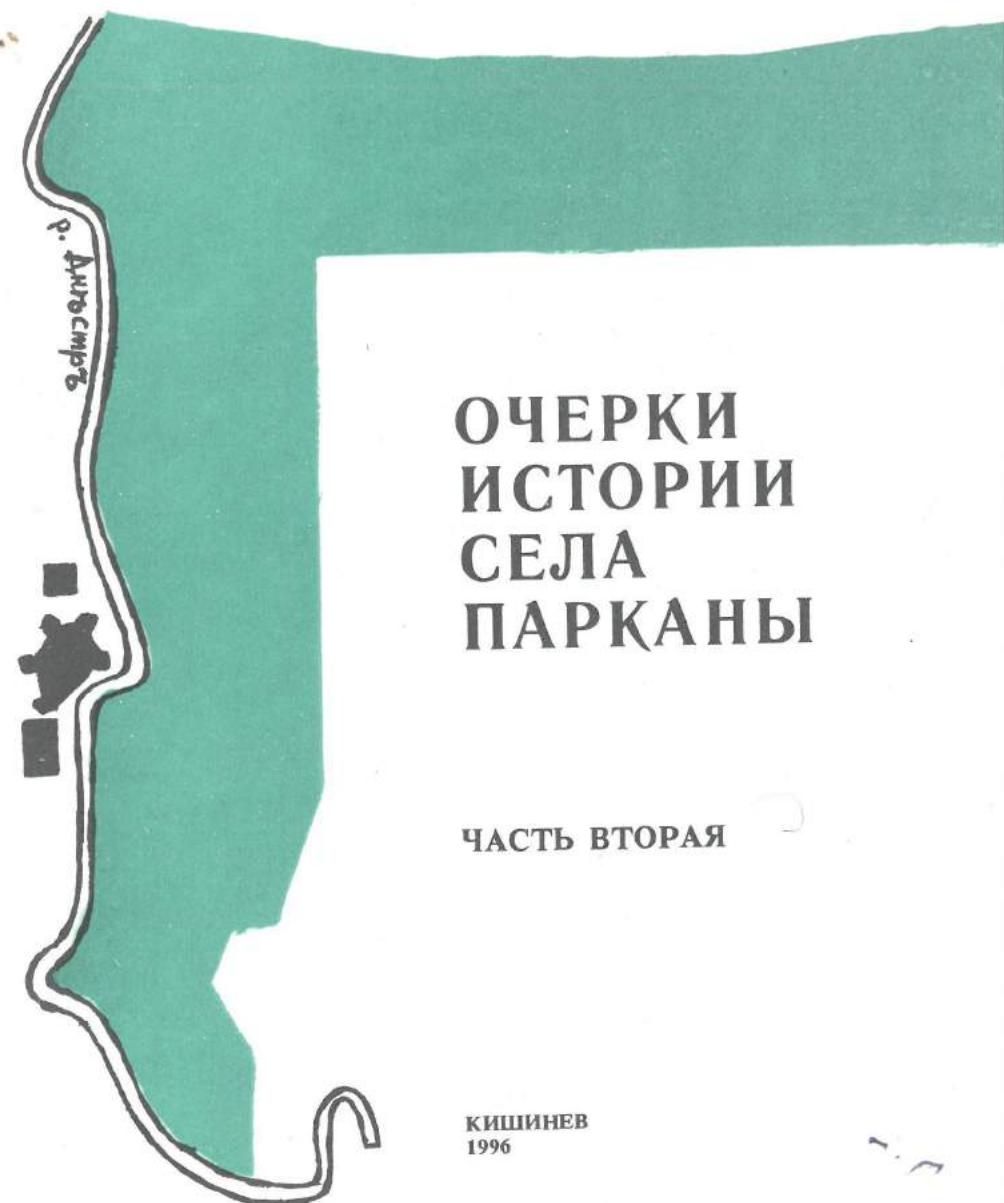

94/448/
489

Георгий
АСТВАЦАТУРОВ

94(448)
489

НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО БОЛГАРИСТОВ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

ГЕОРГИЙ АСТВАЦАТУРОВ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СЕЛА ПАРКАНЫ

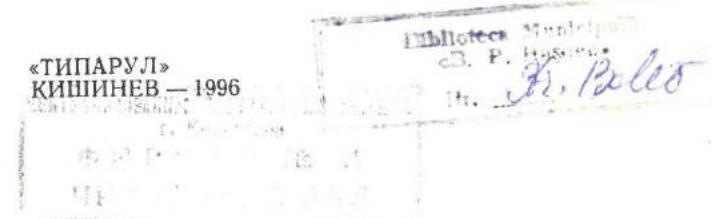
Часть вторая

四
六

2364

RESTITUIȚI CARTEA LA TERMENUL

«ТИПАРУЛ»
КИШИНЕВ — 1996

УДК 947.89—22 (=867)
А 91

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга подготовлена к печати при содействии
ООО «ПЕТИЦА»

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР — П. К. ЖЕКОВ

Георгий Осипович АСТВАЦАТУРОВ.
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СЕЛА ПАРКАНЫ. Часть вторая.

Такому крупному селу, как Парканы, долго не везло с написанием его истории: многие брались за это, но никто не доводил дело до конца. Этую печальную традицию успешно преодолел историк по образованию, краевед по призванию Георгий Аствацатуров, уроженец этого села, который еще со школьных лет интересовался прошлым родного села, края, собирая материалы по этой проблематике. Несколько лет назад он непосредственно взялся за работу над историей села. Была проделана колоссальная работа по сбору материала. Его выявление велось как в архивохранилищах Кишинева и Тирасполя, так и в Одессе, Киеве, С.-Петербурге, Днепропетровске, Херсоне, Москве, Софии (Болгария) и т. д. Собранные источники показали, что одной книги нед足а будет подготовить и издать с помощью спонсора (ООО «Петница») две работы: «Очерки истории села Парканы. Часть первая» была опубликована в прошлом году и получила положительный отзыв у односельчан, специалистов, о чём говорят проведенные презентации книги и опубликованные рецензии в молдавской и болгарской печати. Читателям предлагается вторая часть, которая хронологически охватывает весь советский период истории села, т. е. от революции в России 1917 г. Очерковый характер книги позволил автору углубиться в раскрытие ряда проблем, представить их в доступной форме для широкого читательского круга, каким является предполагаемая аудитория книги.

Рукопись рецензирована и рекомендована к печати
доктором истории Н. Н. Червенковым

ISBN 9975—914—02—0
М 39

© Г. О. Аствацатуров.
«Очерки истории села
Парканы». Часть II.

Менее года прошло со дня выхода первой части «Очерков...». Судя по благодарным отзывам читателей и положительным, доброжелательным рецензиям и откликам ученых-историков, стало очевидным, что книга нужна и затраченные силы были не напрасны. Но в ходе многочисленных встреч и бесед с земляками все чаще и требовательнее звучал вопрос: «Когда выйдет вторая часть?».

И снова командировки, архивы, библиотеки, десятки поездок в Парканы. Писать вторую часть «Очерков...» оказалось делом не менее сложным, чем первую. А в ряде случаев ее страницы давались намного тяжелее. И это понятно. В последнем десятилетии нашего бытия идет активный процесс переоценки недавнего советского прошлого. Новый подход к освещению истории страны после 1917 года только разрабатывается. Позади уже эйфория первых перестроенных лет, когда на нас давила только негативная оценка советского прошлого. Сегодня же, когда громко заявленные реформы всех сфер жизни общества откровенно буксируются, появляются и более объективные оценки достижений и недостатков социалистического строительства.

В связи с этим не могу не осознавать степень ответственности за книгу, за ее содержание. История двадцатого столетия оказалась в плену у сиюминутной политики. Нельзя путать одно с другим! В наши дни это очень сложно, но необходимо. Слишком часто современную историю насиливали в целях получения политического капитала, выхватывали отдельные, частично искаженные факты и выстраивали из них заведомо ложные конъюнктурные концепции. Пожалуй, нигде, как у нас, в странах бывшего СССР, большие и малые народы не были лишены своего правдивого прошлого, порой совсем недавнего. При каждом новом генсеке многие страницы истории страны переписывались заново.

Очень не хотелось выглядеть таким «конъюнктурщиком». Отсюда некоторая, может быть, чрезмерная дотошность в изучении отдельных событий. Читатель не увидит во второй части книги такого обилия использованной литературы, как в первой.

Над большинством исследований, посвященных советской истории, довел явный политический заказ. Не все события и явления подвергались научному анализу. Запретных тем со временем становилось все больше и больше. Также критически приходилось относиться и к опубликованным сборникам документов и воспоминаниям, учитывать их тенденциозный и избирательный характер. Практически все эти сборники, прежде чем выйти в свет, прошли серьезную политическую цензуру в центральных советских и партийных органах.

Как и в первой части, главным источником для изучения истории села стали архивные документы. По сравнению с дореволюционным периодом неизмеримо больше свидетельств, касающихся истории Паркан после 1917 года, хранится в Национальном архиве Республики Молдова (НАРМ). В книге использованы документы не только органов Советской власти, но и румынских учреждений на территории оккупированной Бессарбии периода 1918—1940 гг. и времени оккупации левобережья Днестра в Великой Отечественной войне. Это позволяет более объективно подойти к освещению ряда событий.

Достаточно широко использованы фонды Архива общественно-политических организаций Республики Молдова (АОПО РМ), бывшего архива ЦК Компартии Молдавии. Целый пласт документов, совсем недавно недоступных исследователю, позволяет по-новому взглянуть на вопросы социально-экономического развития Паркан в 1920—1930-е годы. Партийные документы, касающиеся истории села, отложились также и в бывших партархивах Одесской области (ныне филиал областного госархива) и Украинской ССР. В фондах Государственного архива Одесской области (ГАОО) сохранились любопытные документы, связанные с историей Паркан и левобережного Приднестровья до образования МАССР.

Весьма удачным оказался «десант» в московские архивы: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА), Российский Государственный военный архив (РГВА), где также обнаружены примечательные следы парканской истории периода первой мировой и гражданской войны, первых лет Советской власти в нашем регионе.

В книге использованы документы Парканского сельского Совета и местных колхозов послевоенного периода, находящиеся в бывшем филиале Национального архива РМ в г. Тирасполе, ныне Центральном Государственном архиве ПМР (ЦГА ПМР).

В работе использованы материалы периодической печати. Парканы довольно часто упоминаются на страницах республи-

канских и всесоюзных журналов и газет. Хорошим подспорьем явились опубликованные в местной газете «Патриот» воспоминания парканцев, рассказы об их нелегких судьбах. Парканская многотиражка уже ряд лет кропотливо работает в этом направлении.

Неизмеримо шире, по сравнению с первой книгой, использованы воспоминания старожилов села. Благодаря им многие сухие и неполные факты заиграли привлекательными гранями. Выезжая очередной раз в Парканы, я ловил себя на мысли: «Только бы ничего не случилось с моими стариками!» К сожалению, время неумолимо. Ушел из жизни, так и не увидев первой книги, Николай Константинович Погорельский. Дядя Коля, мой бывший сосед. Человек огромной души и прекрасный рассказчик.

Многим из моих собеседников перевалило за восемьдесят. Живется им сегодня несладко. Не заслужили они такой тревожной и часто нищей старости. Я удивлялся, как теплели глаза и розовели щеки моих стариков при воспоминаниях о былом. Судьбы многих из них заслуживают написания отдельных книг. С большинством старожилов приходилось встречаться по несколько раз. Воспоминания некоторых занимают в моем личном архиве десятки страниц. Огромная сыновняя благодарность К. С. Обручкову, Д. Н. Хаджи, И. П. Доброму, П. П. Пельтеку, Г. М. Братоеву, И. Т. Петкову, К. К. Доброму, И. Я. Вербанову, М. В. Ганчеву, М. А. Беровой, Ю. Г. Инсарову, В. В. Станину, Н. К. Погорельскому, М. Д. Вербанову, Е. М. Римской, И. К. Римскому, С. К. Римскому, Т. С. Римской, А. Г. Доброй, Е. Ф. Хаджи, В. В. Пьячевой, В. И. Райчинову, П. В. Радулову, М. П. Николаевой, К. Д. Поташевой, М. И. Дизовой, П. И. Колдарю, Н. Н. Обручкову, И. П. Чмилю, З. А. Стоянову, Ф. И. Владову, С. Н. Степанову, В. Н. Кривицкому, В. К. Тимофеевой, В. Г. Стояновой; нашим землякам, проживающим в Кишиневе: И. И. Мокану, Н. И. Узуну, Н. Г. Бецишор.

Особая благодарность моему добровольному помощнику, председателю сельского Совета ветеранов войны и труда И. П. Доброму за предоставленные материалы из своего личного архива.

Как и в работе над первой книгой, вновь выражаю признательность докторам истории И. Ф. Греку и Н. Н. Червенкову за их научно-методические консультации и предоставленные материалы из их личных библиотек и архивов.

Не скрою, мне, как автору, было очень приятно, что моя книга вызвала не только живой интерес, но и ощущимую поддержку в Болгарии. В связи с этим выражаю искреннюю bla-

Благодарность болгарскому фонду «Отворено общество» за содействие в работе над документами и материалами в библиотеках и архивах этой страны.

Преодолеваемая книга — прежде всего исторический труд. Поэтому автор не стремился довести парканскую летопись до наших дней. Убежден, что писать о современных событиях, пока еще не сложилась достаточная документальная база, не произошла определенная консервация событий, еще рано.

Сохранился очерковый подход к написанию книги, позволяющий глубже взглянуть на исследуемые проблемы.

Надеюсь не разочаровать своего читателя. Я писал книгу с искренней любовью к родному селу.

I. ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

После отмены колонистского статуса в начале 1870-х годов болгар Новороссийского края стали привлекать к воинской службе. Армии XX века становились массовыми, что требовало привлечения к службе, и особенно к военным действиям, значительного числа мужского населения. В далекой неприветливой Маньчжурии, за тысячи километров от дома, в бесславной русско-японской войне участвовали и десятки парканцев. Точных данных о количестве участников этой войны пока нет, но об их большом количестве говорит тот факт, что в селе был назначен «участковый попечитель по раздаче пособий семействам призванных чинов запаса в 1904 году». Им стал местный учитель Н. И. Митов¹. От первого до последнего дня воевали И. М. Проданов, М. Г. Хаджи, Г. П. Стоянов. Попав в окружение, испытывали все тяготы японского плена К. Г. Добров.

Более глубокий след оставила первая мировая война, в которой численность участвовавших в ней сельчан измерялась сотнями. Большинство парканцев призывались в 56-й Житомирский полк, располагавшийся в мирное время в Тирасполе, в 55-й Подольский полк в Бендерах, другие части 8-го армейского корпуса². Но много наших земляков воевали и в других воинских частях, во всех родах войск. Не одна розовощекая паранская красавица вздыхала вслед приезжавшему в отпуск в ларадном мундире, с боевыми наградами гусару лейб-гвардии 5-го Заамурского полка В. М. Николаеву. Много парканцев служило на флоте. Приезжал на побывку из дальнего плавания матрос крейсера «Георгий Победоносец» Дмитрий Погорельский. Возбужденные соседи прибегали подивиться на привезенное заморское чудо: невиданную в те времена для Паркан эмалированную посуду. О своих невероятных приключениях в открытом море охотно рассказывали своим землякам матросы корабля «Мария» П. С. Пельтек, С. К. Степанов, К. М. Чмиль.

Большинство парканцев, имевших четырехклассное начальное образование, получило унтер-офицерские звания, обучалось военным специальностям артиллеристов, связистов, фельдшеров. Сыновья Н. И. Митова, Николай, Павел, Михаил и Александр,

ставшие еще до войны учителями и агрономами, воевали в чине поручиков царской армии. Братья Петр и Иван Добровы, окончившие гимназию, также стали офицерами.

Все острее в селе ощущалась нехватка мужчин. К концу войны в армию стали призывать и более пожилых, и негодных к строевой службе так называемых «белобилетников». Около двадцати парканцев служило в 466-й пешей Херсонской ополченческой дружине³, еще десятки — в других вспомогательных тыловых и санитарных частях. Военный санитар Павел Георгиевич Добров, ухаживая за инфекционными больными, сам заболел и умер в Кагуле в 1918 году, незадолго до окончания войны.

За отсутствием кормильцев благосостояние многих семей пошатнулось. Сказалось на семейных бюджетах и введение с началом войны «сухого закона», запрещавшего производство и продажу спиртных напитков. Значительное число парканцев лишилось части своих постоянных доходов.

Дыхание войны особенно почувствовалось после неудачного выступления на стороне Антанты Румынского королевства. Россия была вынуждена взвалить на себя и груз Румынского фронта. Тираспольский уезд стал прифронтовой зоной. Днем и ночью через Парканы на румынский фронт двигались войска, обозы с боеприпасами и продовольствием, а в обратном направлении, в Тираспольский военный госпиталь, — обозы с ранеными. Для бесперебойной переправы войск и обозов силами австро-венгерских военнопленных севернее железнодорожного моста был построен наплавной мост, сваи от которого сохранились до сих пор.

В Бендерах с началом военных действий на Румынском фронте квартировали запасной пехотный полк и две ополченческих дружины. Местное отделение корпуса жандармов с беспокойством докладывало, что в городе и его окрестностях участились случаи мародерства, солдаты «врываются в частные квартиры, нападают на полицейских»⁴. Несмотря на «сухой закон», по городу ходило много пьяных солдат, призывников. Часто вспыхивали их потасовки между собой и с местными жителями. В середине января 1917 года винные погреба Бендер были опечатаны, однако тайная торговля в городе и его окрестностях, в том числе и в Парканах, процветала. 22 февраля 1917 года по Бендерам прокатились винные погромы⁵. Совсем недавно неизъясляемая и, казалось, вечная власть царского режима разваливалась, как карточный домик. Народ устал от бессмысленной и бесконечной войны, от начавшихся экономических неурядиц.

Ударная волна свершившейся Февральской революции до-

катилась до Приднестровья уже в марте. Первые сообщения из Петрограда на внешнем благополучии обывателей никак не отразились. Магазины и рынки работали по-прежнему. Цены росли медленно. Правда, предусмотрительные крестьяне стали больше запасаться зерном и другими продуктами.

В конце апреля в Тираспольский уезд выехала делегация Одесского Совета рабочих депутатов во главе с бывшим политкаторжанином С. Ушеровичем. Депутаты разъехались по уезду, выступали в селах, проводили агитацию среди населения перед предстоящими выборами в Учредительное собрание⁶.

С переходом власти к Временному правительству несколько изменилось местное самоуправление. В Тираспольский уезд был назначен комиссар Временного правительства. Вместо прежних десятских, следивших за порядком в селе, в Парканах был организован отряд волостной милиции, который возглавил Семен Николаевич Диордиев⁷.

Несмотря на значительные виевые перемены, гигантская страна стремительно продолжала мчаться к пропасти. По не-большим отрывочным сведениям трудно судить, как в Парканах отреагировали на весть об Октябрьской революции. В отличие от центральных российских губерний, принятый Вторым Все-российским съездом Советов Декрет о земле левобережным приднестровским селам ничего не давал. Больших помещичьих землевладений, подлежащих немедленной передаче крестьянам, здесь не было. Сохранившиеся в Парканах до самой революции традиции общинного самоуправления и систематического передела земли, благоприятные климатические условия, близость к путям сообщения, традиционное трудолюбие парканских болгар, о котором в окрестных городах и селах ходили легенды, обеспечивали высокий уровень жизни большинства селян. Имущественное расслоение крестьян не было столь заметным, как в других болгарских селах Новороссийского края, перешедших к подворному землевладению.

Разумеется, и здесь к началу двадцатого века возникли серьезные проблемы. Как и все приднестровские села, Парканы уже испытывали серьезную нехватку земли. Земельный фонд с начала XIX века остался неизменным, а численность населения возросла с 382 человек в 1811 году до 5051 в 1916-м. И все же парканские крестьяне в основной массе крепко держались на ногах и не нуждались в мелочной опеке правительства. В них высоко были развиты чувство собственного достоинства, жажды предпринимательства и умение самостоятельно находить выход из трудных ситуаций. Нехватка земли вносила свой корректива. Главным источником доходов парканцев стали сады.

Пахотной земли становилось все меньше. Широко применялась аренда. Многие крестьяне покупали и арендовали землю в малозаселенной Бессарабии, в первую очередь, в ближайшем Бендерском уезде. Перед самой революцией Ф. Матвеенко, А. Добров, В. Николаев имели сады в соседней Терновке⁸.

А как сами крестьяне оценивали свое дореволюционное прошлое? У нас есть прекрасная возможность познакомиться с рядом датированных июнем—июлем 1925 года свидетельств парканцев, которые отнюдь не относились к наиболее состоятельным жителям села. «Дизов Дмитрий Петрович, 60 лет, женат, грамотен... До революции я жил зажиточно. В хозяйстве имелась пара лошадей, пара волов, три коровы, десять штук овец. В мертвом инвентаре были два плуга, веялка, косилка. Собственной земли имел пахотной — полторы десятины, сада — две десятины. В среднем арендовал каждый год по пять десятин пахотной земли. Семья в то время состояла из восьми человек, из коих пять работоспособных. Наёмным трудом не пользовался никогда»⁹.

Подобное о себе могли написать сотни парканских крестьян, которых по установившейся тогда терминологии называли середняками. Приведу лишь несколько примеров. Я. И. Диордьев имел полторы десятины пахотной земли и четыре десятины сада, в том числе одну десятину виноградника; И. И. Карназ — три десятины сада; С. К. Обручков — три с половиной десятины плавневого фруктового сада, три четверти десятины степного виноградника; Я. Д. Дымов — шесть десятин пахотной земли и садов; Ф. С. Мищенко — две десятины сада; Г. А. Дымов — две десятины сада; К. М. Чмиль — три десятины сада и так далее¹⁰.

О том, что с собой принесла социалистическая революция, крестьяне задумались гораздо позже. Следует, между прочим, отметить, что в первые годы Советской власти Октябрьской революции не придавалось такое огромное значение, как сейчас. Своеобразный «культ» этой революции стал методично насаждаться уже после прихода к власти Сталина. К примеру, в первые годы Советской власти праздничным нерабочим днем считался день 12 марта — годовщина «Великой Российской Февральской революции». Приказом от 9 марта 1920 года Тираспольский уездный военный комиссар в «день празднования 3-й годовщины революции (Февральской — Г. А.)» приказал «занятий в подведомственных частях, управлениях и учреждениях не проводить»⁸. Другая же революция в одном из документов упоминается не иначе как «октябрьский переворот»⁹.

За Декрет о мире уставшие от войны солдаты уже давно

«проголосовали ногами». Воевавшие верой и правдой парканцы целыми группами стали убегать с фронта. В селе их называли «летчиками». Приезжали они уже не в парадных мундирах, а в случайно найденной, купленной или обмененной гражданской одежде. Волостная милиция вылавливала скрывавшихся по домам дезертиров, отправляла их обратно на фронт. Но через некоторое время «летчики» снова мелькали на улицах Паркан.

II. ПАРКАНЫ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Наконец у важной стратегической переправы через Днестр, а затем превратившись в приграничный населенный пункт, Парканы оказались втянутыми в водоворот гражданской войны. Разноязыкие войска и банды всех цветов и мастей, как в калейдоскопе, сменяли друг друга. Приходя в село, все много обещали, провозглашали именно себя «истинными защитниками» крестьян, но жить становилось все хуже и тревожнее. Нелегкая доля досталась последнему сельскому старосте Дмитрию Петровичу Станову. Власти приходили одна за другой, и все требовали подвод, лошадей, продовольствие. «Зашитники» разбредались по селу в поисках легкой наживы. «На веревку после стирки ничего нельзя было повесить. Сразу же все заберут», — вспоминает Е. Ф. Хаджи.

Раз от разу в Парканах проходили мобилизации сельчан. Пришлось им послужить и у гетмана П. Скоропадского, и у С. Петлюры, и в Красной Армии, и в Белой, и у красных партизан, и в карательном отряде капитана Пукалова.

12 декабря 1917 года в Харькове была провозглашена Украинская Советская Республика. В работе I Всеукраинского Совета рабочих и солдатских депутатов приняли участие и два делегата Тираспольского уездного Совета¹. В ответ на усиление активности большевиков, через месяц — 11 (24) января 1918 года — Центральная Рада провозгласила «самостоятельность» Украинской Республики. Началась гражданская война на Украине. Левобережное Приднестровье географически и административно входило в состав этой страны, и начавшаяся братоубийственная война не затронула и наши края.

В конце января 1918 года отряды Красной гвардии и Красной Армии вошли в Киев. Но на местах по-прежнему творились хаос и неразбериха. В Тирасполе на власть претендовали сразу три силы: уездный комиссар Временного правительства, Совет рабочих и солдатских депутатов и представитель Центральной Рады.

Между тем на правом берегу Днестра разгорелась нешуточ-

ная борьба революционных войск против румынской армии, которая под видом «наведения порядка» в тылу союзнических войск ввела свои полки в Бессарабию. Под натиском превосходящих сил противника к середине января 1918 года разрозненные революционные отряды отошли к Бендрам. 16 января началась оборона города. В ней приняли участие и парканцы, служившие в 5-м и 6-м Заамурском полках (эти полки перешли на сторону революции), а также работавшие на железной дороге и предприятиях города.

Больше недели в Парканах были отчетливо слышны грохот орудий, пулеметные очереди и ружейная стрельба. «22 января в 8 часов вечера завязалась перестрелка, начатая румынами у Паркан, — сообщала одесская газета «Голос революции». — Румыны готовились переправиться на другой берег Днестра... Завязавшаяся у Паркан стычка перешла в борьбу за обладание мостом»². 25 января революционные войска были вынуждены отойти к Тирасполю. Из отступивших разрозненных отрядов было создано формирование под громким названием «Особая армия по борьбе с румынской олигархией и контрреволюцией»³. Впоследствии Особая армия была переименована в Тираспольский отряд 3-й революционной армии Украинской Советской Республики.

В приднестровских селах и Тирасполе для пополнения ослабевших революционных отрядов была проведена мобилизация. Призванные в Тираспольский отряд парканцы вошли в отряд Г. И. Котовского, в I-й Днестровский полк и другие части. В первую очередь призывалась не нюхавшая пороху молодежь. Абсолютное большинство участников первой мировой войны категорически отказывалось воевать и за «красных», и за «белых», и за «жовтоблакитников». I-ю сводную батарею Особой армии составили в основном парканцы и терновцы. В списках батареи из наших земляков встречаются И. К. Градинар, К. Д. Римский, С. И. Салабаш, И. А. Дымов, П. Т. Станилевич⁴.

На помощь Тираспольскому отряду «Советское правительство направило революционные войска, освободившиеся после разгрома Украинской Центральной Рады. В составе революционного отряда матросов-черноморцев, прибывших к берегам Днестра, воевали и красные моряки-парканцы Д. К. Погорельский и М. Г. Чмиль.

Положение приднестровских сел, совсем недавно богатых и цветущих, в связи с войной катастрофически ухудшалось. Несмотря на попытки командования навести порядок, в революционных войсках участились случаи грабежа, мародерства, издевательств над местным населением. «В городе Тирасполе появ-

вилось много пьяных, бесчинствующих солдат», — докладывал комендант Тираспольского гарнизона. Ценой жестких мер командующему Южной группой войск А. Антонову-Овсеенко удалось навести порядок. Образцом дисциплины стал I-й Днестровский полк под командованием 22-летнего И. Э. Якира — сына кишиневского еврея-аптекаря. Впоследствии руководимая им 45-я стрелковая дивизия станет одной из лучших в Красной Армии. Не сразу избавился от своих анархистских замашек Г. И. Котовский. Документы пестрят жалобами начальника Тираспольского гарнизона на своенравного бессарабца, не выполняющего его приказы.

С большим напряжением работала созданная по приказу главнокомандования парканская застава. Поток беженцев в обе стороны возрастал с каждым днем. Люди спасались от хаоса, вечной стрельбы, искали лучшей доли. Большая группа бендерских женщин и детей, бежавших во время штурма города в Тирасполь, 28 февраля вернулась обратно. Более ста китайцев, работавших в районе Бендера на строительстве железной дороги, перешли в Тирасполь, записались добровольцами в Красную Армию и вошли в состав 1-го Днестровского полка⁶. На долгие годы Днестр стал непреодолимой преградой для тех парканцев, кто имел в Бендерах, других городах и селах Бессарабии своих родственников. Многие зажиточные парканские крестьяне вынуждены были смириться с потерей своих полей, садов, виноградников, домов, мельниц и маслобоек на правом берегу Днестра.

Энергичные меры, предпринятые Советским правительством, решительные действия революционных войск вынудили Румынию пойти на разрешение возникшего конфликта мирным путем. 21 февраля СНК Одесской области постановил принять делегацию румынского правительства. В 14.00 в Парканы к мосту за румынским парламентером был прислан автомобиль. Начались переговоры. 5—9 марта было заключено мирное соглашение, согласно которому румынское правительство обязалось в двухмесячный срок вывести свои войска из Бессарабии.

Между тем ситуация на Украине резко изменилась: 18 февраля кайзеровская Германия вероломно нарушила условия перемирия с Советской Россией и начала наступление по всему советско-германскому фронту. Власть на Украине перешла к гетману П. П. Скоропадскому. Тираспольский отряд, оказавшийся под угрозой германского окружения, отступил из Приднестровья. С тяжелыми боями по тылам противника пробивался отряд Г. И. Котовского, в составе которого самоотверженно

дрались парканцы Г. Д. Мищенко, М. Л. Добров, Н. Д. Вербанов, А. И. Петрусьян, Ф. И. Диордица и другие.

Чтобы оторваться от преследования гетманцев и германцев, Тираспольский отряд загрузился в эшелоны и попытался прорваться к Воронежу. Но и в пути немецкие аэропланы постоянно бомбили красногвардейцев. Дисциплина в отряде снова резко упала. Разноязыкая и разномастная толпа все меньше подчинялась своим командирам. Трагический финал Тираспольского отряда нашел свое яркое отражение в бессмертном «Тихом Доне» М. А. Шолохова. В ответ на бесчинства красногвардейцев 17 апреля в хуторе Сетракове той же ночью поднялись казаки окрестных хуторов и станиц и на рассвете наголову разбили Тираспольский отряд. Более двухсот красногвардейцев было порублено казаками, около пятисот взято в плен⁷. Впоследствии отпущеные разрозненные группы Тираспольского отряда вошли в состав VIII и IX армий Советской России. Среди влившихся красногвардейцев были и парканцы. На далекой Кубани под станицей Ярославской, за сотни километров от родного дома, в одном из столкновений частей Красной Армии с корпусом генерала Шкуро погиб М. Л. Добров⁸.

В село все чаще стали поступать такие печальные вести. Геройски погиб под Очаковом на корабле «Мария» красный моряк П. С. Пельтек. Чудом спасся его товарищ и земляк С. К. Степанов. Шесть дней продержался он в открытом море, судорожно вцепившись в спасательный круг, и все же остался в живых.

Оккупировав Тираспольский уезд, австро-германские войска начали массовую реквизицию сельскохозяйственных продуктов. Один из оккупационных отрядов, войдя в Парканы, изъял в селе 487 пудов зерна⁹. Полным хозяином в Приднестровье чувствовал себя и гетман Скоропадский. В апреле он объявил мобилизацию в свою армию. На призывающую комиссию в Тирасполь под отчаянный плач жен и матерей были отправлены Г. Т. Обручков, Г. А. Николаев, В. К. Степанов, Я. Л. Добров и другие молодые парканцы. О добровольной мобилизации не было и речи. В назначенный срок двое из парканцев не явились к отправке эшелона. Через четыре дня в дом к Г. Т. Обручкову наряжал урядник с нарядом гетманцев. При выходе из церкви был схвачен Я. Л. Добров. Оба дезертира в тот же день под конвоем были отправлены в Киев¹⁰.

Сопротивление румынским оккупантам в Бессарабии и австро-германским в Левобережье нарастало. Активно работала бендерская подпольная организация, в состав которой входил и житель Паркан Иван Митрофанович Проданов. Демобилизо-

вавшись после русско-японской войны, с 1906 по 1918 годы он работал в железнодорожном депо г. Бендери. С приходом румынских войск перешел на нелегальное положение, стал связанным бендерского подполья с Тирасполем¹¹.

Усилилась активность приднестровских красных партизан. В сорока километрах от Тирасполя появился отряд И. Н. Колесникова с четырьмя пушками, что не на шутку встревожило городские оккупационные власти. Начальник Тираспольского гарнизона обратился за помощью к отряду австрийских войск (по происхождению итальянцы), находившемуся в Парканах, «в случае наступления большевиков»¹².

В начале ноября в Германии и Австро-Венгрии вспыхнули революции, что означало конец ненавистной оккупации. В Киеве власть гетмана Скоропадского, державшаяся на германских штыках, была свергнута. Лидеры буржуазных партий Винниченко и Петлюра образовали новое украинское правительство — Директорию. Однако на смену одним оккупантам пришли другие. В Одессе началась высадка войск Антанты. К концу января 1919 года французские войска захватили южную часть Левобережья вместе с Тирасполем. Но уже 30 января 1919 года красные партизаны выбили интервентов из города. Правда, положение красных отрядов оставалось сложным. Уже 4 февраля румынско-французский отряд численностью около 400 человек переправился через Днестр, но добиться внезапности нападения ему не удалось. Бендерские подпольщики вовремя сообщили о предполагавшемся нападении на Тирасполь. Несколько раз тайно переправлялся через Днестр по заданию подполья И. М. Проданов. Отряд интервентов потерпел поражение и вынужден был отступить в Бендери¹³.

Однако уже 9 февраля части французских войск и польских легионеров, направленные из Одессы, захватили Тирасполь. По договоренности со штабом Антанты в левобережные районы вошли румынские оккупационные войска. Придя в Тирасполь, с первых же дней они почувствовали нарастающее сопротивление населения. С новой силой вспыхнуло партизанское движение. Румынские гарнизоны постоянно подвергались нападению красных партизан. Большую активность проявлял плосковский партизанский отряд под командованием И. Н. Колесникова.

Тем временем в начале февраля петлюровцы сдали советским войскам Киев. К концу марта отступавшие петлюровские полки достигли берегов Днестра. 14 апреля парканцы вздрогнули от оглушительного взрыва. Бендерские подпольщики по согласованию с советским командованием подорвали железнодорожный мост через Днестр. Переправа отступавших петлю-

ровцев была чрезвычайно затруднена. Многие пытались уйти вплавь, но доплыли до правого берега реки далеко не все. К 17 апреля левобережное Приднестровье было полностью освобождено от петлюровцев.

Парканы вновь стали прифронтовой зоной. Вдохновленное первыми успехами, советское командование планировало перенести боевые действия в Бессарабию. В Парканах и прилегающих к нему садах стали концентрироваться красноармейские части. 2 мая в селе расположилась 1-я рота I-го Бессарабского полка. Через несколько дней сюда переместился штаб полка под командованием уроженца Бендер Н. Чухненко. 16 мая во дворе парканской церковно-приходской школы состоялся митинг бойцов полка, на котором выступили «товарищи из Москвы». Они призывали приложить все силы к освобождению Бессарабии. Через два дня в парканских садах было установлено три орудия¹⁴. Готовилась крупная наступательная операция на правом берегу Днестра. По воспоминаниям И. Н. Криворукова, «исходным пунктом наступления было село Парканы, куда стекались все резервы»¹⁵. На И. Н. Криворукова были возложены функции «главковерха». Вечером 26 мая бойцов вновь собрали во дворе школы и объявили о предстоящем наступлении Красной Армии¹⁶.

Около трех часов утра 27 мая небольшая группа красноармейцев под командованием Чухненко и Черникова переправилась через Днестр и без единого выстрела захватила румынскую заставу. Гарнизон Бендерской крепости в панике выкинул белый флаг. Выступление отряда красноармейцев было поддержано бендерским населением, поднявшим восстание против оккупантов. Румынское командование было деморализовано действиями небольшого отряда и восставших, хотя располагало в городе двумя дивизиями. В Тирасполе первые успехи на правом берегу Днестра были встречены ликованием. Городской телеграф поспешил известить весь мир о взятии Бендер.

Тем временем французское командование отказалось от роли стороннего наблюдателя и отстранило румынское командование от руководства войсками, взяв инициативу в свои руки. Французская артиллерийская батарея открыла огонь по переправе. Гарнизон Бендерской крепости, убедившись в малочисленности нападавших, снял белый флаг, поднял боевой и тоже стал обстреливать переправу. Наступление Красной Армии было сорвано, а бендерское восстание было потоплено в крови.

Весной — летом 1919 года в левобережных районах Молдовы наступила короткая мирная передышка. Но военные приготовления продолжались. В мае в Тирасполе была создана при-

зычная комиссия. Началась мобилизация мужского населения приднестровских сел. Более ста парканцев были призваны в Красную Армию. 1 июня ВЦИК РСФСР принял декрет о заключении военного союза и едином командовании всех советских республик. Из частей 3-й украинской советской армии была сформирована 45-я стрелковая дивизия под командованием И. Э. Якира. Партизанский отряд И. Н. Колесникова был преобразован в 400-й полк, куда были зачислены большинство парканцев. Кроме того многие наши земляки воевали в 401-м и 402-м полках.

Первая боевая операция, в которой пришлось участвовать парканским новобранцам, была не на петлюровском или деникинском фронте. Ею стало подавление 4 августа восстания крестьян села Плоское. Крупнейшее в Херсонской губернии село основанное богоизбранными русскими старообрядцами, разделилось на два непримиримых враждующих лагеря. На сторону восставших перешел командир одного из дивизионов 400-го полка с несколькими орудиями. Завязался нешуточный бой с применением артиллерии с обеих сторон¹⁷. Упорное сопротивление крестьян было сломлено. Думал ли кто из парканцев, что через два с небольшим года их ожидает еще более печальная участь?

Летом 1919 года Южный фронт стал основным фронтом гражданской войны. Войска Добровольческой армии под командованием А. И. Деникина перешли в наступление. С севера Приднестровью угрожали петлюровцы, из-за Днестра вновь на левый берег стала заглядываться Румыния. 45-я стрелковая дивизия под командованием И. Э. Якира была отправлена на петлюровский фронт. С ходу вступив в бой с петлюровцами, дивизия быстро продвинулась до г. Крыжополя. Однако положение красных войск резко ухудшилось, когда 24 августа деникинские войска под командованием генерала Бредова захватили Одесу. Части 45, 47 и 58 дивизий Красной Армии попали в окружение. Они были сведены под единое командование Южной группы войск XII армии. Возглавил группу И. Э. Якир.

Особенно трудным оказалось положение 400-го полка. В районе села Попельуха 2-й батальон этого полка, составленный в основном из парканцев, оказался отрезанным от основных сил. Попытки красноармейцев вырваться из окружения оказались тщетными. Скрываясь в лесах, Я. Л. Добров, С. И. Салабаш, Н. С. и П. П. Кущиренко, Н. Г. Добров, Н. В. Степанов З. А. Салабаш и другие (всего 20 человек) стали пробираться домой. Все же их группе не удалось остаться незамеченной. В нескольких перестрелках с петлюровцами погибли Н. В. Сте-

панов, З. А. Салабаш и некоторые другие парканцы¹⁸. И чудом уцелевшим бойцам тоже пришлось несладко. Скрываясь от петлюровскихластей, они прятались в подвалах, тайком уезжали к родственникам в другие села.

Тем временем Южная группа войск XII армии совершила беспримерный 400-километровый рейд по тылам противника с берегов Днестра до Житомира и соединилась с основными силами Красной Армии. 1 октября 1919 года Совет Рабоче-Крестьянской Обороны постановил наградить 45-ю и 58-ю дивизии Почетными знаменами революции за их героический переход. Всему личному составу была выдана денежная награда в размере месячного оклада. Среди награжденных и оставшиеся в живых парканцы: командир взвода 400-го полка И. Г. Нагорный, отделенный командир Н. Стоянов, красноармейцы А. Чумаченко, В. Жеков, П. Жеков, И. Степанов, И. Гайдаржи, П. Обручков, Е. Чумаченко, Н. Степанов, пулеметчик М. Вельвиц; бойцы 401-го полка: командир пулеметного взвода С. Прокопов, красноармейцы А. Обручков, А. Швец, В. Погорельский; бойцы 402-го полка: старшина В. Стоянов, артиллерист Я. Тимофеев, разведчики И. Добров и Д. Черниченко¹⁹.

Поверхность Приднестровье стало яблоком раздора между Деникиным, Петлюрой и королевской Румынией. Петлюровцы не желали присутствия А. И. Деникина на Украине. Не вступая в прямой конфликт с войсками генерала Бредова, в сентябре 1919 года они организовали блокаду Одессы. Все обозы с продовольствием задерживались и отправлялись обратно²⁰. В приднестровских селах прошла еще одна насилиственная мобилизация в петлюровские полки. Несмотря на щекотливую ситуацию, главнокомандующий Добровольческой армией генерал Деникин умело использовал возникшие в стане петлюровцев разногласия и привлек в союзники отборные части галицийских сечевиков — бывших солдат австро-венгерской армии²¹.

В то же время Румыния усилила военные приготовления для наступления через Днестр. Несколько полков, пришедших с Трансильванского фронта, было направлено в Бендера. 14 сентября румынские войска после продолжительного артиллерийского обстрела Паркан и других приднестровских сел перешли Днестр, заняли Тирасполь и его окрестности.

Даже учитывая слабость своего левого фланга, А. И. Деникин был категорически против такой «помощи» Антанты. В Белой гвардии были сильны антирумынские настроения. В Одессе прошло несколько демонстраций с требованием вернуть Бессарабию России. Уже на следующий день главнокомандующий Добровольческой армией ответил на внезапную активность ру-

мынских войск дипломатичным, но недвусмысленным ультиматумом. Он вежливо поблагодарил румынское командование «за защиту населения Бессарабии от большевиков» и предложил в двухнедельный срок очистить территорию для занятия ее деникинскими войсками. Кроме того, А. И. Деникин потребовал от румынских властей немедленно отдать приказ своим войскам, перешедшим Днестр в районе Тирасполя, тотчас вернуться на исходные позиции²².

Под давлением А. И. Деникина и союзного командования Антанты румынские войска вынуждены были оставить левобережье Днестра. В Тирасполе расположился небольшой отряд казаков численностью около 100 человек. Началось формирование эскадрона гусар под командованием выходца из Кишинева барона Гейкинга. Агенты сигуранцы из Тирасполя и Одессы докладывали о сильных антирумынских настроениях в рядах деникинцев. 11 октября в Одессе прошла грандиозная манифестация с плакатами «Вперед за Бессарабию». Но, как сообщал один из агентов, «мечта о Бессарабии отложена, и пока нужно победить внутреннего врага, то есть большевиков»²³.

В отличие от своих предшественников, деникинское командование не проводило в Левобережье насилиственной мобилизации. Приглашались в первую очередь офицеры. К тому времени в Парканах оставался лишь поручик царской армии Н. Н. Митов. Сельский учитель надел офицерскую форму и прибыл в Тирасполь. Сославшись на болезнь, он отказался идти на фронт, и деникинцы оставили его в покое²⁴. Другие братья Н. Н. Митова, Павел и Александр, а также И. Г. Доброн привились в Добровольческую армию из других населенных пунктов.

С осени белогвардейские войска стали терпеть неудачу за-используя занятость войск Красной Армии на советско-поль-нейудачей. Наступление Красной Армии было поддержано парским и врангелевским фронтах, активизировались петлюровцы, тизанами Приднестровья. 23 января 1920 года главком Добро-начавшие наступление в направлении Одессы. Советское коман-вольческой армии генерал А. И. Деникин отправил телеграмму румынской военной миссии с просьбой о предоставлении разрешения на пропуск через румынскую территорию войск ген-рала Шиллинга²⁵. К Днестру потянулись белогвардейские эшелоны с войсками, продовольствием и боеприпасами. Военная разведка своевременно не доложила штабу Деникина о серьезных повреждениях железнодорожного моста. Ремонтные рабочие прибыли к середине февраля отступление деникинских зыбников в военкомате в ожидании представителей воинских войск приобрело характер панического бегства. От Раздельной частей. Участились случаи дезертирства. В конце концов до Паркан до самого моста, разрушенного весной 1919 года, по комат отпустил оставшихся призывающих по домам до особого обеим колеям растянулись белогвардейские эшелоны. Среди них распоряжения.

16 бронепоездов, 35 вагонов со снарядами и боеприпасами²⁶.

дин из поездов даже рухнул в Днестр. В тридцати шести вагонах следовали галицийские воинские части. Оказавшись в трудническом положении, галичане отказались отступать за Днестр с остатками Добровольческой армии и объявили о своей поддержке Советской власти.

12 февраля бригада Г. И. Котовского освободила Тирасполь. После долгих месяцев лишений и разлуки красноармейцы вернулись к родным местам. К 5 марта левобережная Молдова была полностью освобождена от деникинских войск²⁷.

Советская власть в Приднестровье была еще непрочной, и уже с первых дней своего существования ей пришлось столкнуться с серьезным противодействием как со стороны местного населения, так и внешних сил. 6 апреля, в день открытия уездного съезда Советов, восстали галицийские части. За час до открытия первого заседания рота галичан окружила здание клуба, где намечалось проводить съезд, стала проверять документы прибывших делегатов и отправлять их по домам. Позже в своем докладе в Одессу Тираспольский ревком признал, что «кровавых эксцессов не было... Советские служащие были разбиты и препровождены в тюрьму»²⁸. К вечеру 7 апреля подошедшие из Одессы части Красной Армии разгромили восстание галичан. Советская власть в Тирасполе была восстановлена. Галичане стали первыми узниками созданных для «злостных зрагов Советской власти» концлагерей²⁹.

* * *

В конце апреля 1920 года началась советско-польская война. Используя занятость войск Красной Армии на советско-польском фронте, активизировались петлюровцы, тизанами Приднестровья. Советское командование приняло срочные меры для стабилизации положения на новом, петлюровском фронте.

19 мая в Тираспольском уезде была объявлена всеобщая мобилизация мужского населения 1893—1902 годов рождения³⁰. Б течение нескольких дней из Паркан было призвано более 400 человек. Но далеко не все попали на фронт. Не хватало оружия, обмундирования. По несколько недель томились призыты затянулись. К середине февраля отступление деникинских зыбников в военкомате в ожидании представителей воинских войск приобрело характер панического бегства. Участились случаи дезертирства. В конце концов до Паркан до самого моста, разрушенного весной 1919 года, по комат отпустил оставшихся призывающих по домам до особого обеим колеям растянулись белогвардейские эшелоны. Среди них распоряжения.

Именно в эти летние месяцы многие парканцы лишились сво-

их лошадей, также подлежащих мобилизации. Хотя за взятые лошади выплачивалась денежная компенсация, крестьяне разошлись с ними неохотно. Новые советские деньги стремительно обесценивались. Попытки властей остановить инфляцию силовыми методами успеха не имели. Мобилизации подлежащие... велосипеды. 25 августа в уезде была объявлена «мобилизация велосипедов и принадлежностей к ним, за исключением детских»³². Впрочем, Паркан это решение военкомата мало касалось. Такое «чудо техники» имелось только у владельца Ф. Н. Матвеенко.

Необученные и необстрелянные парканцы уже через несколько дней оказались в гуще военных событий. Воевали они до соросовестно. Любопытно, что, несмотря на массовое дезертирство из Красной Армии, среди наших земляков такое явление почти не встречается. В анкетах дезертиров бригады Г. И. Котлова за 1920 г. встречается много одесситов, тираспольчан и слободзейцев. 1 июля сразу 12 красноармейцев из Ближнего хутора бежали домой. И в то же время не обнаружено ни одной анкеты с бежавшим парканцем³³. Зато в списках награждениях наши земляки встречаются не раз. За самоотверженность в боях с петлюровцами в декабре 1920 года ценным подарком был награжден боец 400-го полка Пантелея Васильевич Чмил. 10 ноября в бою под Черновцами проявил смелость и находчивость командир отделения 401-го полка Михаил Николаевич Митов. Наткнувшись на отряд петлюровцев, он не растерялся и на окрик «Кто?» ответил: «Свои. Бросай оружие!» Используя краткое замешательство противника, бойцы отделения М. Митова обратили петлюровцев в бегство. 16 ноября под деревней Казимировка пулеметчик Андрей Петрусян «задержал» наступление целой колонны противника, дав возможность остальным пулеметам подойти вплотную и совершенно разгромить банду»³⁴.

45-я стрелковая дивизия, где воевали большинство парканцев, сыграла заметную роль в советско-польской войне, в борьбе с летучими отрядами Н. Махно на Украине, особенно в упорных боях под Кременчугом.

Гражданская война для нас овеяна романтикой, и часто историки просто замалчивают, какой ценой доставались громкие победы Красной Армии. Несмотря на шумные кампании помощи фронту, реквизированные у населения продовольствие и одежда чаще всего до войск не доходили. Большинство частей в прежнему были разутыми, раздетыми и воевали полуоголенным. Массовые инфекционные заболевания приводили к большим потерям.

В ряде случаев обессилевшие парканцы добирались до своего дома, отпущенные командирами с фронта, и медленно умирали на глазах отчаявшихся родственников. Так умерли демобилизованные красноармейцы С. Д. Вербанов, И. М. Гайдаржи и некоторые другие. В декабре 1920 года больным, обессилевшим возвращался домой Я. Л. Добров, отправленный командирован в отпуск по болезни. Провожать его на вокзал в Кременчуге пришли все земляки: Г. М. Добров, А. Ф. Хаджи, Я. А. Тимофеев — всего 10 человек. Поделились скучным провиантом, передали записки родным. В качестве сопровождающего с

Я. Л. Добровым ехал демобилизованный М. С. Спасов. Больше всего он боялся, чтобы его товарищ не умер по дороге. На новках бегал за кипятком, как мог, старался поддержать земляка. 28 декабря рано утром приехали в Тирасполь. М. С. Спасов пошел пешком в Парканы, а Я. Л. Добров поплелся на Кирпичную слободку к своей родственнице А. И. Орловой (ее девичья фамилия — Доброда). «Узнала я его лишь по разговору», — вспоминала в одном из документов А. И. Орлова. Ее муж сомневался до тех пор, пока не проверил документы у героя последние силы свояка. Лишь тогда запряг подводу, больного бережно уложили на сено и повезли в Парканы³⁵.

Большинство парканцев вернулись с фронтов гражданской войны к весне 1921 года. Трудно определить количество погибших, умерших в госпиталях и дома. Такой статистики (если она вообще существует) найти не удалось. Где-то в украинских степях погиб отчаянный кавалерист М. Н. Митов. Пропал без вести красный моряк Д. К. Погорельский. О многих погибших парканцах уже упоминалось выше. Оставшиеся в живых возвращались с надеждами, истосковавшись по родному селу и в ожидании перемен к лучшему.

III. УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ПАРКАНАХ (1920—1921 ГГ.)

есть изъятие всех излишков хлеба и других продуктов. Конкретные цифры продразверстки были непомерно завышены. В 1920 году Тираспольскому уезду необходимо было сдать 630 000 пудов хлеба³. Из них на малоземельную, нехлебную небольшую (всего два села) Парканскую волость приходилось 63 720 пудов⁴.

Особенно возмущали крестьян методы изъятия излишков. Для безусловного выполнения продразверстки в селе Тираспольского уезда было направлено одиннадцать продовольственных полномочия. Командиры

Как-то мой кишиневский знакомый, прочитав первую книгу отрядов, имевших чрезвычайные полномочия. Командиры о жизни парканцев до Октябрьской революции, задал мне отрядов широко использовали накопившийся двухлетний опыт торический вопрос: «И кому это все мешало?». Можно, конечно, вспомнить о закономерностях развития общественной России по насильтственной конфискации продуктов. Наиболее социальных и экономических кризисах, социальных революций распространенной формой насильтственного изъятия хлеба циях. Но в наши тревожные дни мы на собственном горько крестьян была так называемая «система коллективной ответственности», а проще говоря — институт заложников. Уже в национальные перемены в обществе, сколь губительны неоправданные эксперименты. Когда наш говорливый «прораб перестройки» смактику. Двадцать крестьян были взяты в заложники и заперто в подвале ревкома. Общему сходу села был предъявлено название зловещего смысла своих слов. Не зря многие философы считают: в течение суток сдать пятьсот пудов хлеба. В прошли олицетворяют революцию с хаосом, расколом в обществе, крахом в случае заложники будут расстреляны. Ошеломленным вью, миллионными жертвами и искалеченными судьбами крестьянам ничего не оставалось делать, как срочно собрать поколений.

Переживая нынче нелегкие времена, мы, наверное, лучше всего понимаем, что такое заложники. Заложники были отпущены. Репрессивные меры, тактика заложничества при проведении сможем разобраться в событиях революционных лет. Ни в коем случае не берусь идеализировать прошлое. Проблемы, возникшие в результате продразверстки продолжались и в дальнейшем. Об этом красно-ящие перед обществом на рубеже веков, были видны невооружено: свидетельствуют ежемесячные доклады местных органов заженным глазом, и три русских революции стали их закономерностью в Одессу. На вопрос изготавленного типографским способом бланка-отчета «Приходилось ли применять репрессивные

Как уже упоминалось, Советская власть окончательно привнесла в левобережные районы Молдовы в феврале 1920 года. Ревком не раз лаконично отвечал: «Приходилось: забирали излишки хлеба вплоть до семенного комитета. Первым председателем волревкома стал Игнат Иванович Николаев¹. Ревкомы считались переходными органами незасеянными 6000 десятин из 7058⁵. Так закладывались власти до выборов сельских и волостных Советов крестьянами, множенными на небывалую засуху основы голода 1921 года. депутатов. В стране вовсю полыхала гражданская война, и даже волости новых органов власти прежде всего была подчинена кратким проявлениям недовольства Советской властью. Одновременно с галичанами вспыхнуло стихийное выступление крестьян Паркан и Закрепостной слободки (пригород Тирасполя). Уже 27 февраля был сформирован волостной военкомат, который возглавили Петр Никифорович Стоянов и Сергей Петрович Узун².

Далеко не все чрезвычайные меры уездных органов власти встретили поддержку местного населения. Особое недовольство сельских тружеников вызвала продовольственная разверстка: бужденные парканские мальчишки прибежали в село и, захлебываясь от частого дыхания и слез обиды, рассказали о случившемся взрослым. Кто верхом, кто на подводах парканцы по-

мчались в Тирасполь и забрали коров обратно, притом изрядно поколотив грабителей. Тираспольский ревком в своем докладе в Одессу отрицал свою причастность к грабежу и о принятых мерах сообщил следующее: «Благодаря энергичной революционной твердости работы в неспокойных приднестровских селениях была налажена быстро»⁶.

Неизвестно сколько тяжело складывались первые месяцы Советской власти в Парканах. Несмотря на то, что подавляющее большинство взрослого населения Паркан. Однако Тираспольский уездный исполнком стал проявлять недовольство землевладельцам Парканским сельсоветом, который довольно криминально относился к многочисленным указаниям и директивам езда и даже к декретам и постановлениям Советского правительства.

10 мая уездный исполнком объявил Парканский и Слободянский сельсоветы кулацкими и постановил распустить их, парканских крестьян не применяли наемного труда и могли лишь назначив волостные революции. Председателем нового Парканского волревкома был назначен опытный И. М. Проданов. селом с «большой кулацкой прослойкой». Кулаки же, как известно, с первых дней после Октябрьской революции были объявлены «врагами Советской власти». Методичная, ежедневная идеологическая обработка сельских жителей сводилась к одному: беспощадная борьба с кулаком. «В каждом кулаке сидит бандит, — наставляла уездная газета «Известия». — Раскулачить кулака, значит раз и навсегда освободить селянство от разбойниччьего бандитизма». Гражданская война из степных сторон перенеслась в приднестровские села, поделив крестьян на «своих» и «чужих». Трагедия общества приобретала конкретное выражение в трагедиях сел и даже отдельных семей, когда сосед пошел против соседа, сын против отца, брат против брата.

Для подобных ситуаций местные органы власти подготовили свои контрмеры. Вновь в подвал волревкома были брошены захваченные оружие. В течение двух дней у местного населения было изъято 140 винтовок, 20 обрезов, 3 пулемета, много боеприпасов даже одна походная кухня⁸.

Не успели парканцы опомниться, как нагрянула новая беда. ночь на 24 мая через Днестр переправился конный отряд петровцев во главе с уроженцами села Плоское офицерами Пукаловым и Емельяновым⁹. В исторической литературе этот рейд трактуется как попытка захвата парканцев по Тираспольскому уезду не отражен, за исключением упоминания в книге З. М. Ивановой¹⁰ о переходе границы. В архивах Кишинева и Одессы сохранилось об этом эпизоде лишь несколько свидетельств. Но в сочетании с воспоминаниями старожилов можно восстановить суть происшедшего.

Свободолюбивые и честолюбивые парканцы стали оказывать вооруженное сопротивление. Практически неистощимый арсенал оружия и боеприпасов был под рукой. Деникинские эшелоны, много месяцев стояли на путях без всякой охраны. К огромному счастью, когда поздно вечером отряд остановился под Тирасполем, часть парканцев, воспользовавшись темнотой, бежала¹¹. Несколько стояла открытая платформа с гаубицей. Ребята ловко защищаясь в Тирасполе, отряд Пукарова двинулся на Разлазали на площадку, врашивали орудие во все стороны, играли в «войну». Взрослое же население играло в другие «игры». Расстались. Среди крестьян все больше зрело недовольство затянутой торопливой жизнью окрестных сел по ночам целыми подводами авантюристами. Пронесся слух, что в Парканах взяты заложники из вагонов муку, соль, сало и другой провиант. Не числа родственников участников рейда. В стане парканцев возбуждали и об оружии. А вскоре парканцы нашли ему применик заговор, душой которого стал Яков Григорьевич Радулов.

Крестьяне ночью схватили Пукарова и Емельянова, привязали к стволу орудия и отправились домой. Не дойдя до Тирасполя, показали заметную активность, и в голосовании участвовали офицеров и отпустили с миром. Я. Г. Радулов, А. И.

Спасов, Г. А. Николаев, В. К. Степанов, Г. Т. Обручков и другие участники рейда¹² вернулись к своим семьям.

После дерзкой вылазки Пукарова и в связи с неспокойной обстановкой в Тираспольском уезде Одесский губревком 30 июня¹³ постановил назначить вместо уездного исполкома ревком кит никакому сомнению, — сетовали блюстители революции трех человек¹⁴. Методы убеждения и агитации советских и патриотических органов все больше уступали место мерам репрессий, мелкособственническая, мелкобуржуазная идеология вновь возобладала, деревня Тираспольского уезда не расстала с крестьянством чрезвычайно сильно»¹⁵. 23 октября, так никого и не изъявили из-за Днестра посадив, члены губревтрибунала выехали обратно в Одессу. Упреждая новые возможные выступления крестьянства, упрочнили систему заложничества: «15 августа. Взято по два земельных и малоземельных крестьянина из каждого села, что деревня Тираспольского уезда не расстала с крестьянством чрезвычайно сильно»¹⁶. 23 октября, так никого и не изъявили из-за Днестра посадив, члены губревтрибунала выехали обратно в Одессу. Упреждая новые возможные выступления крестьянства, упрочнили систему заложничества: «15 августа. Взято по два земельных и малоземельных крестьянина из каждого села, что деревня Тираспольского уезда не расстала с крестьянством чрезвычайно сильно»¹⁷. 23 октября, так никого и не изъявили из-за Днестра посадив, члены губревтрибунала выехали обратно в Одессу. Упреждая новые возможные выступления крестьянства, упрочнили систему заложничества: «15 августа. Взято по два земельных и малоземельных крестьянина из каждого села, что деревня Тираспольского уезда не расстала с крестьянством чрезвычайно сильно»¹⁸. 23 октября, так никого и не изъявили из-за Днестра посадив, члены губревтрибунала выехали обратно в Одессу. Упреждая новые возможные выступления крестьянства, упрочнили систему заложничества: «15 августа. Взято по два земельных и малоземельных крестьянина из каждого села, что деревня Тираспольского уезда не расстала с крестьянством чрезвычайно сильно»¹⁹. 23 октября, так никого и не изъявили из-за Днестра посадив, члены губревтрибунала выехали обратно в Одессу. Упреждая новые возможные выступления крестьянства, упрочнили систему заложничества: «15 августа. Взято по два земельных и малоземельных крестьянина из каждого села, что деревня Тираспольского уезда не расстала с крестьянством чрезвычайно сильно»²⁰.

Новые органы Советской власти были заинтересованы в расширении своей социальной базы на селе. Это нашло отражение в создании партийных и комсомольских организаций, в объединении беднейших слоев крестьянства. 20 августа в Парканах Парканский КНС был создан 7 сентября, намного позже, была создана партийная ячейка¹⁶. Первоначально в ее составе в других селах Тираспольского уезда. В него вошли всего десять коммунистов, но лишь один из них был местным жителем — И. М. Проданов. Кроме него в парканскую ячейку вошли руководители и члены продовольственного отряда кулаков. С момента его образования до весны 1921 года было проведено несколько чисток КНС, а 15 мая 1921 года партийный секретарем партийной ячейки стал А. Г. Смирнов, заместителем — Г. Т. Атаманчук. Кроме выполнения прореволюционных задач коммунисты считали вовлечение в партию новых членов из числа местных жителей.

Долгое время не удавалось вовлечь в комсомол местную молодежь. Комсомольская ячейка возникла намного позже партийной — лишь 2 февраля 1921 года. Ее первым секретарем стал С. Т. Петров¹⁷.

Для расширения социальной базы на селе большевистская партия настойчиво проводила классовое расслоение крестьянства. К этому умышленно спровоцированному процессу было подключено и недавно созданные органы юстиции, осуществлявшие в первую очередь карательные функции. Они также проводили классовое расслоение деревни. В целях ее безусловного выполнения стали активно выявлять «кулаков», подвергать их судебному указанию Совета Народных Комиссаров УССР все 24 волости Тираспольского уезда были поделены на четыре категории. В сентябре 1920 года в Тираспольском уезде работала выездная «Красная» волостями были названы те, где кулацкая пропажа была незначительной и план прореволюционных форм незнакомого еще доселе крестьянству красного суда»¹⁸. Главной целью своей поездки члены ревтрибунала назывались «черными». К ним были отнесены Плосковская, Малаштская, Коротнянская, Парканская и другие волости. Они

были объявлены «врагами Советской власти» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Против этих волостей систематически провозглашались кампании «нажима», «похода на кулака».

Осенью 1920 года изъятие излишков в приднестровских селах достигло своего апогея. Крестьянам под страхом расстрела запрещалось продавать сельхозпродукцию. По приказу уездного ревкома все сельские рынки были закрыты, деревянные постройки базарной площади в Тирасполе снесены ипущены на топливо²². В крестьянских хозяйствах изымался не только хлеб. В октябре парканский волревком докладывал о завершении фруктовой разверстки и продолжении сбора от населения мяса, молока, яиц²³. Возмущился распоряжением уездного ревкома об изъятии у членов партичайки оружия, «что делает их беззащитными»²⁷. Помимо продразверстки настоящим бедствием для парканцев стала непосильная гужевая повинность. Чуть ли не еженощно необходимо было предоставлять подводы и лошадей для отправки в Тирасполь конфискованных в Парканах, Терновке, Балтачке продуктов и имущества, снаряжать экипажи для прибывающих из Тирасполя и Одессы многочисленных проверяющих. Отказавшиеся от слишком частой гужевой повинности крестьяне Рени получили в свое распоряжение революционной со-

Губернские и уездные органы власти уже не в состоянии были справиться с нараставшими хозяйственными трудностями. Возникавшие проблемы решались в основном авральным порядком — путем трудовых мобилизаций и создания очередной комиссии с чрезвычайными полномочиями. К началу 1921 года в Тираспольском уезде работали, дублируя и перекрывая друг друга, комиссии по борьбе с голодом, по борьбе с засухой, по пересмотру плана снабжения, помощи Красной Армии, топливной и другие. Уже тогда были заложены основы той административно-командной системы, которая впоследствии долгие годы господствовала в нашей стране. Непомерно разбух управляемский аппарат не только в уезде, но и в волостях. В парканском волостном исполнкоме помимо председателя, его заместителя и секретаря имелось еще пять отделов: отдел управления, волземотдел, волнаробраз, волсобес и волвоенкомат. Каждый из отделов кроме заведующих входили еще 2—3 инструктора, делопроизводители, рассыльные²⁴.

е строго наказывались. «Руководствуясь революционной беспечностью, — постановил волревком в январе 1921 года, — конфисковать у гражданина с. Парканы Дизова Кирилла пару лошадей с упряжью и повозкой за уклонение от гужевой повинности, а самого отправить в особый отдел для предания суду»²⁵. С июня, когда полевые работы были в разгаре, парканцы все чаще отказываться выполнять гужевую повинность. «Приходится принимать самые репрессивные меры и часто арестовывать уклоняющихся»²⁶, — сообщается в политко-экономической сводке за 12 июня.

Как известно, состоявшийся в марте 1921 года X съезд РКП(б) принял знаменательное решение о замене продразверстки продналогом. В исторической литературе до сих пор бытует мнение, что с этого времени крестьянам стало легче жить, и они повернулись лицом к Советской власти. Но как объяснить, почему пик крестьянских выступлений падает именно на 1921 год? Что же произошло на самом деле? Попробуем разобраться.

Наступил неизвестно тяжелый, роковой 1921 год. Напряжение в приднестровских селах, вызванное поборами продовольственных отрядов, нарастало. Фактически вся советская работа на селе была сведена к выкачиванию «излишков». Председатель уездного исполнкома Михайлов на одном из совещаний признал, что «Советской власти на местах нет, вместо нее существуют штабы уездных пятерок, четверок и т. д.»²⁵. Тревожные сообщения поступали из Паркан: «Население возбуждено требованиями волчетверки. Поступают жалобы на непосильную разверстку. Маслобойня закрыта, мельница работает плохо, большей частью закрыта из-за отсутствия топлива»²⁶.

С 21 апреля вышел приказ № 73 гираспольского уездного исполнкома «О замене продразверстки продналогом», согласно которому от продразверстки освобождались только «красные» воинские части. Приказ уездного ревкома сопровождало циркулярное письмо № 1. В нем пояснялось, что продовольственный налог будет взиматься с урожая 1921—1922 гг.²⁷, а в 1921 году предстояло уплатить и налог, и разверстку. Явно преувеличенная губернским центром площадь посевного фонда в 510 000 десятин²⁸ роковым образом предопределила и непомерно завышенный продналог, что тяжелым бременем легло в первую очередь на малоземельное Приднестровье. Крестьянам Парканской волости предстояло в 1921 году сдать дополнительно 55 000 пудов

Периодически в Тирасполе проходили совещания и съезды руководителей местных ревкомов, парткомов, комнезамов и комсомольских ячеек. Чаще они превращались в инструктаж на-
ности предстояло в 1921 году сдать дополнительно 35 000 пудов хлеба³².
Об этой малоприятной новости парканцы узнали на общем сходе села 12 мая. Можно только себе представить весь коло-

рит нелитературных выражений, которыми крестьяне прокомментировали услышанный приказ уездного ревкома. Во всякоаграничили эпидемии тифа и оспы. В Парканах был отмечен мас-случае, как сообщается в документе, члены волревкома и парсовый падеж свиней. Тревога за ближайшее будущее все боль-ячейки «не могли закончить схода, вследствие шума, поднятое охватывала парканцев. Уже не надеясь на собственный уро-на сходе крестьянами. В связи с наложенной на волость допожай, многие селяне, кто в одиночку, кто небольшими группами-нительной разверсткой, — отмечалось далее, — настроение у них, стали отправляться за хлебом в Подольскую губернию.селения возбужденное»³³.

Мучительно долгое ожидание селян, что после окончания гражданской войны экономический гнет уменьшится, оказалось о «трудовых дезертирах», ни аресты. В июне уездный исп-напрасным. Они считали себя обманутыми. В с. Гребеники проходком в связи с тяжелым положением сократил норму продо-объявления на сходе вторичной разверстки возмущенные кре-зольственного пайка: фронтового — 1,5 фунта, тылового — 0,75стьяне избили продработника³⁴. Из Паркан поступали такие фунта. Выдача хлеба общепиту для рабочих и служащих уезда же тревожные вести: «Прежнюю шаблонную фразу «отношени-была прекращена³⁵.

Советской власти недоверчиво-выжидательное» приходится заменить фразой «отношение к Советской власти враждебное»³⁶. Участники случали избиения красноармейцев и пограничников, появлявшихся без спросу в парканских садах и огородах. Владельцы выявляли все новых и новых засинщиков беспорядков. Жители Паркан С. Добрив и Д. Николаев ведут среди крестьян контреволюционную агитацию, имея на них большое влияние³⁶.

Между тем, в статистических губернских отчетах стали появляться тревожные цифры, свидетельствовавшие о надвигающейся катастрофе. Да и умудренные житейским опытом селяне предчувствовали беду. Зима 1921 года выдалась бесснежной весной — без дождей. Сев прошел безрадостно. Стояла крестьянская душа, когда брошенные семена падали в сухую землю. Засушливое лето окончательно лишило крестьян каких-либо надежд. Урожай в Парканской, Коротнянской, Розальевской волостях Тираспольского уезда полностью погиб от засухи³⁷. Осенью 1921 года в Парканской волости было засеяно всего лишь 629 десятин земли, что обрекало крестьян на голод и следующем году.

Не выручили парканцев и сады. За счет проданных фруктов они могли бы как-то пополнить свои хлебные запасы. Но не тут-то было. Не дожидаясь распоряжений из центра, уездный ревком издал приказ № 81 о существенном увеличении налога на фрукты. Всего по уезду в 1921 году у крестьян было изъято 128 500 пудов фруктов, в том числе весомая часть из парканских садов. Действие сухого закона в период первой мировой войны привело к сокращению парканских виноградников на 6 процентов. Засуха 1921 года добавила потери. Площадь виноградников по Парканской волости с 260 десятин в 1921 г., со-кратилась к 1922 году до 180.

Беда не приходит одна. Наряду с засухой в Приднестровье Тревога за ближайшее будущее все боль-ячейки «не могли закончить схода, вследствие шума, поднятое охватывала парканцев. Уже не надеясь на собственный уро-на сходе крестьянами. В связи с наложенной на волость допожай, многие селяне, кто в одиночку, кто небольшими группами-нительной разверсткой, — отмечалось далее, — настроение у них, стали отправляться за хлебом в Подольскую губернию.селения возбужденное»³³.

Тоездки крестьян Приднестровья в Западную Украину приняли массовый характер³⁸. Их не останавливали ни строгие резолюции о «трудовых дезертирах», ни аресты. В июне уездный исп-

Уездные власти докладывали в центр о принятых «эффек-тивных мерах», об организации сельскохозяйственных работ. Но многочисленные реляции выглядели красиво лишь на бумаге. Созданные в уезде первые колхозы и совхозы носили декора-тивный характер и не могли решить продовольственных задач. Лишь совхоз «Роскошное» имел определенную материальную базу и произвел в 1921 году посев, но весь урожай погиб⁴⁰. Широко рекламировалось создание прокатных станций, созданных

из инвентаря, изъятого «в порядке нажима на кулака». Но приезжавшая в Парканы и Терновку комиссия вынуждена была констатировать: «Состояние этих станций ужасное... Это были скорее свалочные места»⁴¹.

К осени в Тираспольском уезде сложилась катастрофическая ситуация с продовольствием и топливом. Осенняя посевная кампания в связи с отсутствием семян была под угрозой срыва. Угля и дров не было. Организованная в уезде выкорчевка пней и сбор кизяка также ничего не дали. 10 сентября исполком принял решение о передаче лесному комитету остатков камышовых плавней для разработки и реализации. В ту холодную и голодную зиму многие крестьяне Приднестровья вынуждены были посягнуть на свои сады. Целыми десятинами их вырубали не столько для отопления, сколько для продажи или обмена дров на хлеб.

Несмотря на решения X съезда РКП(б), на местах ничего не изменилось. И продразверстка, и продналог по-прежнему изымались насильственными методами. В ноябре 1921 года в Тираспольском уезде был объявлен очередной «поход на кулака». В связи со срывом поставок продовольствия 11 ноября особый комитет утвердил «план принудительного взимания продналога». Согласно этому плану с 16 ноября в волости, не сдавшие продналог, вводились войска Красной Армии. Ощущимых ре-

IV. ПАРКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

зультатов в неурожайной Парканской волости ожидать не приходилось. Поэтому особом уезда помимо ввода войск постановил лишить комнезамы государственной помощи и ввести дополнительные санкции к неплательщикам. Такое решение побудило парканский комнезам к более активным действиям: конфискации у зажиточного крестьянства земли, инвентаря, домашнего скота, продовольствия.

Многие крестьяне, чтобы уменьшить размер налога, стали отказываться от своего главного богатства — земли, которую зачастую нечем было засевать. Однако особый комитет расценил эту нехитрую крестьянскую тактику как «утайку земли» и призвал волисполкомы не допускать подобных случаев, а в целях максимального изъятия налога «настойчивее производить расквартирование войск»⁴².

Некогда гостеприимные и хлебосольные, парканцы непривыкли принимали на постой полураздетых и голодных красноармейцев. Назревшее недовольство измученных крестьян в любую минуту могло перерасти в серьезный конфликт. Так и случилось.

«Сынок, а про банду писать будешь?» — такой вопрос задали мне почти все старики, с содроганием вспоминая тот зловещий день. 19 ноября 1921 года — «белое пятно» парканской истории.

В исторической литературе это событие упоминается как «кулацкий мятеж», «налет петлюровской банды, поддержанной горсткой парканских кулаков»¹. Учитывая важность событий 19 ноября в судьбе Паркан, региона в целом, постараемся глубже разобраться в происшедшем, оценить степень участия в этом событии крестьян, понять, какое значение оно имело для всей последующей парканской истории. При подготовке к написанию этого очерка я стремился к максимальной объективности, старался буквально по часам проследить хронику «черной субботы». Поэтому в очерке собрано максимально возможное число документальных источников: материалы партийной комиссии Одесского губкома, донесения Тираспольского уездного парткома и исполкома, материалы комиссии Украинского военного округа, Одесского губернского трибунала, Главсуда Молдавской АССР, донесения и сводки ЧК, румынской сигуранцы, материалы бывшего Кишиневского партархива, опубликованные документы Наркоматов иностранных дел УССР и РСФСР и погранвойск СССР и, разумеется, воспоминания очевидцев.

Казалось, я знаю о зловещей «черной субботе» почти все, вплоть до погоды. И все же не без волнения берусь за описание этой трагической страницы парканской истории. Слишком большую роль она сыграла в жизни парканцев, искалечила судьбы сотням крестьян нескольких поколений.

1. НАКАНУНЕ

Фактически весь предыдущий очерк можно охарактеризовать как объяснение причин парканского крестьянского восстания. В 1921 году взрывоопасная ситуация сложилась не только в лесобережных селах Приднестровья, но и в ряде крестьянских регионов России и Украины. Недовольные затянувшейся прод-

разверткой и методами ее проведения, испытывая голод и лишения, крестьяне все чаще брались за оружие, а если его не было — за вилы и топоры.

В западных и юго-западных областях Украины, куда входила и левобережная Молдова, немаловажную роль в крестьянских выступлениях сыграл и внешний фактор. Укрывшись Польше и Румынии, остатки петлюровцев и белогвардейцев однократно совершили дерзкие рейды на советскую территорию, умело и постоянно поддерживая пожар крестьянской войны. Антисоветски настроенные польское и румынское правительства оказывали негласную поддержку всяческого рода «повстанческим комитетам», «центрам по борьбе с большевизмом» и прочим подобным организациям, закрывали глаза на создание опорных баз вооруженных формирований на своей территории. Докладе румынской сигуранце (тайной политической полиции), бывший офицер царской армии Иван Гордиенко, представив

шись начальником штаба «центрального повстанческого комитета», поведал об оперативном руководстве «повстанческими войсками» в западных украинских губерниях. Последующие события покажут, что И. Гордиенко явно преувеличивал силу «повстанческой армии», но, действительно, подготовка к крупномасштабной акции на левом берегу Днестра велась интенсивно.

Опорными пунктами петлюровцев в Бессарабии стали Кишинев и Бендера, где скопилось значительное число петлюровцев, деникинцев, врангелевцев. Трагична судьба сотен изгоев, оказавшихся лишними в своем Отечестве. Румынское правительство встретило белогвардейских офицеров весьма неприветливо, помня их отношение к присутствию румынских войск в Бессарабии. За большинством офицеров сигуранца установила скрытое наблюдение, внедрила в их ряды своих агентов-информаторов. И в то же время Румыния тайно поощряла и направляла антисоветскую деятельность офицеров. Некоторые из них даже были принятые на службу в 3-й армейский корпус, расположенный в Бессарабии.

Наибольшую активность в Кишиневе и Бендерах проявляли офицеры — выходцы из Тирасполя и села Плоское Г. Батурина, М. Пукалов, В. Емельянов, Г. Небогатьев, П. Дедученко, Желобаев и др. В 1920—1921 гг. они не раз совершали дерзкие вылазки из-за Днестра, проносились по Тираспольскому уезду и благополучно возвращались обратно. Чаще других в сводках, документах и воспоминаниях звучала фамилия капитана (в других документах — полковника, подполковника) Пукалова, отсюда и частое упоминание их отряда как «пукаловцев» или «пукаловской банды».

К лету 1921 года часть пукаловского отряда обосновалась на одной из кишиневских дач по Ганчештскому шоссе². Многие офицеры жили на квартирах по улицам Армянской и Пирогова. Штаб повстанцев приступил к разработке широкомасштабного выступления. Петлюровцы активизировали работу агентурной сети на советской территории. В населенных пунктах разбрасывались написанные от руки антисоветские листовки, за подписью «штаба крестьянских повстанческих отрядов»⁴ и даже отпечатанная типографским способом газета «Повстанец»⁵. Руководители военных формирований петлюровцев в Кишиневе и Бендерах были хорошо осведомлены о численности пограничных и регулярных советских войск в приднестровских селах, их вооружении и местах дислокации. В каждом из сел, в том числе и в Парканах, были информаторы из местных жителей, не раз тайком переправлявшиеся через Днестр, чтобы сообщить какие-либо важные сведения.

Нельзя сказать, что Советскому правительству, партийным, советским руководителям всех уровней не было известно о новых приготовлениях петлюровцев. Информация эта стекалась как в ВЧК, отвечавшую тогда за охрану государственной границы, так и в штаб по борьбе с бандитизмом Украинского военного округа, возглавляемый лично М. В. Фрунзе. В августе, по сведениям Одесской ЧК, в Бендерах был «организован отряд белогвардейцев под командованием офицера Шостакова. Для них строится конюшня на 100 лошадей. Ядро этого отряда находится в Кишиневе»⁶.

13 августа советские правительства УССР и РСФСР обратились к румынской стороне с протестом, обвиняя ее в пособничестве белогвардейцам Гулай-Гуленко и Пшенинику «в формировании банд». В ответной ноте румынское правительство делало вид, что впервые слышит о петлюровских вооруженных формированиях на своей территории: «На нас многие, как и эти мнимые откровения производят впечатление какого-то романа». Румыния лицемерно заверяла Советскую Россию в своей лояльности к ней: «Мы никогда не разрешали никакого рекрутования банд в Румынии»⁷. Пока шла дипломатическая перепалка, в Бендерах продолжалась концентрация петлюровцев. При румынском военном штабе было создано так называемое «Украинское информационное бюро» под руководством полковника Емельянова и поручика Дедученко⁸.

Обе стороны через своих агентов на чужой территории были хорошо осведомлены о действиях друг друга. Тем более поражает та беспечность, с которой советская сторона готовилась к отражению возможного нападения. 21 сентября Тираспольское

уездное военное совещание обсуждало поступившее телеграфное сообщение из Одессы о принятии мер «к прекращению перехода через госграницу на территорию Украины отдельных банд и их главарей». Но прежде чем приступить к укреплению границы, командиры расположенных в Тирасполе воинских частей обратили внимание на наиболее насущные, первоочередные проблемы: обуть и одеть личный состав гарнизона⁹. Меры охране железнодорожных мостов и телеграфных линий свелись к введению «института ответчиков», то есть расстрел ложников в случае осуществления диверсионных актов¹⁰. Серезных же мер по укреплению границы так и не было принято, несмотря на поступавшие новые сведения о перегруппировке петлюровских формирований.

16 ноября в 23 часа 30 минут к начальнику особого отдела Тираспольского уезда Южному явился агент из-за Днестра с известием о том, что петлюровцы предполагают в ближайшие дни совершить вылазки в трех пунктах: Кицканах, Парканах и Бычке. Тайный агент был отправлен для доклада в губернскую ЧК в Одессу¹¹. 17 ноября на заседании уездного военного совещания Южный сообщил об имеющихся сведениях. Решением военкома 60 красноармейцев 451-го полка были отправлены из Тирасполя на укрепление пограничных застав. Однако в дальнейшем в Тирасполе приняли ряд более чем странных решений. Начальник гарнизона и обороны Тирасполя, он же командр 2-го коммунистического полка Забалуев не был оповещен о предполагавшемся выступлении петлюровцев, более того, за два дня до нападения он был отправлен в командировку. Его заместитель также не был предупрежден о готовящейся вылазке с правой стороны Днестра.

В течение двух последних месяцев парканские призывники вместе с пограничниками несли службу в «заградилке», по охране границы. Но именно вечером 18 ноября они почему-то были сняты с охраны и отправлены по домам¹².

Не менее странным выглядел приказ командира 1-й роты 185-го пограничного батальона о назначении на утро 19 ноября учебных стрельб, хотя подобные стрельбы в пограничной полосе на берегу Днестра были категорически запрещены. Ознакомившись с приказом командира роты и получив еще устные указания, командир взвода Буренин послал записку председателю парканского волостного исполнкома Г. Василатию о предстоящих стрельбах и предложении оповестить население Паркан, «дабы с утра 19 ноября крестьяне не выходили и не выезжали в сторону Бычка и не выгоняли скот»¹³. К вечеру 18 ноября волостной военком С. Я. Соколов, деловод М. В. Бель-

кий и сотрудник волисполкома С. С. Каюнов подготовили повестки и вызвали рассыльных. До глубокого вечера они ходили по домам и оповещали парканцев о предстоящих стрельбах. Как ни странно, квартировавшие по домам селян красноармейцы, о стрельбах не были оповещены начальством¹⁴. К слову сказать, не все парканцы узнали о запрете выезжать в сторону Бычка, и некоторые из них рано утром отправились в поле. Тем временем в Бендерах пукаловский отряд нетерпеливо ждал темноты. Уже вочных сумерках пукаловцы подошли к прибрежному селу Гура-Быкулуй напротив с. Бычок. Место было выбрано удобное не столько для переправы, сколько для нападения в стык между двумя заставами, Бычковской и Парканской. К переправе готовилась ударная группировка белоэмгрантов. Численность отряда в различных документах колеблется от 30 до 150. Пожалуй, наиболее точными можно считать данные румынской сигуранци, имевшей в отряде двух своих тайных информаторов. Согласно донесению ее бендерского отделения, в отряде насчитывалось 125 повстанцев, частью вооруженных, частью без оружия. Кроме кадровых белогвардейских офицеров, в составе отряда были и выходцы из Плоского, Паркан и Бычка. Отряд возглавил уроженец села Плоское полковник Батурин. Вместе с ним к переправе готовилось почти все руководство повстанческой организации: полковник Пшеник — руководитель, подполковник Шевченко — начальник штаба, начальники отделов полковники Небогатьев, Порайко, подполковники Иващенко и Новицкий, а также капитаны Пукалов, Дедченко, Емельянов (в других документах — полковник), Желобаев и другие¹⁵.

2. «ЧЕРНАЯ СУББОТА»

В ночное небо было выпущено несколько ракет. Это был условный сигнал для ожидавших на левом берегу агентов отряда из числа жителей Паркан и Бычка. Наконец кто-то из пукаловцев увидел чуть заметный огонек зажигалки на противоположном берегу.

Обратил внимание на сигнализацию и контролер особого поста погранзаставы в с. Бычок Юрьев. Он предупредил команда взвода Буренина о предстоящей переправе с правого берега. Буренин взял с собой трех красноармейцев и отправился осматривать берег. Тем временем сигнализация ракетами продолжалась. Пограничники отчетливо услышали недалеко от себя несколько глухих ударов по доске. После тщетного прочесывания берега бойцы отправились на заставу. Буренин спокойно

отнесся к произшедшему и даже не приказал усилить посты.

Но в третьем часу ночи в караульное помещение прибежал красноармеец и сообщил, что на воде замечена лодка. Взвод был поднят в ружье и кинулся к Днестру, за исключением двух красноармейцев, не имевших обуви. Когда взвод добежал к берегу, то заметил уже около пятнадцати человек, успевших переправиться. Завязалась стрельба, но вскоре, по словам Буренина, у красноармейцев кончились патроны. Взвод побежал обратно на заставу за боеприпасами. Вернувшись, бойцы увидели на берегу уже около 60 человек. Не принимая боя, взвод отошел за село Бычок и залег на бугре. Бычок оказался в руках пукаловцев. Погранвзвод бросил на произвол судьбы двух своих товарищей, оставшихся в караульном помещении (один из них был убит пукаловцами, другой успел спрятаться) и четырех красноармейцев 17-го кавалерийского эскадрона, находившихся в Бычке для усиления пограничников. В итоге два красноармейца погибли. Пукаловцами были также убиты председатель плосковского КНС М. Соловьев и член комитета А. Дубин¹⁶. Со стороны нападавших при переправе погиб лишь один человек, уроженец с. Плоское М. Уричев.

В Бычке отряд разделился. Около пятнадцати человек во главе с полковником Батуриным поскакали в Плоское, а основной костяк, прихватив с собой 7 винтовок и 5 тысяч патронов, двинулся на Парканы.

Около двух часов пролежали пограничники на бугре, не принимая никаких активных действий. Внезапно перед ними появилась повозка, в которой сидели несколько неизвестных людей. Один из них окликнул пограничников: «Стой! Пароль?» На что, не задумываясь, кто перед ними, один из пограничников моментально ответил: «Курок!» Тогда с повозки открыли стрельбу. Взвод, не принимая боя, отошел к Красногорке. Сюда же из Токмазеи прибыла 1-я рота 185-го погранбатальона, поднятая по тревоге контролером Юрьевым. Рота, усиленная отступившим взводом, пошла на Бычок. Но там уже было тихо. Изучив обстановку и забрав раненых, командир роты отдал приказ следовать обратно в Токмазею. Несколько раз командир 17-го кавэскадрона Петрушин обращался к командиру роты с предложением двинуться на Парканы вслед за пукаловцами, но в ответ получал твердый отказ.

Не считая пограничников, гарнизон Паркан состоял из взвода 18-го кавэскадрона, приданныго 184-му погранбатальону. Общая численность красноармейцев — до 50 человек. Вооружение — 25 винтовок и 3 пулемета. В отличие от бойцов заставы, взвод был рассредоточен по квартирам, по 3—4 красноармейца

в каждой. Для связи с Тирасполем имелся телефон, но телефонные провода ночью были перерублены.

Неспокойная ночь выдалась в Парканах. По воспоминаниям очевидцев, всю ночь лаяли собаки, был слышен топот лошадей. Операция пукаловцев по захвату Паркан была хорошо продумана. Зная пароль и обстановку в селе, пукаловцы максимально воспользовались элементом внезапности. Паранская застава была захвачена без единого выстрела. Пукаловцы с помощью местных жителей быстро овладели пулеметами. Разбросанные по селу красноармейцы организованного сопротивления не оказались. Погибло 18 человек. Лишь незначительная часть гарнизона, беспорядочно отстреливаясь, отступила к Терновке, а затем к Тирасполю. Около двадцати красноармейцев, попавших в плен, пукаловцы разоружили и, изрядно поколотив, просто отпустили.

К рассвету Парканы полностью оказались в руках повстанцев. Выходившие из дворов крестьяне с удивлением смотрели на всадников с белыми повязками на руках и белыми лентами на шапках. Некоторые из пукаловцев даже вплели белые ленты в гривы и хвости лошадей. Пукаловцы и прибывшие с ними парканцы заходили в дворы и срочно созывали всех на сход села. Многие местные юноши из числа призывников сами явились к правлению, ничего не подозревая о налете и ожидая, когда их заберут на учебные стрельбы. Тем более что стрельбы в селе к тому часу было предостаточно. «Только пули летели совсем низко», — вспоминает М. Д. Вербанов.

Около восьми часов утра в центре села состоялся сход крестьян. У стены здания волисполкома лежали собранные пукаловцами убитые и раненые красноармейцы. Один из раненых попросил воды. Престарелая учительница Е. П. Бадюл подошла к нему с кружкой, но ее оттолкнули.

Верхом на белом коне капитан Пукалов зычным голосом призвал парканцев выступить против большевиков. Закончил он свою речь словами «Да воскреснет бог!». По приказу Пукалова перед зданием правления были сожжены документы волисполкома и комитета. Часть зажиточных парканцев безоговорочно поддержала пукаловцев, другие примкнули к ним, опасаясь расправы. Двадцать членов комитета были заперты в подвале Г. Д. Хаджи. Неизвестно, как в дальнейшем сложилась бы их судьба, если бы прокравшийся огородами Д. П. Бахчеван не выпустил комитетчиков.

Трагически оборвалась жизнь секретаря комсомольской организации П. И. Николаева. «Вон наш комсомолец идет!» — возбужденно крикнули несколько молодых людей, вряд ли осознав

вая, что последует за их возгласами. Во время попытки перебежать железнодорожную насыпь Петр Игнатьевич Николаев, пукаловцы, в житомирских казармах не оказалось. Перелом в был убит пукаловцами. Это убийство окончательно повлияло на выбор тех парканцев, которые еще колебались, идти на Тирасполь начальника гарнизона Забалуева с отрядом пехоты и кавалерии из Малаешт.

Более 500 крестьян двинулись с пукаловцами на уездный город. Лишь около ста из них были вооружены винтовками и пулеметами, остальные же пошли с вилами, топорами, кольями и пиками¹⁷. Шли быстро, фактически не задержавшись в Тирасполе. Пограничники местной заставы, беспорядочно отстреливаясь, отступили.

В Тирасполе узнали о предстоящем нападении около девяти часов утра от нескольких бежавших из Паркан красноармейцев. Какими же силами располагал гарнизон города? Исключая красноармейцев, отправленных на усиление погранзастав, в городе насчитывалось 464 штыка, 70 сабель, 11 пулеметов и 16 лент¹⁸. Казалось, сила вполне реальная, чтобы организовать действенный отпор плохо вооруженным повстанцам. Однако в отсутствие начальника обороны города Забалуева должного сопротивления организовано не было. Председатель особых отделов Тирасполя Южный, узнав о предстоящем нападении, отправился на телеграф звонить в одесскую губернскую ЧК. За все время событий он трижды звонил своему начальству: сначала о предстоящем нападении, затем с просьбой о помощи, но ни одного приказа по гарнизону об отражении нападения так и не отдал¹⁹.

Нападение повстанцев на Тирасполь вызвало настоящую панику в стане обороняющихся. Уже к десяти часам пукаловцам удалось овладеть крепостью, вокзалом и житомирскими казармами. Достойное сопротивление оказала лишь хорошо вооруженная рота чекистов, занявшая оборону во дворе своего штаба. Их отчаянное сопротивление отвлекло на время силы пукаловцев. На фоне опубликованных мемуаров²⁰ о «героизме» тираспольских партийных и советских руководителей весьма красноречив вывод комиссии Украинского военного округа, сделанный по горячим следам: «Целый ряд партийных товарищей в момент наибольшего напряжения, господствовавшего в Тирасполе, проявили позорное малодушие и мелкие эгоистические стремления»²¹. Так комиссия оценила паническую загрузку и эвакуацию партийных и чекистских документов и имущества.

Но вскоре ситуация изменилась. Наступательный пыл пукаловцев иссяк. Большинство невооруженных парканцев при первых же выстрелах разбежались. Штаб тираспольской ЧК так и не был захвачен. Боеприпасов, на которые так надеялись пу-

кам, удалось остановить отступавших красноармейцев и организовать контрнаступление. К тому времени пукаловцы отстреляли все свои боеприпасы и стали отходить вдоль железной дороги к Парканам. Значительная часть парканцев, шедших в Тирасполь пешком, попала в плен.

В Парках отступление повстанцев превратилось в паническое бегство. Около двух часов дня пукаловцы взбежали на разбитый железнодорожный мост и стали кричать румынским пограничникам, взывая о помощи. Но капитан Стратулеску, еще накануне давший «добро» на переправу отряда²², безучастно молчал. Тогда пукаловцы стали прыгать в воду, бросая уже ненужное оружие и срывая одежду, хватаясь за валявшиеся доски и бревна. Наконец кто-то из румынских пограничников скатился и бросил одному из тонувших веревку. Течение быстро уносило пукаловцев вниз по Днестру под пулеметные очереди и ружейные выстрелы атакующих. Восемнадцать человек утонуло в Днестре, в том числе и полковник Небогатьев²³. На румынскую сторону переправилось 43 человека во главе с тяжело раненным Емельяновым. Они были арестованы румынскими пограничниками, а раненые отправлены в бендерскую земскую больницу. Поздно вечером в районе Варницы переправились Пукалов, Дедученко и еще пять человек. В последний раз капитан Пукалов оглянулся на левый берег Днестра и поскакал в Кишинев. Наверное, он чувствовал себя непобежденным «героем» и вряд ли задумывался, к каким ужасным последствиям для парканцев приведет его очередная, на этот раз последняя авантюра. Батурин, Завязский, Ковалев и Храмов, с самого начала операции уехавшие в Плоское, остались на советской территории. Дальнейшая их судьба неизвестна.

3. РАСПРАВА

Налет пукаловцев был ликвидирован. Захваченные пленные, главным образом парканские крестьяне, под конвоем во главе с волвоенкомом Соколовым были отправлены в Тирасполь в особый отдел. Уездными органами власти в связи с происшедшими событиями была создана «чрезвычайная пятерка» во главе с уполномоченным по охране границы Барминским. Вскоре «пятерка» была преобразована в «тройку», при которой работало несколько прикомандированных из ЧК следователей. Постановления «чрезвычайной тройки» утверждались на заседаниях Ти-

распольского военного совещания. Главной задачей созданного чрезвычайного органа была «организация мер карательного предупредительного характера»²⁴. В Тирасполе, Парканах, Теновке и Бычке были проведены аресты лиц, «имевших связи с бандитами или закордонными организациями», составлен «списки всего кулацкого элемента в целях его изъятия»²⁵.

Главным объектом репрессий стали Парканы. Поздно вечером в крестьянские дома стали врываться бойцы карательного отряда (так он назывался в документах) под командование Тюльпанова. Повезло тем, кто успел полями добежать до дома. У всех дворов, где не было мужчин, устраивались засады. Все возвращавшихся крестьян арестовывали и отправляли в Тирасполь.

И снова тревожная ночь. В ожидании мужей, вздыхали хохлячки, терзаемые тяжелыми предчувствиями. Утром 20 ноября в центре села был собран общий сход. У глухой стены маслом бойки (нынешний корпус общежития школы-интерната) перед ветревоженными и невыспавшимися парканцами стояли восемь измученных их односельчан. Командир взвода красноармейцев зачитал собравшимся приказ «чрезвычайной тройки». В последний момент Т. Т. Петкову удалось убедить командира взвода освободить стоявшего у стены Ф. П. Обручкова как бедняка и члена комнезама, насильно взятого пукаловцами. Затем по команде грянул ружейный залп. Все замертво упали, остался стоять лишь перепуганный и уже распрошавшийся с жизнью Т. К. Обручков. Чудом ни одна пуля его не задела. Недолго думая, командир взвода подошел, выхватил револьвер и выстрелил Т. К. Обручкову в голову...

Стон и плач в Парканах не прекращались. 23 ноября крестьяне снова собрали на общий сход села, на этот раз перед кладбищем (ныне средняя школа № 1), где были расстреляны еще восемь парканцев. Но и это еще не все. Кровавая вакханалия продолжалась в Тирасполе. По скоропалительным приговорам «тройки» в тюрьме ЧК были расстреляны более пятидесяти парканцев. Чудом сохранился документ со списком большинства расстрелянных и замученных в ЧК парканцев:

1. Черниченко Иван Григорьевич. Расстрелян 24 ноября.
2. Стоянов Андрей Васильевич. Расстрелян 24 ноября.
3. Добров Федор Иванович. Расстрелян 24 ноября.
4. Карнизов Иван Васильевич. Умер в тюрьме ЧК.
5. Обручков Петр Кириллович. Расстрелян 20 ноября на общем сходе села.
6. Дымова Анна Петровна. Расстреляна 2 декабря.
7. Дымов Григорий Афанасьевич. Умер в тюрьме ЧК.

8. Дымов Петр Филиппович. Расстрелян 20 ноября на общем сходе села.
9. Диордиев Григорий Яковлевич. Расстрелян 29 ноября.
10. Станилевич Василий Григорьевич. Расстрелян 24 ноября.
11. Пельтек Федор Семенович. Расстрелян 24 ноября.
12. Обручков Трифон Константинович. Расстрелян 20 ноября на общем сходе села.
13. Черниченко Иван Андреевич. Пропал без вести.
14. Маринов Дмитрий Николаевич. Расстрелян 24 ноября.
15. Маринов Федор Николаевич. Расстрелян 24 ноября.
16. Радулов Григорий Петрович. Расстрелян на общем сходе села 20 ноября.
17. Пельтек Петр Васильевич. Расстрелян 24 ноября.
18. Тулум Григорий Степанович. Осужден на пять лет концлагеря. Умер в тюрьме.
19. Дымов Григорий Филиппович. Расстрелян 24 ноября.
20. Стоянов Федор Николаевич. Расстрелян 24 ноября.
21. Дымов Федор Михайлович. Расстрелян 24 ноября.
22. Стоянов Иван Дмитриевич. Пропал без вести.
23. Стамов Матвей Васильевич. Расстрелян 24 ноября.
24. Обручков Иван Константинович. Расстрелян 24 ноября.
25. Радулов Андрей Васильевич. Расстрелян 20 ноября на общем сходе села.
26. Хаджи Василий Георгиевич. Расстрелян 23 ноября на общем сходе села.
27. Маринов Николай Васильевич. Убит 19 ноября в перестрелке под Тирасполем.
28. Чмиль Константин Михайлович. Расстрелян 23 ноября на общем сходе села.
29. Дизов Павел Григорьевич. Убит в селе сотрудниками ЧК.
30. Тулум Андрей Степанович. Расстрелян 24 ноября.
31. Обручков Андрей Дмитриевич. Осужден на пять лет концлагеря.
32. Стоянов Алексей Григорьевич. Расстрелян 23 ноября на общем сходе села.
33. Мищенко Федор Степанович. Пропал без вести.
34. Гайдаржи Павел Афанасьевич. Расстрелян 24 ноября.
35. Карнизов Иван Григорьевич. Убит 19 ноября в перестрелке под Тирасполем.
36. Карнизов Павел Григорьевич. Осужден на пять лет концлагеря.
37. Сталев Павел Дмитриевич. Расстрелян 24 ноября.
38. Дизов Николай Григорьевич. Пропал без вести.

39. Дизов Иван Григорьевич. Расстрелян 23 ноября на бульваре Г. Д. Хаджи осталось трое детей его расстрелянного сына Василия²⁸. И это лишь маленькая толика примеров.

40. Дымов Яков Дмитриевич. Пропал без вести.

41. Градинар Григорий Степанович. Пропал без вести.

42. Узун Тимофей Иванович. Расстрелян 24 ноября.

43. Дизов Иван Дмитриевич. Расстрелян 24 ноября.

44. Владов Федор Николаевич. Расстрелян 20 ноября на бульваре Г. Д. Хаджи осталось трое детей его расстрелянного сына Василия²⁸. И это лишь маленькая толика примеров.

45. Дизов Николай Яковлевич. Расстрелян 24 ноября.

46. Хаджи Дмитрий Филиппович. Расстрелян 24 ноября.

47. Бахчеван Федор Григорьевич. Осужден на пять лет концлагеря.

48. Станилевич Михаил Тимофеевич. Расстрелян 23 ноября на общем сходе села.

49. Михайлов Андрей Павлович. Расстрелян 20 ноября на общем сходе села.

50. Станилевич Матвей Георгиевич. Осужден на пять лет концлагеря.

51. Жеков Алексей Сергеевич. Расстрелян 20 ноября на общем сходе села.

52. Дизов Петр Константинович. Расстрелян в тюрьме ЧК. Дата не установлена.

53. Обручков Андрей Матвеевич. Осужден на пять лет концлагеря.

54. Стоянов Алексей Васильевич. Расстрелян в тюрьме ЧК. Дата не установлена²⁹.

Но оказалось, что этот список жертв парканской трагедии далеко не полный. Согласно другим документам и воспоминаниям старожилов расстреляны или убиты в перестрелке Григорий Иванович Стоянов, Константин Иванович и Иван Константиевич Степановы, Василий Семенович Вербанов, Павел Леонидович Добров. О том, что число жертв значительно больше, свидетельствует и донесение политотдела погранохраны: «После следствия и выявления участников восстания было расстреляно около 100 человек, из коих большинство были парканские жители»³⁰.

Но могут ли сухие списки показать всю драму произошедшего события и его последствия?! Десятки молодых парканских женщин в одночасье стали вдовами, а сотни детей — сиротами. Еще долгое время они будут носить на себе зловещее клеймо «семей белобандитов». Каждая конкретная судьба трагична по-своему. Еще в чреве матери, не родившись, стал сиротой П. П. умерла от горя А. И. Marinova. На попечении 65-летнего

Загадочна смерть П. Г. Дизова. Еще задолго до налета подразделению ЧК он был отправлен на румынскую сторону. 19 ноября в Парканах не был. Через полтора года он вернулся на советскую сторону и сам явился в ЧК с какими-то важными свидетельствами. Оттуда сразу же отпущен домой. Но через десять дней П. Г. Дизов был застрелен группой чекистов посреди улицы. Родственникам убитого запретили забрать его тело, и оно несколько дней лежало в пыли «в назидание другим». В Парках были уверены, что Дизов имел какие-то ценные сведения, связанные с событиями 19 ноября, и чекисты убили его как не нужного и, видимо, опасного для них свидетеля. По факту убийства П. Г. Дизова было возбуждено уголовное дело, но вскоре прекращено.

4. ИТОГИ

Как же оценить произошедшие в Парканах события? Первые оценки по горячим следам дали уездные органы власти в информационных сводках в Одессу. Исполком и партийный комитет пытались скрыть масштабы разыгравшейся трагедии: «Утром 19 ноября на Тирасполь был совершен налет переправившейся из Бессарабии банды. Среди крестьян банда поддержки никакой не встретила за исключением некоторых кулаков, которые хотели ее поддержать. Не дойдя до Тирасполя, банда была разбита, взято много пленных, один пулемет». Хотя документ датирован 28 декабря, в нем нет ни слова о десятках расстрелянных крестьян²⁹.

Более откровенно и объективно был составлен информационный бюллетень уездной ЧК. В нем не только подробно излагалась суть произошедшего, но и лаконично указывались причины события: «...Сильный неурожай, гужевая повинность и продразверстка еще более ухудшили настроение крестьянства в сторону выступления, что и произошло при бандитской вылазке на Парканы, к которой присоединилось почти все село (выделение наше — Г. А.)»³⁰.

В более поздних документах события 19 ноября уже однозначно трактовались как «парканское восстание», «кулацкий мятеж». Вполне очевидно, что призыв Пукалова идти на Тирасполь нашел отклик у значительной части парканских крестьян, смертельно уставших от затянувшейся продразверстки, произвола и поборов местных органов власти. Многие крестьяне вполне осознанно взялись за винтовки, вилы и топоры. Имеются сви-

4. ИТОГИ

Как же оценить произошедшие в Парканах события? Первые оценки по горячим следам дали уездные органы власти в информационных сводках в Одессу. Исполком и партийный комитет пытались скрыть масштабы разыгравшейся трагедии: «Утром 19 ноября на Тирасполь был совершен налет переправившейся из Бессарабии банды. Среди крестьян банда поддержки никакой не встретила за исключением некоторых кулаков, которые хотели ее поддержать. Не дойдя до Тирасполя, банда была разбита, взято много пленных, один пулемет». Хотя документ датирован 28 декабря, в нем нет ни слова о десятках расстрелянных крестьян²⁹.

Более откровенно и объективно был составлен информационный бюллетень уездной ЧК. В нем не только подробно излагалась суть произшедшего, но и лаконично указывались причины события: «...Сильный неурожай, гужевая повинность и продразверстка еще более ухудшили настроение крестьянства в сторону выступления, что и произошло при бандитской вылазке на Парканы, к которой присоединилось почти все село (выделение наше — Г. А.)»³⁰.

В более поздних документах события 19 ноября уже однозначно трактовались как «парканское восстание», «кулацкий мятеж». Вполне очевидно, что призыв Пукарова идти на Тирасполь нашел отклик у значительной части парканских крестьян, смертельно уставших от затянувшейся продразверстки, произвала и поборов местных органов власти. Многие крестьяне вполне осознанно взялись за винтовки, вилы и топоры. Имеются сви-

дательства, что парканцы сами участвовали в убийстве красноармейцев в селе или указывали пукаловцам, где они скрываются. Известны фамилии тех, кто пришел с отрядом с правого берега Днестра и кто тайно готовился к его встрече на левобережной субботы¹: все прошедшее явилось результатом разногласий между двумя соперничающими ведомствами: военным Пукалова от тех, кто просто поддался массовому психозу и ВЧК. Как известно, в 1921 году борьба с контрреволюционными формированиями была поручена частям и тех парканцев, кто силой был втянут в тираспольскую регулярную Красной Армии. На Украине председателем Совета парканцев было «живого центра по борьбе с бандитизмом» стал главнокомандующий вооруженными силами Украины и Крыма М. В. Фрунзе. Военные соединения с целью его уничтожения. Но брались ли чекистами в рас- ся. Имеет право на существование и другая версия о событиях Разумеется, трудно отделить наиболее активных сторонников Пукалова от тех, кто просто забыл о чувстве самосохранения. Как нельзя перечислить и тех парканцев, кто силой был втянут в тираспольскую регулярную Красной Армии. На Украине председателем Совета парканцев использован пукаловцами в качестве «живого центра по борьбе с бандитизмом» стал главнокомандующий воору- та». Среди последних были и члены комитета.

Успехи пукаловцев на начальной стадии операции объясняются серьезностью отнеслись к порученному делу. Прославленные полководцы гражданской войны М. В. Тухачевский, И. Э. Кир, Г. И. Котовский и другие отличились и при подавлении восстания к подобного рода инцидентам. Полностью отсутствие крестьянских выступлений на Тамбовщине, известного взаимодействие приднестровских пограничников с приграничным штабом мятежа. Именно они первыми признали, что им красноармейскими подразделениями.

Не лучше обстояло дело в воинских частях Тираспольского гарнизона. Многие красноармейцы не оказали сопротивления и называли настоящей «крестьянской войной». В одном деле со потому, что им не в чем и нечем было воевать. До пятидесяти процентов личного состава не имело обмундирования, в первую записку героя гражданской войны Р. П. Эйдемана — замести- очередь теплых вещей и обуви. Красноармейцы были плодом М. В. Фрунзе. Будучи слушателем Военной академии, он обучены военному делу и несли службу впроголодь³¹.

И все же в событиях 19 ноября есть еще много загадочного времен С. Разина до 1921 года. Подробному анализу подвергается ряд мучительных вопросов, на которые покали «антоновщина», «махновщина», стратегия и тактика действий вооруженных формирований, их сильные и слабые сторо-

1. Почему пукаловский отряд так легко проник в Парканы³².

2. Случайно ли совпали во времени налет пукаловцев, на значение учебных стрельб и отзыв парканских призывников границы. Ровно за месяц до парканской трагедии, 19 октября, было принято постановление Совета Труда и Обороны о расфор-

погранбатальона? Почему всеми своими действиями рота покалевым частям. Это решение вызвало сильный протест у высших зывала пукаловцам, что путь на Парканы открыт? Был ли злоруководителем ВЧК. Одесские чекисты направили в Киев про- полученный приказ об учебных стрельбах его личной инциативе странное письмо с требованием «срочно отменить постановление или распоряжением сверху? Почему прибывшая в Тираспол СТО и «передать в ведение ГПУ (Главное политическое управ- следственная комиссия Украинского военного округа так и иление, преемник ВЧК — Г. А.) 51-ю дивизию как наиболее об- смогла допросить командира роты, срочно переведенного к друченную и одетую». В письме подчеркивалось, что «особорганы гому месту службы?

Учитывая, что на эти вопросы, чет ответа, вполне возможны³³. Передача границы затянулась, что заметно отразилось предположить, что в данном случае имело место не трагическое на ее защищенности. Возможно, чекисты хотели использовать совпадение случайностей, а тщательно продуманная акция по инциденту в своих целях. Но сразу же после разгрома пукалов- уничтожению ударной петлюровской группировки. Знавшее до этого отряда военные взяли инициативу в свои руки. По приказу мелочей о предполагавшейся вылазке из-за Днестра высшее руководство ЧК, видимо, решило заманить пукаловский отряд блокировали границу. К 18 декабря осуществлена замена 184 вместе с повстанческим штабом глубже на советскую террито- и 185-го погранбатальонов 51-й дивизией, 153-й бригадой, 457-м

и 459-м полками³⁴. После этого практически закончились вылки петлюровских формирований на советскую сторону.

Вполне очевидно, что кровавых событий могло и не быть если бы пукаловцы не проникли в село. Их вымазка явил толчком к крестьянскому выступлению.

В который раз жертвами большой «политической игры» становились обычные люди, мечтавшие о спокойствии в доме и возможности беспрепятственно работать на своей исстрадавшей земле. Входила ли в хладнокровный расчет партийных и советских органов чудовищная расправа с крестьянами? На что дежался капитан Пукалов, ведя с собой на Тирасполь фактически безоружных крестьян?

Мы все глядим в Наполеоны.
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно.

Эти гениальные пушкинские строки — о нашем сумасшедшем двадцатом столетии. Слишком много развелось наполеончиков, которые цинично вершат нашими судьбами. Один уважаемый мною человек, внимательно выслушав рассказ о парканской трагедии, тяжело вздохнул и глубокомысленно произнес: «Что делать. Такое было время. Лес рубят, а щепки летят». Страшные слова...

Дойдет ли до современного читателя непередаваемая разыгравшейся драмы? Ее незаживающая рана долгое время тревожила парканцев. Клеймо «белобандит», «сын белобанда», «участник восстания 1921 года» было главным аргументом в период репрессий 1922—1925 гг., массового раскулачивания 1929—1932 гг., небывалых по размаху репрессий 1937—1938 гг., унесших только в Парканах сотни человеческих жизней.

V. ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ ПАРКАН С 1917 ГОДА ДО НАШИХ ДНЕЙ

В первой части «Очерков...» мы проследили, как Парканы маленькой колонии превратились к 1917 году в одно из крупнейших сел Тираспольского уезда. Демографические процессы, происходившие в селе после Октябрьской революции, вызывают меньший интерес. В наши дни Парканы — самое большое болгарское село не только в Молдове, но и во всех странах, (в том числе и в Болгарии), где компактно проживают болгары. Болгарские села, бывшие колонии Молдовы и Украины, расположились в двадцатом столетии по-разному. Численность населения в одних селах, в первую очередь старых колониях Новороссийского края — Катаржине (Червонознаменка), Большом Уляке (Благоево), Малом Уляке (Свердлово) и других — ленно произнес: «Что делать. Такое было время. Лес рубят, а щепки летят». Страшные слова... ах, до последнего времени наблюдался уверенный рост на-

Численность населения села Парканы:

Год	Количество жителей
1916	5051
1923	5590
1924	5532
1939	7095
1953	7716
1959	8500
1974	11857
1989	10526
1995	10934

Количество дворов:

Год	Дворов
1916	979
1920	1100
1923	1157

1935	1670
1953	1870
1958	2472
1995	4144

Уже первые известные нам данные о числе жителей после Октябрьской революции привлекают внимание. По Тираспольскому уезду наблюдалось заметное снижение численности населения, что объяснялось последствиями мировой и гражданской войн, катастрофическими годами, эпидемиями 1920—1921 годов. Ряд лет умертвости в уезде, в том числе и в Парканах, был на уровне смертности. Вот лишь некоторые дошедшие до нас сведения. В апреле 1922 года в Тираспольском уезде было 850 человек, а умерло 1947. В следующем году умерло 692, умерло 2296¹. В то же время в Парках даем сохранение дореволюционного уровня численности, которое никак нельзя отнести за счет естественного прироста. Это объясняется в первую очередь существованием новых поселенцев.

Сложные миграционные процессы 1920-х годов в стране в целом и в приднестровском регионе от разу затрагивали и Парканы. С 1918 года граничным населенным пунктом со всеми вытекли последствиями. С окончанием военного лихолетия в Парканах репатриационный пункт потянулся края сотни бывших военнопленных, воевавших в манской, австро-венгерской и болгарской армии, попав в русский плен, не томились в военных лагерях, дились на различного рода сельскохозяйственных крупных поместьях и у зажиточных крестьян. Часами одна-одинечку, без всякой охраны. Их путь на родину был долгим. Некоторые из военнопленных оседали в приграничные годы, другие — навсегда.

Остался проживать в Парканах престарелый Михаил», которого в селе очень уважали за способность судить достоверно. Часто в тяжелые двадцатые годы не до особого веселья, его приглашали играть на своей кеменче, простеньком струнном инструменте.

Несколько лет прожил в селе, прежде чем у «австро-венгерский подданный» Савва Сент-Мария, родившийся в Венгрии. В самом начале 1918 года группу болгарских солдат, перебежал на русскую сторону и сдался в плен рядовой 16-го Ловечского полка.

ии Иван Ташев Райчинов, впоследствии навсегда связавший свою жизнь с Парканами, человек редкой и трагичной судьбы.

После Октябрьской революции Днестр стал водоразделом двух миров. Потоки беженцев хлынули через Парканы навстречу друг другу. Остановились в селе, опасаясь вернуться в оккупированную Бессарабию, бывшие красноармейцы А. И. Петрусьян, Ф. И. Диордица, К. Д. Римский, П. И. Диковченко и другие выходцы из Бессарабии. Любопытная деталь: предки оселившегося в Паркахах в 1921 г. Кирилла Дмитриевича имского, бывшие казаки-черноморцы, появились под Бендами одновременно с парканскими украинцами еще в начале IX века³.

шие до нас скончавшиеся в 1918 году. Как и другие бессарабцы, в 45-й стрелковой дивизии воевал в Кодакском уезде родом из Г. Ф. Инсаров, родом из болгарского села Кортен. Жестокий враг в первые месяце войны почти на год вывел его из строя. После демобилизации он вернулся в село Парканы, где и прожил остаток жизни. В 1920 году в селе Парканы, женился на дочери Ф. Н. Матвеенко Ниине. Скончавшись в 1925 году, оставил жену и троих детей: сына Григория, сына Петра и дочь Елену.

Выходец из Бендера Д. А. Калина перед революцией работал землемером в Тирасполе. Когда румынские войска пришли в Бендера, его жена Екатерина Ивановна с четырьмя детьми тайком переправилась в лодке на левый берег. Осели в Парканах. Нынче никто и не догадывается, что их дочь Клавдия село стало прозванием Поташева (Калина), более сорока лет прорабатывающими отсюда учительницей начальных классов и говорящая по-русски через созданный ею с болгарским акцентом, на самом деле не коренная парканская.

Справедливости ради следует отметить, что не менее мощным стал поток беженцев из Левобережья. Не приняв Советскую власть, уходили в Бессарабию не только бывшие бело-гвардейцы и петлюровцы, но и простые крестьяне, уставшие от непосильной проразверстки и вечного страха за свою жизнь. Другие уходили на воссоединение семей. Беженцев из левобережных приднестровских сел было так много, что румынская сигуранца была вынуждена ввести алфавитный реестр и отпес

ый серб «для печати типографским способом бланки с надписью «бежал с
окойствие и рУкраины».

Несмотря на все тяготы жизни, парканцы оставались верными своему селу. Хотя отдельные случаи бегства на правый берег Днестра встречались и здесь. Возможно, некоторые из пропавших без вести во время трагедии 1921 года парканцев Миклоши², серые утонули в Днестре, а обосновались в Бессарабии. Убегали из Паркан в первую очередь имевшие родственников в Бендешскую сторону, в Бендешах и их окрестностях. Ночью 10 апреля 1921 года на лодке болгарской купленной в селе Тя за 20 000 рублей керенками, переправи-

лась в с. Гура-Быкулуй и была задержана румынскими поголовеевы, В. И. Згуров, В. М. Попов, П. И. Самойленко, И. И. никами 21-летняя парканка Надежда Константиновна Чубин, Б. А. Голубов, С. Я. Соколов и другие. брова⁴. В Старых Липках под Бендериами жила ее замужья Следующий значительный прилив новых поселенцев наблюдалася в Парканах в начале 1930-х годов. Это семьи двадцати старшая сестра Мария. В том же 1921 году бежала, братьев, украинские и русские семьи, переселившиеся свое обширное хозяйство, Мария Тимофеевна Доброва⁵. Погибшие, голодавшей Украины. Служившие в Парканах и Тирасполе ря в время упоминавшихся кровавых событий 1921 года отрасноармейцы, из писем родных знающие о голоде на Украине, и мать, 23 мая 1922 года бежал в Бендеры к замужней сестры, 21-летний А. Ф. Дымов⁶. В 1924 году украдкой переправили казывались после демобилизации уезжать домой, наоборот, в Бессарабию братья Михаил и Владимир Владовы⁷.

Небывалый голод 1921 года, потрясший большинство эти годы в селе обосновались семьи Плохих, Коробовых, Бусских губерний, вызвал широкую миграцию населения. Кайчуков, Сорочинских, Дементиенко и других. стяне в поисках лучшей доли уходили за сотни верст от на В это же время в село прибыло более тридцати учителей- женных мест. Уроженцы Тираспольского уезда и Бессарабии, выходцев из болгарских сел Одесской и Запорожской еще до революции переселившиеся в Казахстан и Сибирь в областях. Правда, оставили в селе свои корни единицы. Большириод известной столыпинской реформы, в годину тяжелых испытаний из них было репрессировано, часть учителей после Войны просто не вернулась в Парканы. подались обратно к родным местам. Возможно, обреткой Отечественной войны переселенцев было бы меньше, если бы местные власти. Прилив такого большого числа новых поселенцев в численности Сибири и Казахстане не выписали выходцам из Бессарабии. При этом отношении погасил те потери, которые понесло парканское ездные документы на места их прежнего проживания. Но общество в годы раскулачивания и массовых репрессий 1920— уже были оккупированы румынскими войсками. Беженцы 1930 годов. Впрочем, кроме насильственного выселения и унич шли лишь до Днестра. В одном только Тираспольском уезде Тоже имело место и добровольное переселение парканцев. ких семей набралось 164, а всего 755 человек⁸. Часть бессарабов апреля 1921 года в результате проводимого частичного землевладения, в первую очередь болгары, осели в Парканах: А. С. Тодорук, А. С. Аллайдова, И. М. Бахченковскую волость Тираспольского уезда, в степную полосу. жи, братья Иван и Георгий Сарра и другие.

К примеру, Георгий Николаевич Атанасов родился в селе Еще шестнадцать семей, преимущественно коренных парканцев, Бургуджи Аккерманского уезда. В 1914 году переселился в Севастополь. В 1925 году во время землеустроительной кампании получили мипалатинскую область, где его земляки основали село Бахченки. Свои наделы недалеко от села Славяносербка и основали хутор гарка. Воевал на фронтах первой мировой, был ранен, вернулся Олег.

домой. Через год забрал семью и 6 января 1920 года оказался в Парканах⁹. Иван Миронович Бахченжи, родом из села Кубань, Великой Отечественной войне. На ее фронтах погибло более Аккерманского уезда, уехал в Сибирь в 1912 году. С 1915—1920 парканцев. Наиболее ранняя дата документа, в котором да — на румынском фронте. Приехал в Парканы в 1926 году. Казывается число не вернувшихся с войны, — 1952 год. Тогда Прожил три года. Уехал снова в Сибирь, но в 1930 году в селе насчитывалось 398 семей погибших¹⁰. В ряде семей по нулся в Парканы¹¹.

Количество бессарабцев, бежавших с правого берега, прдаемость, повысилась смертность населения. Увеличилась дет шедших из Сибири и Казахстана, оставшихся после демобилизация смертность. Из 96 умерших в 1942 году 20 умерло в воз зации из Красной Армии в Парканах, колебалось. В 1921 году в возрасте до двух лет¹².

таких семей насчитывалось более пятидесяти¹¹. Среди них было не только болгары, но и молдаване, русские, украинцы, евреи. Превысил уровень рождаемости: в 1943 и 1945 годах. Вторая Кроме упоминавшихся, пришли семьями и в одиночку. М. Ідата объясняется массовой мобилизацией мужского населения Ивасенко, П. А. Лавренцов, А. Я. Ситников, С. К. Мунтян, И. Ів в апреле 1944 года. Чубин, П. Р. Сукман, А. Н. Ляшко, Е. Я. Липецкер, А. Гончаренко, А. С. Завада, Р. Т. Шевченко, В. И. Усенко, П. Г. и Я. І.

Данные по рождаемости:

Год	Количество родившихся
1940	156
1941	130
1942	166
1943	71
1944	102
1945	68
1946	112
1947	111
1948	183
1949	209
1950	177
1951	178
1952	198
1995	99

Обращает на себя внимание факт быстрого восстановления уровня численности населения и уровня рождаемости. Этому способствовало несколько обстоятельств. Уже в 1944—1945 годах Советское правительство, предполагая серьезные демографические проблемы в связи с колоссальными людьми потерями, предприняло ряд мер для стимулирования высокой рождаемости. 8 июля 1944 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О назначении государственных пособий многодетным и одиноким матерям». Ежемесячно Парканский сельсовет утверждал списки многодетных семей и одиноких матерей для выплаты денежных пособий. Их количество значительно выросло. В 1951 году в Парканах насчитывалось 24 семьи, имевшие пятерых детей. И это было не единственное. К середине 1950-х годов наметились тенденции уверенного роста численности населения. Село значительно помолодело. В 1956 году было зарегистрировано лишь тридцать шесть умерших¹⁴. Это объясняется и возросшим уровнем жизни, и улучшением состояния сельского здравоохранения (в 1953 году в Парканах открылась участковая больница), и сравнительно небольшим количеством жителей преклонного возраста.

Наряду с высоким уровнем рождаемости, в первые послевоенные годы наблюдается значительный приток новых семей. Так в 1944—1945 годах в освобожденные Парканы прибывает большая группа учителей, врачей, специалистов сельского хозяйства. В 1947 году раскулаченные в 1930-е годы парканские семьи получили право вернуться домой. В эти же годы в селе появлялись выходцы из болгарских сел Бессарабии, где полным ходом шла коллективизация и сопутствовавшая ей кампания аскулачивания. Мария Афанасьевна Берова, более тридцати лет проработавшая учительницей географии в парканской школе № 1, родом из болгарского села Бановка Болградского района. В 1940 году с приходом Советской власти в Бессарабии был арестован ее дед Василий. Семья покинула родное село и обосновалась в Хынчештах. В 1947 году наступила очередь отца Г. А. Беровой. Он был арестован и сослан на Дальний Восток, где и пропал без вести. В том же году семья переехала в Парканы. Ныне в селе проживают десятки выходцев из Твардицы, Ортена, Валя-Пержи, Чадыр-Лунги, Огородного (старое название Чийшия), Нагорного (Карагач) и других болгарских сел.

1. Котелевская Мария Кирилловна — 9 детей
2. Спасова Елена Михайловна — 8 —
3. Котенко Ульяна Ивановна — 8 —
4. Гайдаржи Евдокия Лазаревна — 8 —
5. Стоянова Феодосия Тимофеевна — 7 —
6. Обручкова Екатерина Яковлевна — 7 —
7. Гайдаржи Анна Ивановна — 6 —
8. Николаева Анна Павлова — 6 —
9. Стоянова Евдокия Яковлевна — 6 —
10. Тулум Екатерина Ивановна — 6 —

Серьезного анализа требует современное демографическое состояние Паркан. Пик численности населения уже прошел. Подобный процесс наблюдается во многих регионах. Но весьма примечателен тот факт, что наметившаяся стабилизация численности населения (около 10—11 тысяч) сохраняется не за счет естественного прироста. За последние двадцать пять лет в Пар-

канах уровень рождаемости ни разу не превысил уровня смертности. В 1995 году родилось 99 человек, а умерло 173.

К указанному числу парканских жителей в 1995 г. (10 934) следует также прибавить несколько сотен парканцев постоянно проживающих в Кишиневе, Одессе, Тирасполе и Бендерах, не потерявших связей с родным селом, а в последнее время даже возвращающихся домой.

Численность населения поддерживается на стабильном уровне за счет прибытия новых семей.

Парканы значительно постарели. В 1952 году в селе проживало 526 человек в возрасте старше шестидесяти лет, что составляло 6,8% от общей численности населения. В 1995 году в Парканах проживало уже 1689 человек старше шестидесяти, что составляло 15,4 процента. Проблема заботы о парканских стариках сейчас стучится в дверь. Особенно в тех случаях, когда они живут в одиночестве, рассчитывая лишь на свою скромную пенсию.

Шестнадцать старожилов уже перешагнули 90-летний рубеж. Ровесница века Иванне Константиновна Хаджи уже 95 лет. В 1901 году родилась Евдокия Михайловна Римская. В 1995 году — Елена Сергеевна Стоянова и Елена Павловна Николаева.

Из положительных демографических изменений прежде всего следует отметить существенное выравнивание числа мужского и женского населения.

Год	мужчин	женщин
1952	3268	4448
1995	5305	5629

Есть и другая проблема, с которой следует считаться. Сейчас все больше приобретает черты пригорода. В 1952 году в Парканах насчитывалось всего 137 хозяйств рабочих и служащих. В 1995 году таких хозяйств уже 1081. Все чаще молодые парканцы, не уезжая из села, устраиваются на работу в Бендерах и Тирасполе.

Парканы стали многонациональным селом. Кроме болгар здесь проживают русские, украинцы, молдаване, белорусы, греки, армяне, азербайджанцы, гагаузы, немцы, евреи. По-прежнему преобладающим является болгарское население, хотя процентный показатель несколько снизился: с 95 процентов в 1952 году до 81 процента в 1995 г.

Национальный состав села Парканы:

болгары	8860
русские	1330
украинцы	670
молдаване	166

Данные приведены по номинальному списку, согласно которому в Парканах числится 11 173 жителя.

VI. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ СЕЛА В 20—30-Е ГОДЫ

После окончания первой мировой и гражданской войн жила медленно и мучительно переходила на мирный лад. С победой социалистической революции началась коренная ломка устоявшегося веками хозяйственного уклада и она не могла пройти безболезненно.

1. «НЕЗАМОЖНИКИ»

В новых исторических условиях, когда началось мирное строительство, встал злободневный вопрос: быть или не быть комнезаму? В отличие от российских комбедов, просуществовавших только до ноября 1918 года, украинские комнезамыодержались, более десяти лет. В 1921 году Первое Всеукраинское партийное совещание высказалось за сохранение комитетов заможных селян на длительное время. Совещание ссылалось большую остроту классовой борьбы в деревне и наличие баптизма, надеялось и в дальнейшем видеть в КНС опору Советской власти в деле претворения в жизнь важнейших политических и экономических кампаний.

Какую роль сыграл комнезам в жизни Паркан? Для того чтобы ответить на этот вопрос, вернемся к событиям июня 1921 года. Принятое Тираспольским уездным исполнкомом решение о снятии парканского комнезама с государственного обеспечения подтолкнуло его руководство к более активным действиям. События «черной субботы» послужили поводом для приведения массовой конфискации земли и имущества более четырехсот крестьянских семей под предлогом их «участия в беспорядках».

Производственная деятельность рассматривалась руководством КНС как нечто второстепенное, хотя ситуация на селе корне изменилась. За счет конфискаций парканский комнез значительно пополнил свой земельный фонд, получил доброкачественный сельхозинвентарь, рабочий скот. Не хватало только однодушного желания и умения работать. Ярким примером хозяйственности

ратии и отсутствия инициативы может служить срыв комнешом весеннего сева 1922 года, когда в докладной записке из аркан в Тирасполь в качестве оправдания сообщалось: «Вследствие запоздания распоряжений уезда посева не производились»¹.

Для конфискованного у участников восстания имущества был создан специальный склад. Десятки плугов, косилок, борон другого сельхозинвентаря были свалены в кучу во дворе военного совета. Но комнезаму изъятое у паркансцев имущество оказалось не нужным. Руководители паркансского КНС даже были о приставленных к складу двух сторожах, Ф. А. Николаеве и А. А. Ягелло, которым строго-настрого было приказано никогда не отлучаться. 19 февраля 1922 года дрожащими от холода руками они написали на имя председателя уездного исполнкома отчаянное письмо и вручили его приехавшему с проверкой инспектору: «Мы, находящиеся на складе три месяца, все это время не имели возможности заработать какие-либо продукты для пропитания наших семей, которые состоят: у Николаева — одиннадцать душ, у Ягелло — пять душ, крайне нуждаемся, так как мы не можем отлучиться со склада для приобретения продуктов, и наши семьи форменно голодают. Просим вас не отказать в выдаче нам пайкового довольствия»².

Уездный исполнком принял некоторые меры по использованию конфискованного у парканских крестьян сельхозинвентаря. 5 марта уездному сельхозотделу было продано двадцать семь двухкорпусных плугов «разных марок по цене 9 руб. золотом, сего 243 руб»³. Однако большая часть сельхозинвентаря так и осталась ржаветь во дворе, а хранившееся на складе имущество огиночку разворовывалось. Так и не дождавшись ответа на

Напуганные репрессиями конца 1921-начала 1922 годов, многие парканцы поспешили вступить в комнезам. Формально они имели на это право, так как земельные наделы большого числа парканцев не превышали предусмотренных трех десятин. К концу 1922 года количество членов комнезама выросло с 28 до 125. Однако уже 5 января 1923 года была проведена очередная чистка КНС, в результате которой в нем осталось лишь 75 хозяйств из 1157, имевшихся в Паркахах. Любопытны причины исключения из комнезама: «кулацкий шептун», «балласт», «чуждый элемент», «кулацкий подлизник», «зажиточный», «спекулянт», «самогонщик», «политически неблагонадежный»⁵.

После введения продналога незаможники освобождались ^{новинкой} массы парканцев избежать раскулачивания. Формальность уплаты. Зато комнезам стал действенным орудием в руке не имея больших наделов земли, они широко использовали вышестоящих органов власти для взимания продналога с аренды. Причем часто брали у КНС в аренду свою же конфискованные слои населения. Комнезам и в дальнейшем участвовало в ранее землю. «Большая часть комнезаможников, — раскулачиваниях и конфискациях. Правда, многие рядовые институции парканская партийная ячейка, — находятся в КНС отказывались выступать в роли палачей. С каждым влиянием кулакства... Наблюдается массовая сдача земли за месяцем росла пропасть между простыми незаможниками из кабальных условиях»¹⁰. тивом КНС. Все чаще президиум комнезама стал собирать В условиях начинавшейся коллективизации комнезамы все на закрытые совещания, скрывая от рядовых членов свои реальные изживали себя. В 1929 году на базе Парканского комбината. Пользуясь своей властью, многие руководители комнезама возникла коммуна «Червен незаможник», переименованная комбина, партийчики и КНС вписали себя в списки малоимущих затем в «Червону победу». В пределах всей Украины комнезамы просуществовали до 1933 года.

В условиях новой экономической политики (НЭП) комнезамы все отчетливее вырисовывались как изжившая себя структура предыдущего периода — «военного коммунизма». Как здешняя единица, они абсолютно себя не оправдывали. связи с новыми сложившимися обстоятельствами июля 1925 г. Пленум ЦК КП(б)У принял решение о привлечении комнезамы середняков. Фактически это в корне противоречило первоначальному предназначению КНС. На места были назначены новые директивы. 25 сентября 1925 года состоялся ширенный пленум тиаспольского районного КНС, принявший решение о реорганизации комнезамов.

В декабре в Парканы на организационное собрание пришел уполномоченный районного КНС Медведев. На собрании семейств, разоренных голодом и многочисленными конфискациями, был принят новый устав организации КНС. Казалось, путь середняков был открыт. Однако из 180 зарегистрированных на конец 1921 года членов парканскоого КНС устав принял только семьдесят два. Крестьяне не верили в реальность нормального хозяйствования и массовой конфискацией влекут голодное существование с комнезамом. Их предусмотрительность была налицо¹¹. В целом по волости весной 1922 года было зафиксировано 1 300 детей и 3 000 взрослых голодающих¹². В связи с комнезамом репрессивный орган, но никак не хозяйственная единица.

24 января 1926 года на Тиаспольском районном съезде КНС выступил с докладом Председатель ЦИК МАССР Г. Старый. Ориентируя комнезамы на союз с середняком, он ввел туманно объяснил роль КНС в хозяйственной жизни села. Значительную часть доклада Г. И. Старый посвятил разоблачению «скрытых кулаков»⁸. «Взял в аренду десять пять рублей, а собрал 100 пудов хлеба — это угрожающее заявлял глава Молдавской тономии.

Между тем именно аренда стала в Парканах главным источником доходов для многих членов КНС и возможностью для

2. НЭП В ПАРКАНАХ

Периоду новой экономической политики в последние годы (1925 г.). Пленум ЦК КП(б)У было посвящено немало книг и статей. Расходясь в оценке этого непродолжительного периода советской истории, специалисты по первоначальному предназначению КНС. На места были назначены в одном: в начале 1920-х годов наступило заметное экономическое оживление в недавно разрушенной стране. НЭПставил свой след и в Парканах.

Трагические события 19 ноября и их последствия, голодный 1921 год не могли не сказаться на благосостоянии села. Сотни крестьян в связи с нехваткой хлеба, разоренных голодом и многочисленными конфискациями, находились на грани нищеты. «Состояние в Парканской волости катастрофическое, — сообщалось в информационной сводке 25 марта 1922 года. — Большинство крестьян в связи с нехваткой хлеба, разоренных парканскоими катастрофическими сокращением посевной площади урожайность зерновых в

Парканской волости была самой низкой за последние сорок лет — не более десяти пудов с десятины¹³. До революции в Парканах собирали в среднем по 30 и более пудов хлеба. Впервые за многие годы оставшиеся без земли или разоренные парканскоими, чтобы как-то свести концы с концами, стали наниматься в батраки. Русские крестьяне-старообрядцы (в Парканах их называли «кацапами», «кацалапами») Худяков, Поляков, Патрикеев и другие, имевшие в терновских владениях свои наделы, в разгар сезона приглашали поденщи-ков. Рано утром парканцы приходили с мотыгами на «биржу», небольшой пятак земли на стыке парканских и терновских

владений, и ждали своих нанимателей. Работали дотемна, разгибая спины. Получали гроши, но зато каждый день председатель волисполкома Рудаков и секретарь партичайки нисимов были отданы под суд¹⁸.

В ряде парканских семей за неимением денег вернулись чуть ли не патриархальному хозяйству: сажали и сеяли все, Новая экономическая политика с трудом завоевывала про- необходимо было для их нелегкой жизни. Вокруг своих участков стали сеять коноплю. После созревания ее обрабатывали, предпримчивость — то, чем они всегда славились. А делали пряжу, ткали полотно, шили рубахи, платья, штапиное, помогла многим стать на ноги после ряда лет вынуж- Получались они очень грубые, все время натирали руки, иенной нищеты. Оставшиеся без земли и имущества, раскула- плачи.

Весной 1922 года абсолютное большинство парканских из своего тяжелого положения. На базе каменоломии, при- мей не могли произвести посева в связи с отсутствием семадлежавшей парканской общине, более тридцати парканцев Для того чтобы как-то облегчить положение крестьян, изъздали артель «Красный горняк». К 1930 году в артели насчи- располя были доставлены семена. Они были рассчитаны на вывалось уже более ста человек и она приносила немалый до- селян. Однако парканский волисполком поделил семенной фонд. От Бычка к Тирасполю была проложена узкоколейка, по только между советскими служащими и коммунистами. В сеоторой артельщики вывозили свой камень-котелец. нах было отказано даже красноармейцам — участникам гра В самом селе одной из первых возникла мукомольная ар- данской войны. Это вызвало возмущение крестьян, требовавшель. Конфискованная у Ф. Н. Матвеенко мельница была про- восстановления справедливости¹⁴. Ценой больших усилий уезда выходцу из с. Плоское А. П. Петрову. Опасаясь раскула- ным властям удалось успокоить парканцев. Крестьяне получившие, он пошел на создание артели. Любопытно, что в ее семена и успели засеять свои поля.

К середине 1922 года появились первые признаки улучшений не дает оснований полагать, что тем самым крестьяне хозяйственной жизни села. В июне парканцы, совсем недавно явили солидарность с Ф. Н. Матвеенко. Возможно, паркан- голодавшие, уже сами сдали 80 процентов «голодных пайкам просто не разрешали купить мельницу. Во всяком случае, в фонд помощи голодающим — больше, чем кто-либо в уезде, членами артели стали болгары-бессарабцы Г. Д. Сарра, И. Г. Хотя посевые площади значительно сократились, выдался Георгиев, Г. Н. Атанасов и его жена Е. А. Атанасова. Предсе- роший урожай на хлеб и фрукты. Но несмотря на партий- дателем артели был избран ее последний владелец А. П. Пет- директивы об изменении отношения к трудовому крестьянству, методы работы местных партийных органов оставались преж- ров¹⁹. Артель создавалась с большим трудом. Долгое время ее полночий не хотел признавать председатель парканского вол- центра местным властям поступила директива: любой ценой исполнкома Рудаков. Лишь после вмешательства уездного ис- раться за стопроцентное выполнение продовольственного на- чиницались. 15 июня уездный земотдел исполнкома распорядился га. Согласно списку причитающихся налогов по волостям прекратить помол и забрать у артели локомобиль для работы распольского уезда у самой маленькой Парканской волости был самый высокий налог: 2 238 442 рубля¹⁶. Несмотря на это, крестьяне были не против сдать налог, но просили повременно до осени, когда будут собраны хлеб и фрукты. Однако стремление местных руководителей выполнить директивы центра любленой оказалось сильнее. Летом в Парках прокатилась волна арестов крестьян, не выполнивших налогообложения¹⁷. Паркская волость была отнесена к одной из не желающих проводить распоряжения центра. Но было бы неверно все перегибы и издержки в налоговой политике сваливать только на сельских руководителей. Летом 1922 года их действия показались уездному парткому нерешительными и преступными. В конце августа председатель волисполкома Рудаков и секретарь партичайки нисимов были отданы под суд¹⁸.

решла во владение Ф. Н. Матвеенко до следующего раскулачения в 1929 году.

Видимо, горький пример артели сказался на создании новых артелей и кооперативов. Открывшиеся в Парианке магазины, мастерские по ремонту одежды и обуви, еще однажды ждали неотложные дела.

Когда положение крестьян упрочилось, у них проявился интерес к различным формам кооперации. По времени это совпадало с новыми мерами государства по дальнейшему развитию кооперативного движения. Оживилась работа машинно-тракторного товарищества. Его первым председателем стал И. М. Троданов. Многие старожилы помнят тот осенний день 1925

года, когда из Тирасполя на тракторе «Фордзон» приехал рас

расневшийся больше от волнения, чем от усталости, первый парканский тракторист Андрей Салабаш. Выкупленные машинно-тракторным и сельскохозяйственным товариществами два

трактора обрабатывали земли членов этих кооперативов и за

плату всем желающим.

В 1926 году по инициативе сельского Совета было создано

адово-виноградное товарищество, получившее значительную

поддержку у населения. С большим размахом работало в селе

одине потребительское общество. Его товарооборот был самым

большим из всех сел Тираспольского района.

Как и до революции, земля раздавалась чересполосно, и Созданный в селе Комитет общественной взаимопомощи

пяти парканских «клиньев», только теперь не по числу муниципальных душ, а по едокам. Шестнадцать хозяйств, имея 7,5 десятин

земли, пожелав поделиться и 20 десятин пахотной земли, он был призван оказывать

поддержку малоимущим слоям крестьянства. Но работал он

плохо²⁰.

Кооперативы выполняли в основном снабженческо-сбытовые

функции и не вмешивались в хозяйственные дела крестьян.

Но как только их работа в Парках стала налаживаться,

наступили новые кардинальные перемены.

3. КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И КОЛХОЗНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Так уж повелось в нашей современной истории, что крутые повороты в стране происходили именно тогда, когда только начиналась нормальная сытая жизнь. Землеустройство 1925 года, система первичной кооперации, некоторые экономические свободы, а главное, самоотверженный труд крестьян стали давать свои плоды. Уровень жизни селян заметно вырос. Однако новая экономическая политика в стране в конце двадцатых годов стала сворачиваться. Началось насилиственное насаждение социалистических форм хозяйствования в городе и деревне. Особенно тяжело пришлось перестраиваться селу, где снова во главу угла стал такой болезненный вопрос, как передел собственности. С 1925 года парканцы фактически перешли к по-

расцвело парканское предпринимательство. Сотни крестьян снова стали «ездить в дорогу» с овощами и фруктами. Можно было съездить в Тирасполь и сдать свою продукцию евреям-оптовикам. Но чаще парканцы сами грузились в товарные вагоны и ездили в Одессу, иногда в Киев, Харьков. В Одессе прямо на станции продавали товар оптом местным евреям-перекупщикам. Бывало, и сами приезжали на подводах на «конный двор»

дворному землевладению. Закладывались основы фермерского хозяйства. Это неизбежно привело бы к значительному росту единоличников. Из 48 577 рублей налога по Парканскому району в 1930 году сорока двум зарегистрированным колхозам парканские хозяйства только становились «кулацкими» хозяйствами предстояло выплатить 28 696 руб. Согласно годовому плану, селу следовало заготовить 96 212 пудов хлеба. Этот план был сверстан следующим образом: Но методы вовлечения в них крестьян были бесчеловечными (в пудах): а организация колхозного строительства — крайне неуклюжей и слабо продуманной.

В 1929 году ЦК ВКП(б), ЦК КП(б)У и Молдавский обком партии приняли ряд постановлений по увеличению темпов колхозизации. Осенью того же года в Парках без каких либо инициатив снизу было создано шесть колхозов: «13-го октября» им. Котовского, им. Благоева, «Красная заря», «Красный Октябрь» и сельхозкоммуна «Червен незаможник», первая плечи кулаков и единоличников. Согласно плану, спущенному из Москвы и Киева, сплошные колхозы должны были начаться на глазах. Приехавшая в село в 1930 году. Уже в самом начале года, когда парканцы вновь комиссия Молдавского обкома была вынуждена констатировать, праздновали Рождество, в селе по заданию райкома партии из всех колхозов осталось только два: им. Калинина и прибыла бригада активистов тираспольского консервного завода Благоева, да и в них «наблюдались развал и нездоровье да во главе с Беренштейном²¹. Подобревшие от рождественского явления»²⁴. Даже активные сторонники колхозов чувствовали ских угощений и домашнего вина, парканцы радушно встретили себя одурченными. Они не представляли себе, для чего и как городских гостей, которые разбрелись по селу, тщетно пытались проработать. Совершенно не были продуманы системы оплаты, таясь собрать селян по улицам для разъяснения новой политики взаиморасчеты с городом. Результатом свертывания новой экономической политики стали пустые прилавки сельского магазина. Председатель колхоза им. Калинина В. И. Обручков затаиного собрания. Получив директивы из района, парканцы явили члену райкома партии, что если «не дадите промтоваров, коммунисты поставили перед собой задачу «объединить в тесную группу хоть сто консервных фабрик, мы сырья не дадим»²⁵. Судя по протоколам, большинство коммунистов предложили себе колхозы как нечто промежуточное и недолговечное на пути к «более высокой форме хозяйствования на селе — коммуне».

Между тем, провозглашенная еще в 1927 году на XV съезде ВКП(б) социализация сельского хозяйства не была подготовлена ни материально, ни психологически. Крестьяне в основном своей массе оказались не готовыми к признанию новой для них формы хозяйствования. Главным инструментом вовлечения крестьян в колхозы центральные и местные партийные органы считали «ликвидацию кулачества как класса», которая должна была проходить одновременно со сплошной коллективизацией. Хотя это и сложно, но попробуем отделить одно от другого и обратимся к проблеме раскулачивания в Парках в другом очерке. Тем более что помимо открытой расправы с зажиточными крестьянами, широко применялся такой рычаг принуждения к вступлению в колхозы, как индивидуальное налоговое обложение.

колхозы и коммуна	14 250
индивидуальные хозяйства	75 982
кулацкие хозяйства	5 980 ²³

Основная тяжесть выплаты сельхозналога падала на кулачества. До тех пор победно рапортавший в Киев об успехах сплошной коллективизации, Молдавский обком партии явно растерялся и просил ЦК КП(б)У «о немедленной присыпке партработников, хотя бы человек пятьдесят для усиления масовой работы в деревне»²⁶. Выход из колхозов по всему СССР принял угрожающие размеры. Для Сталина и его окружения провал коллективизации означал бы необходимость признать поражение в одном из важнейших стратегических направлений своей политики. 6 сентября 1930 года ЦК ВКП(б) направил всем крайкомам, обкомам и ЦК компартий союзных республик директивное письмо «О коллективизации», в котором лицемерно

собщалось о «новом приливе» в колхозы и резко осуждалось время очередной кампании раскулачивания или агитации пассивное отношение к этому «факту» местных партийных колхозы. В течение 1931—1933 годов в Парканы приезжали гайдзий²⁷. Декабрьский (1930 г.) Пленум ЦК ВКП(б) К. Стоянова, В. Р. Крайчева, Гезепов, Папазов, Дучев, Карапетян и другие. Третья сессия ЦИК СССР в январе 1931 года утвердили же инициативы в документах не указаны). Кие задания («контрольные цифры») по коллективизации 1931 года для всех регионов страны. В этих документах, имелись ввиду: полеводческую, садоводческую, виноградарскую, огородническую. Для создания материальной заинтересованности колхозников вводились трудодни. В целях укрепления материально-технической базы колхозов были созданы машинно-тракторные станции (МТС). Они оказывали помощь не только тракторами и машинами. Созданные при МТС политотделы фактически осуществляли партийное руководство коллективизацией на селе, становясь связующим звеном между райкомом и первичными партийными организациями. Начальник политотдела тираспольской МТС Ульянов присутствовал почти на всех собраниях парканской партийной организации.

В отличие от 1930 года, когда сопротивление крестьян сильной коллективизации чуть было не привело к новой гражданской войне, ЦК ВКП(б) предпринял ряд мер организационного характера для более успешного решения главного вопроса на селе. На помощь сельским коммунистам городов были направлены двадцатипятидесятичники. Кроме того в МАССР была объявлена партийная мобилизация помощи профинансированию колхозам. В Парканы для укрепления партийной организации и колхозов из ближних и дальних областей были направлены М. А. Ромашенко, М. И. Плохой, И. Ф. Мироненко, И. М. Бахченжи, Д. Яковлев, Ф. Брыкульский, Г. Р. Спивак, Г. Ковалев, А. Ковач, К. В. Рубцов, И. Требухин, М. Палейко и другие. Одни пробыли в селе несколько месяцев, другие остались на долгие годы. Большинство из колхозных активистов были направлены в Парканы после демобилизации из рядов Красной Армии. Первый председатель коммуны «Червена Победа» Михаил Александрович Ромашенко — бывший рабочий и Киев. Председатель колхоза «13 лет Октября» Карл Филиппович Рубцов, демобилизовавшийся красноармеец, был родом из украинского села Россоватка. Максим Иванович Плохой родился в с. Устиновка Николаевской области. После демобилизации из рядов Красной Армии он был направлен на курсы по подготовке сельскохозяйственных кадров, а по их окончании прибыл в Парканы в коммуну «Червена Победа», где работал счетоводом. Ряд лет был на руководящих должностях в различных парканских колхозах.

С учетом национальной специфики Паркан сюда были направлены коммунисты-болгары. Иван Миронович Бахченжи, второй раз вернувшись из Сибири, работал на консервном заводе в Тирасполе. Оттуда был направлен на укрепление парканских колхозов. Федор Дмитриевич Главчев прибыл из Благоевского района. Ряд болгар-коммунистов командировались в Парканы

Весной 1931 года началась новая кампания вовлечения в колхозы. Хотя даже не все сельские коммунисты осознавали важность проводимого мероприятия, когда речь шла об их собственных интересах. В начале года обнаружилось, что большинство членов партийной организации сами не являются членами колхозов. Собрание потребовало от этих коммунистов немедленно вступить в колхозы²⁸.

Вторая особенность заключалась в том, что в Парканах легче было найти кулаков, нежели бедняков, которые должны были служить опорой в деле коллективизации. Перед парканскими коммунистами была поставлена задача «настойчиво проводить работу по выявлению бедняков и батрачества»²⁹.

С 1931 года большое внимание уделялось расширению партийной организации, в первую очередь за счет местного населения, что, по мнению центральных партийных органов, должно было способствовать коллективизации на селе. Охотно вступая в партию, многие парканцы в то же время отказывались участвовать в раскулачивании и насилии изъятия сельхозналога. Необходимость соблюдения партийной дисциплины часто вступала в противоречие с человеческой совестью и элементарной порядочностью. В течение 1931—1933 годов за «партийное дезертирство с фронта коллективизации» из партии были исключены П. Х. Погорельский, П. Я. Станилевич, М. П. Спасов, Н. Г. Добров и другие. Ряд коммунистов получили серьезные партийные взыскания. Для того времени это был мужественный поступок, что, несомненно, снизило масштабы раскулачивания в Парканах.

И все же в кампании 1931 года в деле колхозизации значительно уступали среднереспубликанским. В соседней Терновке к тому времени было коллективизировано 80 процентов крестьянских хозяйств. Правда, эти высокие показатели единоличников и кулаков. Сообщения о выполнении плана хлебной заготовки достигнуты большой кровью. Из 714 имеющихся в Терновке дворов лишь в одном 1930 году было раскулачено 127, красный обоз», «на 9 августа организовать красный обоз». На конец 1932 года были обложены новым повышенным налогом, как кулацкие, еще 59 хозяйств³⁵. Нового подъема, как кулацкие, еще 59 хозяйств³⁵. Коллективизация не было и в помине.

Главным аргументом необходимости вступать в колхоз доказывалось, когда заканчивались основные работы в своем хозяйстве. Многие парканцы приходили поработать в колхозы в межсезонье, когда заканчивались основные работы в своем хозяйстве. Главным источником доходов единоличников были сады, культивирования. Неизвестно удавалось налоговый гнет на крестьян. Имея 1—3 десятины садов, они охотно уступали пахотную землю колхозам. В то же время положение парканских колхозов было безрадостным. Колхоз «13 лет Октября» держался раз больше колхозника (3 руб.). Налог на кулацкое хозяйство, лишь за счет работы в нем красноармейцев. Подобная практика возросла до 418 рублей в год³¹.

Нажим на единоличников производился постепенно, так как их садов сдавали в аренду, причем арендаторами стали ... сами единоличники. Их помогали выполнять основные показатели по хлебопечению. Из 87 гектаров засеянной кукурузы по причине заготовкам и налогобложения. Не раз вышестоящие начальники обнаруживали в Парканском сельсовете приписки в пользу колхозов за счет единоличников. Парканские колхозы остались малочисленными и маломощными. В каждый из колхозов вошло от 30 до 60 крестьянских хозяйств. 28 мая 1932 года вышли из колхоза³⁶. 12 июля 1934 года в газете «Социалистическая Молдавия» появилась критическая заметка о партийном собрании председатель колхоза им. Калюжного парканском колхозе «Красная заря», где в разгар сезона никто не работал, а колхозные поля заросли бурьяном.

Наиболее удручающим было состояние коммуны «Червена победа». В отличие от колхозов, в организацию ее работы были заложены зачатки «коммунистического труда». За свою работу коммунары ничего не получали, зато питались бесплатно в общественной столовой, имели детский сад. Основанная на базе комнезама за счет конфискованных кулацких земель и сельхозинвентаря, коммуна оказалась наименее жизнеспособной. Конфискованные коровы были собраны на молочно-товарную ферму, существовавшую за счет государственных дотаций и внепланового насилиственного изъятия фуража у единоличников. В конце концов она вообще была закрыта. «Хлеба нет, фуража нет, дисциплина среди коммунаров разваливается»³⁷, — сообщал инструктор Тираспольского райкома партии.

С конца 1931 — начала 1932 годов крестьян высыпали из села, как правило, уже не за контрреволюционную деятельность, а за «злостную неуплату сельхозналога». Налоговый пресс заставил парканцев приспособиться к новой ситуации. Началось дробление крестьянских хозяйств. Нередко были случаи, когда 16-летних юношей родители срочно женили в целях выделения новой семьи из своего хозяйства и уменьшения тем самым сельхозналога. Участились случаи сворачивания хозяйств.

К концу 1932 года в Парканах из 1208 крестьянских хозяйств вошло в колхозы 694³⁸. Но даже эти данные, представленные в обкоме партии, были намного выше реальных. По признанию направленного с проверкой из Тирасполя директора консервного завода Желтова «очень большое количество крестьян считаю, что они из колхозов вышли, но заявлений они не давали»³⁹. Даже завышенные парканские показатели по колхозам

4. ГОЛОД 1932—1933 ГОДОВ

Развернувшаяся сплошная коллективизация и ликвидация кулачества привели к резкому снижению посевных площадей и падению урожайности. И это несмотря на благоприятные

в целом климатические условия 1932 и 1933 годов. Около половины посевных площадей парканских колхозов пустовали, дованная от предков изворотливость помогли парканцам из-за засеянная часть обрабатывалась крайне плохо. Трижды бежать худшего. Не последнюю роль сыграл и низкий процент крашался план хлебозаготовок в Тираспольском районе, но коллективизация хозяйств по сравнению с другими селами, равно он не был выполнен. В конце 1932 года колхозы района в те голодные месяцы на улицах села часто встречались женщины в семенной фонд 141 тонну пшеницы вместо 386 тонны, старики и дети из Терновки, Ближнего хутора, Бычка по плану, ячменя — 425 вместо 739 и т. д. Парканские колхозы Тирасполя, просящие милостыню. Сердобольные паркандцы «13 лет Октября» и им. Благоева вообще ничего не сдали помогали чем могли.

Методы хлебозаготовок 1932—1933 годов в Молдавской АССР ничем не отличались от методов продовольственной рекреации крестьян в Молдавской автономии и массовому бегству из приверстки периода гражданской войны. Все излишки хлеба единоднестровских сел в Бессарабию. Больше всего убегали из Неличников были вывезены в город. К. С. Обручков собрал в завертайловки, Чобручей, Карагаша, Бутора, Ташлыка, Спей, году со своего надела 90 пудов хлеба. Сдал полагающие Кошиер⁴³. Убегали не только к родственникам и знакомым 5 пудов. Но через несколько недель сельсовет конфисковал не только насовсем. Многие крестьяне, не надеясь на колхозы, весь остаточный урожай. «Мне тогда было 12 лет, — вспоминает П. П. Пельтек. — Мы с сестрой (П. П. Пельтек рос сиротой Г. А.) собрали со своей земли полный чердак кукурузы. Пришел из сельсовета С. и все забрал».

Оставшись без хлеба, приднестровские села были обречены на голодную зиму. В Тирасполь все чаще стали поступать тревожные сообщения о «фактах голода». В Ананьевском районе с января по март 1933 года умерли от голода 299 человек. В апреле в этом же районе положение резко ухудшилось. Районный комитет партии докладывал о случаях «людоедства на почве голодада». Только с 1 по 7 июля в районе умерло от голода 4 человека, и смертность с каждым днем нарастала³⁹. В Балтском районе за апрель того же года умерли 873 человека, из них от «истощения и недоедания — 660»⁴⁰. В мае в том же районе от голода умерли 1473 человека. «За последнее время, с тревогой сообщал районный комитет партии, — в районе случаи людоедства принимают угрожающие размеры»⁴¹.

Незадолго до этого из соседней с Парканами Терновки докладывали об успехах сплошной коллективизации. Но результатом таких высоких показателей стал голод, который начался с каждым месяцем. В адрес обкома партии и СНК МАССР поступила докладная записка руководителей пограничного района, просивших оказать помощь «трудящимся этого села в общественном питании, учтя его заслуги в прошлом перед революцией»⁴². В самом Тирасполе начались перебои в снабжении хлебом. В городе была введена карточная система. Ежедневная норма выдачи хлеба равнялась 500 граммам на работающего и 200 граммов на иждивенца. Причем в целях экономии районный комитет партии обязал горрайкооперацию выпекать хлеб с примесью 23 процентов кукурузной муки.

Сохранявшиеся чувство собственного достоинства и унаследованная изворотливость помогли парканцам избежать голодных месяцев. Но последнюю роль сыграл и низкий процент крашения плана хлебозаготовок в Тираспольском районе, но коллективизация хозяйств по сравнению с другими селами, равно он не был выполнен. В конце 1932 года колхозы района в те голодные месяцы на улицах села часто встречались женщины в семенной фонд 141 тонну пшеницы вместо 386 тонны, старики и дети из Терновки, Ближнего хутора, Бычка по плану, ячменя — 425 вместо 739 и т. д. Парканские колхозы Тирасполя, просящие милостыню. Сердобольные паркандцы «13 лет Октября» и им. Благоева вообще ничего не сдали помогали чем могли.

Голод 1932—1933 годов привел к серьезным волнениям крестьян в Молдавской автономии и массовому бегству из приверстки периода гражданской войны. Больше всего убегали из Неличников были вывезены в город. К. С. Обручков собрал в завертайловки, Чобручей, Карагаша, Бутора, Ташлыка, Спей, году со своего надела 90 пудов хлеба. Сдал полагающие Кошиер⁴³. Убегали не только к родственникам и знакомым 5 пудов. Но через несколько недель сельсовет конфисковал не только насовсем. Многие крестьяне, не надеясь на колхозы, весь остаточный урожай. «Мне тогда было 12 лет, — вспоминает П. П. Пельтек. — Мы с сестрой (П. П. Пельтек рос сиротой Г. А.) собрали со своей земли полный чердак кукурузы. Пришел из сельсовета С. и все забрал».

Оставшись без хлеба, приднестровские села были обречены на голодную зиму. В Тирасполь все чаще стали поступать тревожные сообщения о «фактах голода». В Ананьевском районе с января по март 1933 года умерли от голода 299 человек. В апреле в этом же районе положение резко ухудшилось. Районный комитет партии докладывал о случаях «людоедства на почве голодада». Только с 1 по 7 июля в районе умерло от голода 4 человека, и смертность с каждым днем нарастала³⁹. В Балтском районе за апрель того же года умерли 873 человека, из них от «истощения и недоедания — 660»⁴⁰. В мае в том же районе от голода умерли 1473 человека. «За последнее время, с тревогой сообщал районный комитет партии, — в районе случаи людоедства принимают угрожающие размеры»⁴¹.

Несмотря на ежедневную пропагандистскую кампанию и рецессии, парканские единоличники долгое время держались за свои наделы. С 1 января по 1 сентября 1934 года в колхозы вступило всего лишь 74 хозяйства. К концу года в селе насчитывалось 1549 дворов, из которых 643 вошли в колхозы, а 906 хозяев оставались единоличниками, в том числе и 5 зарегистрированных кулацких хозяйств. Рассмотрим соотношение единоличных хозяйств и колхозов в сельскохозяйственном производстве.

5. ЗАВЕРШЕНИЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Несмотря на ежедневную пропагандистскую кампанию и рецессии, парканские единоличники долгое время держались за свои наделы. С 1 января по 1 сентября 1934 года в колхозы вступило всего лишь 74 хозяйства. К концу года в селе насчитывалось 1549 дворов, из которых 643 вошли в колхозы, а 906 хозяев оставались единоличниками, в том числе и 5 зарегистрированных кулацких хозяйств. Рассмотрим соотношение единоличных хозяйств и колхозов в сельскохозяйственном производстве.

Распределение пахотной земли и интенсивного клина в 1934 году (в гектарах):

	пахотная земля	сады	виноград- огорода
в целом			
по сельсовету	2976	856	418
колхозы	2452	166	83
колхозники	—	228	105
единоличники	524	462	230
			68

Животноводство в 1933 и 1934 гг.

	всего по сельсовету		колхозы		колхозники		единоличники
	1933	1934	1933	1934	1933	1934	
лошадей	746	834	286	309	—	—	1933
коров	400	448	42	60	127	119	460
молодняка	114	186	11	37	35	51	169
овец, коз	169	155	—	—	50	49	68

Остальные отрасли в 1934 г. (сдача государству)

	зерно (в центнерах)	мясо (в килограммах)	молоко (в литрах)
колхозы	2788	6045	5256
колхозники	—	—	6971
единоличники	892	18 136	22 775

Уплата налогов в 1934 году (в рублях)

	колхозы	колхоз- ники	едино- личники	кулаки
селькохз налог	13 712	10 104	139 371	5676
самообложение	7820	—	143 804	11 160

Как видим, единоличники и хозяйства, причисленные к кулацким, производили большую часть сельскохозяйственной продукции. Лишь хлеб выращивался в основном на колхозных полях, причем с единоличников хлеб государству взималось в два раза больше, чем с колхозов. Из таблицы видно, что главным источником своих доходов колхозники также считали работу в колхозе, а сады и виноградники, оставшиеся в личном пользовании. На каждую колхозную семью приходилось в личном пользовании 0,35 гектара садов против 0,50 у единоличника и 0,16 гектара виноградников против 0,25 у единоличника. Любопытно, что в годовом отчете данные по продаже фруктов не были представлены в связи с «сильным перевыполнением».

В конце 1934 — начале 1935 годов центральные партийные и советские органы приняли ряд мер репрессивного, политического и экономического характера для окончательного удара по единоличникам. Вырос и без того непомерно высокий налог на хозяйства единоличников. В 1934 году каждая колхозная парканская семья выплачивала налог в 15,7 рублей в год,

единоличники — по 154,7 руб., то есть в десять раз больше. Особенно вырос налог на кулацкие хозяйства — 1051,2 руб., то единоличники — в 67 (!) раз больше налога с колхозника. Между тем положение единоличников все меньше и меньше отличалось от положения колхозников. Государство и местные органы власти все чаще вмешивались в дела единоличников. Им, так же, как и колхозам, спускался план на год, указывалось, что и когда сеять. Ставки налогообложения не соблюдались. Не раз парканские колхозы за счет дополнительного обложения единоличников выполняли свои планы поставок государству.

Коренным переломом в Парках начался с конца 1934 года, когда в результате нового землеустройства единоличники лишились своего главного достояния — садов. Под видом ликвидации чересполосицы стали создаваться большие колхозные массивы. Единоличники, а затем и колхозники стали получать новые садовые участки в неудобье, причем компенсация, как правило, была несправедливой. Новые садовые участки единоличников по площади уступали прежним. В 1937 году колхозам были вручены государственные акты на вечное пользование землей. Только у одного колхоза им. Благоева, согласно этому акту, площадь садов составила 112 гектаров, а виноградников — 84 гектара.

Впрочем, вручению актов на вечное пользование предшествовал ряд событий. ЦК ВКП(б) вновь откорректировал свою политику к колхозному движению и сельскому хозяйству в целом. В 1935 году был принят новый Примерный устав сельхозартелей, где четче разъяснялись взаимоотношения государства с колхозами. Июньский (1935 г.) Пленум ЦК партии осудил практику массового снятия председателей колхозов, исключение колхозников из колхозов и репрессии против крестьян, лицемерно назвав это «извращением линии партии». 29 июня того же года было принято совместное постановление ЦИК и СНК СССР о снятии судимостей с колхозников. 26 сентября парканский сельсовет единогласно проголосовал за ходатайство перед ЦИК МАССР об амнистии тридцати семи своим землякам, осужденным за различные экономические преступления, порой безобидные или надуманные.

Работа колхозов начала наполняться новым содержанием. От лозунгов во многих хозяйствах стали переходить к делу. При Тираспольской МТС, которая обслуживала 24 колхоза, была создана бригада, прикрепленная только к парканским колхозам. На колхозных полях появились не только тракторы, но и комбайны. За рычаги сели не только прикомандирован-

ные трактористы, но и обученные на курсах парканцы: А. Добров, В. С. Дымов, К. К. Добров, А. Салабаш, С. С. Крионов, первая парканская девушка-трактористка Агафья Чечиченко и другие. Многие молодые парканцы были отправлены агрономические, ветеринарные и другие сельскохозяйственные курсы.

Нельзя не учесть и новую психологическую ситуацию, возникшую ко второй половине 30-х годов. В условиях Советской власти выросло целое поколение парканцев, убежденное в преимуществе колхозного строя и социалистической системы в целом. Видимо, и старшее поколение смирилось с необходимостью вступления в колхозы.

Еще в 1934 году многие единоличники, не выдержав налогового гнета, подали заявления о приеме в колхозы, но их прием умышленно сдерживался, чтобы не пострадали производственные показатели. Известны случаи, когда единоличники носили «магарычи» в сельсовет, председателям колхозов, лишь бы и приняли в колхозы. К концу сентября 1935 года из 1670 парканских дворов 1620 было охвачено колхозами⁴⁷.

Прекратилась председательская чехарда. На посты руководителей колхозов все чаще стали выдвигаться местные кадры малограмотные, но выросшие на земле и знающие ее цену, проявившие организаторский талант: И. И. Радулов, С. И. В. И. и Д. И. Мищенко, И. И. Спасов, П. М. Вербанов, С. Т. Спасов и другие.

Эффективность колхозного строя сказалась прежде всего в зерновом хозяйстве, где удалось добиться высокой степени механизации полевых работ. В 1936 году валовой сбор зерна в семи парканских колхозах составил 37 560 центнеров⁴⁸. Средняя урожайность зерновых составила 12,6 центнера с гектара против средней по МАССР 11,6.

Повысилась материальная заинтересованность колхозников в результатах своего труда. Большая часть зерна оставалась в колхозах. В том же 1936 году государству, согласно плану, было продано 2650 центнеров. Из расчета на один трудодень колхозники получили зерна (в килограммах):

колхоз им. Димитрова	1,5
«13 лет Октября»	5
им. Котовского	4
им. Калинина	5
им. Благоева	2
«Красная заря»	6,5
«Красный Октябрь»	4.

Долгое время слабым звеном парканских колхозов было животноводство. В целях укрепления этой отрасли государство начало поставки в Парканы племенных коров. Только в 1936 году из Днепропетровской области поступили 123 телки.

Серьезные проблемы стояли перед традиционными отраслями парканского хозяйства: садоводством, виноградарством и овощеводством. И дело было не только в том, что их механизация оказалась в основном делом будущего. Ряд лет парканские колхозы не имели стимула к их дальнейшему развитию в связи с низкими закупочными ценами на фрукты, виноград и овощи. В 1934 году на территории МАССР колхозы сдавали яблоки по 20 коп. за килограмм, груши — по 30 коп. В то же время в соседней Одесской области приемные пункты принимали те же фрукты соответственно по цене 80 коп. и 1 рубль⁴⁹. И такой дисбаланс сохранялся много лет. Продавать же свою продукцию за пределами МАССР колхозам запрещалось. Председатели колхозов за подобную инициативу строго наказывались.

В предвоенные годы произошла некоторая реорганизация парканских колхозов. Бывшая коммуна «Червена победа», преобразованная затем в колхоз им. Димитрова явно отставала от других колхозов. В целях укрепления слабого хозяйства 26 февраля 1939 года СНК МАССР принял постановление о слиянии колхозов им. Калинина и им. Димитрова в один колхоз. На следующий день в присутствии 514 членов обоих колхозов было принято решение дать объединенному колхозу новое название: им. XVIII партсъезда. Его председателем был избран Д. И. Мищенко, бывший председатель колхоза им. Калинина⁵⁰.

VII. ПАРКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В 20—30-Е ГОДЫ

Долгое время нас учили делить мир на «черное» и «белое» (точнее, на «красное» и «белое»), не замечать оттенков, не видеть изменений, происходящих с людьми, их волнений и терзаний. История Паркан 20—30-х годов — это сложнейший, мучительный процесс врастания в новую общественную систему. Разумеется, привыкшее к вековым устоям крестьянство не могло сразу же принять новые порядки, новый уклад жизни. Каждое начинание Советской власти парканцы примеряли на себя, пытались приспособиться или изменить на свой лад, а иногда и противодействовать ему, исправить по-своему. От новой власти также требовалась гибкость, способность учитывать традиции и специфику села, чего, откровенно говоря, ей часто не хватало.

После Октябрьской революции в административно-территориальном устройстве края произошел ряд изменений. С 1918 года Тираспольский уезд вошел в новую, только что созданную Одесскую губернию. В 1923 году произошли новые изменения. Губернии были преобразованы в округа, уезды — в районы, волости были упразднены. Парканы вошли в Тираспольский район. 12 октября 1924 года была образована Молдавская АССР в составе Советской Украины. Тираспольский район стал составной частью Молдавской автономии, а с 1929 года Тирасполь стал ее столицей.

1. ОСОБЕННОСТИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПАРКАНАХ. ОБРАЗОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СЕЛЬСКОГО СОВЕТА

Привыкшие к значительной автономии сельской общины, парканцы болезненно относились к процессу сворачивания местного самоуправления. Многие годы они привыкли принимать самостоятельные решения, оспаривать указания вышестоящих чиновников. Однако новая власть требовала лишь беспрекословного подчинения и безукоризненного исполнения своих ди-

ректив. В 20-е годы каждые выборы в сельский Совет превращались в своеобразные политические баталии, готовые перерасти в новые столкновения, как это произошло на выборах в мае 1920 года.

С окончанием гражданской войны ревкомы передали свою власть выборным Советам. На 21 августа 1921 года были назначены выборы в уездные и волостные Советы. Тираспольский уездный партийный комитет на одном из своих заседаний, посвященных подготовке к выборам, высказал опасения за их результаты в связи с кознями «притихшего кулачества». Хотя на совещаниях всех уровней неоднократно подчеркивалась необходимость проведения выборов «по наиболее демократическим принципам», в Тирасполь поступили секретные директивы губкома партии как добиться «желаемых результатов», чтобы кулачеству не удалось провести в Советы «желательный им элемент»¹. Шестьдесят пять парканцев были лишены избирательного права как «нетрудовые элементы». В канун выборов прокатилась волна арестов «несознательных граждан», отпущеных через несколько дней без предъявления каких-либо обвинений.

В волостной исполком были избраны Соколов, Обручков, Петров, Вербаев, Сайчук, Салабаш, Лидль, кандидатами в члены исполкома — Мукич, Степанов, Черниченко, Дымов (инициаторы в документе отсутствуют)². Из семи членов волисполкома были избраны четыре коренных парканца. Такая расстановка сил не устраивала уездные власти. Результаты выборов были аннулированы. На должность председателя волисполкома был назначен Г. В. Василатий. Семь лет парканцы были отстранены от руководства сельским Советом. После Г. В. Василатия в 1921—1924 гг. сельский Совет возглавляли Т. М. Рудаков, А. Т. Швец, М. В. Звягин, А. А. Молчанов, затем снова Т. М. Рудаков, командированные в Парканы на укрепление Советской власти. Частая смена руководителей сельского Совета способствовала коррупции, а управление селом «чужаками» порождало недовольство крестьян. Каждый год картина повторялась и результаты выборов аннулировались. Председатели сельсоветов не выбирались, а назначались сверху. Подобная практика вызвала недовольство даже части парканских коммунистов.

22 марта 1925 года на выборах председателя сельхозтоварищества кандидат в члены ВКП(б) Василий Иванович Николаев выступил с заявлением, что выборы должны проводиться на демократических началах, а выборы в сельский Совет в конце 1924 года состоялись под давлением³. Недовольство парканцев работой сельского самоуправления и методами его фор-

мирования принимало все более организованный характер.

События вокруг парканского сельского Совета совпали по времени с активным национально-государственным строительством в стране. Впервые за свою историю многие большие и малые народы получили свою государственность или национально-культурную автономию. Справедливости ради следует отметить, что национальная политика большевистской партии чаще носила пропагандистский характер, чтобы продемонстрировать всему миру «преимущества» социалистического строя и в такой сложной и деликатной области, как национальные отношения. Многие важные начинания были только декларированы, но не претворились в жизнь. И все же принятые партийные решения вызвали определенный рост национального самосознания и активности некоторой части общества, в первую очередь интеллигенции. Национальное строительство носило четкий классовый подход, что также не могло не сказаться на его эффективности.

В 1924 году на Украине была проведена административная реформа, предусматривавшая право национальных меньшинств на национально-культурное строительство и территориальное устройство. Эти решения относились также и к болгарскому национальному меньшинству, населявшему южные области республики. В том же году на Украине началось создание болгарских национальных районов. К 1927 году таких районов насчитывалось уже четыре⁴.

Парканы были отдалены от других болгарских сел и не могли войти ни в один национальный район. В то же время нельзя было не считаться с самым большим на Украине шеститысячным болгарским селом. Чтобы несколько разрядить обстановку и успокоить недовольных парканцев, в село на должность председателя сельского Совета был направлен болгарин по национальности Иван Григорьевич Вербанец, уроженец села Катаржина. Еще в 1905 году после окончания военной службы он остался в Москве, участвовал в революционных событиях 1917 года, вступил в партию, занимал ряд ответственных должностей в Москве, затем на Украине. В Парканы приехал с должности председателя Малигоновского сельского Совета.

Однако приход И. Г. Вербанца не успокоил парканцев. Они настаивали на праве самим выбирать своего председателя. Парканская партийная организация отказалась даже рассмотреть заявление нового руководителя сельсовета о восстановлении его в партии (в 1922 г. И. Г. Вербанец из рядов ВКП(б) был необоснованно исключен) в «связи с обострением отношений между ячейкой и беспартийной массой»⁵.

В декабре 1925 года ЦИК МАССР постановил организовать в Парканах национальный сельский Совет. Официальные власти признали за парканскими болгарами, составлявшими 95 процентов жителей села, право на свою самобытность и некоторую самостоятельность. Первую болгарскую районную беспартийную конференцию было решено совместить с выборами в национальный сельский Совет. Однако появившиеся ростки национального самосознания отступили на задний план в связи с высокой социальной напряженностью парканского общества. Обе противоборствующие стороны делали ставку на новые выборы. К ним были допущены 1878 мужчин и 1551 женщина, 40 человек были лишены права голоса, 53 восстановлены в правах⁶.

Результаты состоявшихся 31 января 1926 года выборов шокировали не только районные, но и республиканские партийные и советские органы. Все кандидаты в депутаты сельсовета от партийчеки, комсомола и комнезама были провалены. Образование национального сельского Совета парканцы поняли по-своему: восстановление старых принципов самоуправления. На состоявшейся избирательной конференции крестьяне с места выкрикивали: «Зачем нам шестьдесят человек в Совет, когда можно одного старосту и старшину?», «Долой коммунистов, комсомол и незаможников!»⁷

На партийном собрании по итогам выборов 2 февраля 1926 года удрученные сельские коммунисты сделали вывод о том, что в Парканах «работает подпольная организация», которая тщательно подготовилась к выборам. Собрание обратилось с ходатайством в вышестоящие органы власти об аннулировании результатов выборов и выявлении виновных «в беспорядках». Партийная ячейка настаивала также на расширении числа парканцев, лишенных права голоса. Отдельные коммунисты предлагали даже восстановить существовавший в годы гражданской войны ревком.

Тираспольский райком партии и райисполком всполошились не на шутку. Неутешительные сообщения о победе на выборах «нежелательного кулацкого элемента» поступали из Плоского, Коротного и других сел района. «Игра в демократию» закончилась. В Парканах были назначены перевыборы. Проходили они по рабочим организациям, «участники налета 1921 года» были лишены права голоса. В село для укрепления партийной работы был направлен из Тирасполя А. Г. Архипов. Однако новый секретарь партийчики пробыл в селе недолго, не выдержав испытания парканским вином. Уже через месяц после его прибытия парканские коммунисты единогласно проголосовали за освобождение А. Г. Архипова от должности секретаря парт-

ячейки «за систематическое пьянство и подрыв авторитета партийных организаций»⁸. «Союзом партии требовал от районных

И все же Молдавский обком партии требовал от районных структур придать законность выборной власти в Парканах. 5 февраля 1927 года в селе состоялась Вторая болгарская районная беспартийная конференция. На нее было делегировано по одному человеку от десяти хозяйств. Фактически это был сельский форум, так как кроме Паркан и парканского хутора Олег в районе не было компактно проживающих болгар. Конференция проходила в более спокойной обстановке, чем предыдущая. Многие ее решения носили на себе отпечаток идеологической зашоренности, было много общих выступлений о «международном и внутреннем положении», «о генеральной линии партии» и т. п. Но все же в постановлении конференции был записан и ряд конкретных решений о «болгаризации сельского Совета», необходимости «поддерживать связи с другими болгарскими селами», получения литературы на болгарском языке и другие⁹.

и другие⁹. И снова во главу угла стали выборы в сельский Совет. На этот раз партийные и советские органы в районе и в селе подготовились как никогда тщательно. Права голоса имели 1379 мужчин и 1597 женщин. Избирательного права согласно документу был лишен 141 человек. Но фактически права голоса было лишено гораздо больше парканцев, если обратить внимание, что число допущенных к выборам мужчин по сравнению с 1926 годом уменьшилось на 499¹⁰. И все же, несмотря на явное давление, из 66 депутатов сельсовета был избран всего 21 представитель партийной организации, комсомола и комнезама.

Впервые председателем сельского Совета был избран (а не назначен) представитель местного населения: Мария Николаевна Доброда, первая и единственная в парканской истории женщина — глава сельской администрации. Тем самым был достигнут своеобразный компромисс вышестоящих органов власти с парканским обществом. Хотя председателем сельского Совета стал представитель от партийной организации, но зато из местных. В дальнейшем весь довоенный период руководителями сельского Совета избирались только парканцы: С. Т. Петков, А. М. Николаев, А. П. Жеков, И. М. Николаев, Д. Д. Доброда, С. Т. Спасов.

С. Т. Спасов.
С 1927 года политика «болгаризации» сельского Совета стала приобретать конкретные формы. Наибольшую активность в этом направлении проявил болгарский политэмигрант Стоимен Спасов. Возглавив в Тираспольском райкоме партии бюро

по национальным меньшинствам, он провел большую работу по реализации многих, казалось, несбыточных партийных директив. Помимо работы в школе, С. Спасов открыл вечерние занятия по ликвидации неграмотности на болгарском языке. Он настаивал на переводе всей работы сельского Совета на родной язык, «что будет вполне нормально в селе, где 95 процентов болгар»¹¹. Из 66 избранных депутатов 59 были болгарами. Партийные собрания стали проводиться поочередно на болгарском и русском языках, коммунисты-неболгары обязаны были в кратчайший срок изучить болгарский язык. В Парканы стали поступать литература и периодические издания на болгарском языке, но их было катастрофически мало. Огромное село получало лишь двадцать экземпляров газеты «Съветско село».

Многие решения по национальной политике оказались половинчатыми и не до конца продуманными. Тираспольский райисполком на словах был не против перевода работы сельского Совета на болгарский язык, но всю отчетную документацию требовал на русском языке. Основной упор в политике «болгаризации» был направлен на школу, но та задыхалась от нехватки учительских кадров, учебников, хорошо продуманных программ обучения. Когда в Парканы вернулась большая группа местных юношей и девушек, закончивших Одесский болгарский педагогический техникум и болгарскую секцию Одесского пединститута, политика «болгаризации» была уже свернута. Она явилась такой же мимолетной пропагандистской кампанией, как и провозглашавшиеся «украинизация», «молдаванизация», «латинизация» (введение латинской графики в молдавский язык, а затем ее отмена). Большинство активных проводников национально-культурной автономии были осуждены как «буржуазные националисты», «агенты империализма» и брошены в сталинские лагеря. Не избежал этой участи и Стоимен Спасов, после Паркан приглашенный на педагогическую работу в Одессу. Нужно отметить и тот факт, что отягощенное повседневными заботами парканское население отнеслось, в основном, равнодушно к новой национальной политике, тем более что она была насквозь пропитана духом непримиримости к «врагам Советской власти», ко всему старому. В августе 1939 года Парканский национальный сельский Совет был ликвидирован.

Сельский Совет лишился не только своей национальной специфики. Местное самоуправление с начала 30-х годов полностью потеряло даже какие-то намеки на самостоятельность. Парканцы все меньше проявляли интерес к его работе. Из

семидесяти двух депутатов сельсовета, избранных в 1930 году, фактически участвовали в его работе двадцать человек. Почти все они являлись членами коммуны, и, часто отрываясь от основной работы, вызывали известное недовольство остальных коммунаров¹². Фактически бездействовал сельский суд. Уличенные в «пособничестве кулацким элементам» его председатели по несколько раз в год сменяли друг друга.

Последний всплеск активности сельсовета наблюдался в 1934 году, в разгар противоборства сторонников колхозизации и единоличников. Из шестидесяти четырех депутатов ровно половину составляли единоличники¹³. Под их влиянием оказалась наиболее важная, землеустроительная секция и сельский суд. Но к концу года, когда все члены секции и председатель суда П. Х. Погорельский были осуждены, активность сельского Совета резко упала.

Местный Совет стал слепым орудием выполнения директив центра. Ему были переданы не свойственные для выборного органа производственные функции. Председатель сельского Совета стал своеобразным председателем совета парканских колхозов. На заседаниях сельсовета председатели колхозов регулярно отчитывались о ходе посевной, уборке урожая и других хозяйственных делах.

В 30-е годы заметно усилилось значение поста председателя сельского Совета. Утверждаемый и направляемый районом партии, он фактически единолично правил в селе и был подотчетен только районным партийным и советским органам. Для старожилов не секрет, что до войны на этот пост пробирались и люди, нечистые на руку, откровенные карьеристы, сыгравшие свою зловещую роль в массовых репрессиях 1930-х годов.

2. БЕССАРАБЦЫ. ПОЛИТЭМИГРАНТЫ

В очерке о динамике населения Паркан мы узнали о пребывании в селе около пятидесяти семей, выходцев из Бессарабии: болгар, молдаван, русских, евреев, украинцев. Не столь многочисленные, они все же остались заметный след в парканской истории, стали целым явлением сельской жизни двадцатых годов. Большинство выходцев из Бессарабии пришло в Парканы без средств к существованию, не имея ни земли, ни инвентаря для ее обработки. Кое-кто из бессарабцев занялся ремеслом. Из их среды вышли парканские плотники, столяры, сапожники. Но таких было мало. Абсолютное большинство бессарабцев безоговорочно приняло Советскую власть и стало ее надежной

опорой во всех начинаниях. Большинство выходцев из Бессарабии получили статус политэмигрантов. Революционное прошлое многих позволяло им занять ряд руководящих должностей на селе. Именно бессарабцы составили костяк парканского комнезама и тот партийно-хозяйственный актив, который принял заметное участие в укреплении Советской власти в Парканах, а часто и в репрессиях против местных крестьян и раскулачиваниях.

Такая позиция новых поселенцев не могла не отразиться на настроениях коренных парканцев, видевших в выходцах из Бессарабии источник многих своих бед. Слово «бессарабец» стало в селе почти ругательным. 13 марта 1925 года парканские призывники отправили письмо Председателю ЦИК Украины Г. И. Петровскому с жалобой, что «бессарабцы отирают сады, участвуют в незаконных конфискациях»¹⁴. В августе 1926 года на сельском базаре собралась большая толпа парканцев, громко осуждавшая руководителей сельсовета за то, что «поотирали сады и раздали бессарабцам»¹⁵.

Впрочем, со временем страсти углеглись и в дальнейшем у парканцев с выходцами из Бессарабии сложились дружественные, а иногда и родственные отношения. Для многих бессарабцев-политэмигрантов Парканы стали своеобразным трамплином для занятия в дальнейшем более высоких должностей. Председатель парканского комнезама П. М. Мараховский через несколько лет возглавил Тираспольский районный КНС, затем работал в Наркомате земледелия. И. Н. Чубин, прожив в селе два года, женился на парканке, впоследствии стал директором тираспольского маслосырзавода, позднее работал инструктором райкома партии. А. С. Завада был секретарем парканской комсомольской ячейки. После Паркан был на руководящей комсомольской и партийной работе в ряде районов МАССР.

С конца 1923 года, после неудачного сентябрьского вооруженного восстания, число политэмигрантов стали пополнять и выходцы из Болгарии. В СССР прибыли сотни болгарских революционеров, которых большевистская партия решила использовать в качестве пропагандистов и исполнителей своих решений на местах. Многие из них после окончания различного рода курсов и совпартшкол были направлены в болгарские села. Уже в конце 1923 года оказался в Парканах член Болгарской коммунистической партии с 1906 года Стоимен Спасов, сыгравший заметную роль в общественной жизни Паркан в 20—30-е годы. Ряд лет он возглавлял сельскую партийную организацию. Его энергию хватило и на работу в школе, и в рай-

коме партии, и на встречи с парканцами. В Парканах этот немолодой уже человек женился на учительнице, уроженке Бессарабии болгарке П. Р. Сукман.

В 1925 году бежал из Болгарии член БКП Семен Константинович Ангелов. В Парканы он приехал в 1932 году после окончания Коммунистического университета национальных меньшинств.

Особая судьба у бывшего военнопленного болгарина Ивана Ташевича Райчинова. Скромный, неприхотливый, он ряд лет работал в Парканах пастухом. В 1927 году был избран председателем рабочкома (прообраз нынешнего профкома). В 1931 году стал председателем парканского потребительского общества. Узнав о смерти жены в Болгарии, женился в Парканах.

Большинство бессарабских и болгарских политэмигрантов стали жертвами необоснованных репрессий 30-х годов. Но об этом разговор особый.

3. УКРЕПЛЕНИЕ КАДРОВ

После событий 19 ноября центральными властями были приняты меры по укреплению руководящих кадров в Парканах. Партийной организацией, сельсоветом, комнезамом стали руководить присланные райкомом партии коммунисты. В 1923 году в сельской партичайке насчитывалось всего четыре человека: И. Г. Нагорный, председатель КНС; А. А. Молчанов, председатель сельсовета; М. П. Барбалат, председатель раб. секции земотдела; и Ф. Я. Липецкер, завсельбудом (завклубом). Наличие одних «чужаков» не могло способствовать партийно-советской работе в Парканах. «Авторитет ячейки на селе слабый, — констатировал в начале 1926 года Тираспольский районный партком. — Причины в том, что члены ячейки в большинстве случаев не из местного населения»¹⁶.

Началась целенаправленная работа по росту партийной организации и вовлечению в нее местных жителей. На 1 октября 1926 года в Парканской партийной ячейке насчитывалось уже шестнадцать членов и кандидатов в члены ВКП(б), из них семь уроженцев Паркан. Стали настойчиво подбираться и готовиться руководящие кадры из местного населения. Многие местные коммунисты и комсомольцы были отправлены на партийно-политические курсы, областные и республиканские совпартшколы.

Почти сразу же после прихода Советской власти в Парканы был направлен в Одессу на трехмесячные курсы преподавателей по ликвидации неграмотности Савва Трофимович Петков.

После возвращения, проработав несколько месяцев в селе, снова был направлен на учебу, теперь уже на губернские политкурсы, а оттуда в июле 1923 года — в Одесскую губернскую партшколу. Впоследствии С. Т. Петков возглавлял парканскую партичайку, комнезам, сельсовет, затем был направлен на укрепление руководящих кадров в Благоевский национальный район Одесской области.

Подобный путь политического воспитания прошли многие парканские коммунисты. Большинство из них стали затем партийными, советскими и хозяйственными руководителями не только в родном селе, но и в других селах Тираспольского района. А. М. Николаев возглавлял партичайку в с. Плоское, затем сельсовет в с. Гребеники, а в 1934 году стал председателем Парканского сельсовета. Н. Г. Мищенко был председателем колхоза в с. Гребеники, А. П. Жеков начал свою карьеру в Незавертайлловке, затем работал в районных организациях, с конца 1934 года — председатель Парканского сельского Совета. Г. Г. Петров ряд лет возглавлял сельсовет в с. Бычок.

Дочь парканского учителя Н. И. Митова Мария Николаевна Доброза, после нескольких лет работы в Парканах на посту председателя комнезама, а затем председателя сельсовета, в 1928 году стала заместителем председателя Тираспольского райисполкома. После окончания курсов КП(б)У была на руководящей работе в различных партийных и профсоюзных организациях Молдавской автономии. В 1934 году была избрана секретарем ЦИК МАССР.

4. МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ В ПАРКАНАХ

В работе любого исследователя, увлеченного своей работой, случаются моменты, когда накопившиеся эмоции перехлестывают через край. О наболевшем иногда хочется написать не спокойно и хладнокровно, анализируя событие или явление, а передать все чувства и боль от происшедшего. Потрясенный масштабами парканского геноцида, я долго не мог сесть за спокойное написание книги. Все остальноеказалось менее важным. И дело не только в личном отношении к трагедии родного села. Восстанавливая по крупицам его богатейшую историю, я всегда видел перед собой степенных и краjkистых парканских мужиков, дородных и трудолюбивых женщин, с их радостями и печалью. И вдруг в одночасье началась рубка по живому, по сотням тонких ниточек, которые связывали

едино парканское общество, старое и молодое поколения с много-
летними традициями, налаженным и ухоженным бытом. Мож-
но ли оправдать миллионные жертвы в стране, сотни в одних
только Паркахах, ради строительства призрачного светлого
будущего?

Массовые репрессии 20—30-х годов стали страшной траге-
дией всех народов СССР. И все же хотелось бы отметить
некоторые особенности бесчеловечных расправ с сотнями не-
нинных парканцев, зловещую неотвратимость узаконенного на-
силия.

ЭХО ТРАГЕДИИ

События 19 ноября 1921 года еще более углубили раскол
парканского общества на «своих» и «чужих», послужили по-
водом для безудержной вакханалии, устроенной местными ор-
ганами власти против зажиточного парканского крестьянства.
Последующие недели и месяцы показали, что главной целью
массовых репрессий был передел собственности. Руководство
парканского комнезама при попустительстве уездных властей
воспользовалось сложившейся ситуацией для беспрецедентного
наступления на зажиточное парканское большинство.

По решению уездного исполкома и «чрезвычайной тройки»
была создана комиссия по конфискации имущества наиболее
«активных участников восстания». В составленный «тройкой»
список вошло восемь человек; два терновских крестьянина
и шесть парканцев:

Спасов Степан Борисович,
Дымова Анна Петровна,
Станилевич Дмитрий Афанасьевич,
Салабаш Андрей Константинович,
Стоянов Дмитрий Николаевич,

Дизов Петр Константинович.

Однако на деле конфискации подверглось более ста семей.
Парканским комнезамом были составлены свои списки, не за-
веренные уездом и причем не постоянные, в них были пере-
черквания и никем не оговоренные добавления¹⁸. Уездными
волостными органами власти была придумана всеобъемлю-
щая формулировка, согласно которой конфискации мог быть
подвергнут практически любой неугодный парканец: «Лица,
принимавшие как активное, так и пассивное участие в паркан-
ском восстании»¹⁹.

Методы конфискации не отличались разнообразием. Как

правило, глава семьи, во избежание эксцессов, по подозрению
в участии в восстании подвергался кратковременному аресту.
Через несколько дней его выпускали без предъявления каких-
либо обвинений. Но, возвратившись домой и облегченно пере-
ведя дух («пронесло!»), потерпевший вдруг обнаруживал, что
имущество его конфисковано. Приведу лишь несколько при-
меров. После шестидневного пребывания в ЧК шестидесяти-
летний Я. Д. Дымов был отпущен домой без предъявления
обвинения. Несмотря на это, все его имущество было кон-
фисковано. Изымалось буквально все. Вернувшийся домой после
ареста Павел Григорьевич Карназ увидел лишь голые стены
и плачущую жену Софью Николаевну. В сельсовете его озна-
комили с постановлением объединенного заседания парткома,
ревкома и КНС от 9 декабря 1921 года и актом о конфискации
имущества.

«...На основании постановления конфисковано:

1. 5 возов тычек	15. 1 стол
2. 1 воз глуждан (сухие стеб- ли кукурузы — Г. А.)	16. 1 шкаф
3. 5 возов фуражка, смесь по- ловы и сена	17. 1 стенные часы
4. 1 лошадь вороная	18. 1 кружка медная
5. 1 сундук	19. 1 маслобойка
6. 1 моток шерсти	20. 3 стула
7. 3 половника	21. 1 лом
8. Около 3 фунтов ваты	22. 2 молотка
9. 1 ковер	23. 2 маленьких бочонка
10. 1 кадрелька	24. 1 кадушка маленькая
11. 1 занавеска кружевная	25. 1 кадушка большая
12. 2 наволочки	26. 1 плуг без колес
13. 1 килим (ковер — Г. А.)	27. 1 борона
14. 1 зеркало	28. 1 повозка
	29. 1 казан
	30. 1 лампа без стекла.

Все указанные вещи изъяты и переданы на волостной склад»²⁰.

Особенно тяжелым испытаниям подверглись семьи расстре-
ленных и осужденных за участие в восстании парканцев.
Их имущество конфисковывалось, семьи выбрасывались на ули-
цу независимо от того, кто перед карателями: старики или
беззащитные женщины и дети. У 80-летнего С. И. Пельтека,
потерявшего во время кровавых событий сына и внука, было
конфисковано шесть десятин сада, оставлен только дом, где
он прожил всю свою долгую жизнь, но затем его выгнали
и оттуда. В. Ф. Стоянова, вдова, мать трех детей, на одном

из допросов показала: «В выселении моем принимали участие члены КНС Н., П. и Д. (сокращения мои — Г. А.). Н. ударили меня два раза прикладом, что вызвало у меня преждевременные роды. После выселения П. встречал меня, предлагал отиться ему, обещая за это свое содействие по возвращению мне моего имущества»²¹. Я. Г. Стоянов, П. И. Карназ, Е. Н. Узун, И. И. Кирова, К. Ф. Кирров и другие парканцы не раз ходили в сельсовет, ставили дома «хорошие магарычи», чтобы получить обратно хоть часть своего имущества.

получить обратно хоть часть своего имущества.

Подобного рода шантаж, вымогательство, пьяный разгул стали нормой в поведении руководителей местной власти в Парканах в отношении пострадавших семей. Председатели волостного (затем сельского) исполнкома и сельского КНС менялись по несколько раз в год, поэтому найти виновных в казнокрадстве и других злоупотреблениях было очень сложно. Да и уездные власти, похоже, закрывали глаза на эти «шалости».

Все эти «правосудийные тройки», конфиско-

Согласно постановлению «чрезвычайной тройки», конфискованная у участников восстания земля и их сельхозинвентарь передавались в фонд комнезама, прочее имущество делилось между КНС и уездной ЧК. По существу это был бесконтрольный грабеж. Участвовавший в 1922 году в расследовании секретарь выездной сессии Одесского губернского трибунала Н. Е. Слюнов установил, что «стоящими у власти лицами произведены злоупотребления, как то: золото и серебро, отобранные у крестьян, бесследно исчезли; живой и мертвый инвентарь по многим видам не имел оправдательных расходных документов»²².

ментов»²². Заседавшее 21 декабря 1921 года уездное военное совещание подвело итоги месячной работы в Парканах комиссии по конфискации имущества. Награбленного было так много, что в Тирасполе сетовали на острую нехватку средств перевозки. Кроме того, военное совещание предложило уездной ЧК «понудить органы милиции о немедленном приведении в исполнение постановления карательных органов относительно выселения всего бандитского элемента»²³. Была создана специальная комиссия по выселению во главе с А. Н. Гордиенко. Согласно составленным спискам выселению подлежало более семидесяти семей.

«ДЕЛО О ВЫСЕЛЕНИИ»

Между тем приговоренные к выселению парканцы не хотели выглядеть покорными овечками и ждать своей печальной участи. Процесс отправки из села семей «активных участников банды»

неожиданно затянулся в связи с тем, что документы о выселении застряли на утверждении в Одессе. Пострадавшие парканцы воспользовались заминкой, чтобы бороться за свои права всеми возможными легальными путями. В Одессу и Тирасполь посыпались жалобы на произвол местных властей. В приемных председателей уездного и губернского исполнкомов терпеливо ждали своей очереди парканские ходоки. Уже в декабре 1921 года сорокалетний И. И. Карнис был послан парканцами в Одессу. Но его первая поездка оказалась весьма неудачной. В Одессе пообещали разобраться, но когда он вернулся домой, тираспольские власти выслали парканского ходока за пределы уезда, в Елизаветград (ныне Кировоград).

и уезда, в Елизаветград (ныне Кировоград).
И все же неоднократные письменные и устные жалобы исстрадавшихся крестьян возымели действие. В мае 1922 года председатель губисполкома Аверин направил свою грозную резолюцию в Тирасполь о «немедленном восстановлении в правах всех граждан с. Парканы, у которых изъято имущество в связи с налетом банды, кроме лиц, означенных в списке опертрайки»²⁴. 8 июня Тираспольский уездный исполнком, опираясь на указания из Одессы, отправил Парканскому волземотделу распоряжение о возвращении имущества парканским гражданам и недопустимости огульного расширения списка «чрезвычайной тройки».

Однако парканскому комнезаму и волицполку уже некуда было отступать. Имущество многих семей было разграблено, и приступить к его возврату означало бы разоблачить свои незаконные действия. Волземотдел проигнорировал указания начальства. Беспрецедентное противостояние комнезама и пострадавших парканцев продолжалось около трех лет.

После очередных жалоб крестьян предгубисполкома Аверин еще дважды направлял грозные резолюции в адрес Тирасполя и Паркан, а в середине августа по его распоряжению в село прибыл председатель губернского ревтрибунала Колесниченко. Разобравшись на месте, он предписал вернуть жалобщикам имущество, но и это категорическое распоряжение исполнено не было²⁵.

А время неумолимо шло. Пострадавшие семьи настойчиво добивались своего. 23 января 1923 года на имя председателя исполнкома Одесского округа поступило коллективное заявление от группы граждан села Парканы: Ильи Радулова, Екатерины Мищенко, Ивана Карниза, Петра Железкова, Тимофея Станилевича, Дмитрия Обручкова, Андрея Доброда, Михаила Дымова, Екатерины Дымовой, Степана Сталева, Дмитрия Хаджи, Александры Дымовой, Тимофея Доброда. Они обвиняли пар-

канский КНС в невыполнении распоряжений вышестоящих органов о возврате земли и имущества ста парканским семействам. Парканцы верно уловили тенденцию Советской власти на укрепление крестьянских хозяйств, отразившуюся в новой экономической политике. Поэтому в заявлении крестьяне сделали акцент на то, что «действия комнезаможей ... являются вредными для строительства Украинской республики, как противоречащие духу и цели законоположения Пятого Всеукраинского съезда Советов»²⁶. Жалобщики настаивали на немедленном удовлетворении своего ходатайства, для того чтобы уже весной засеять свои поля, начать работу в садах, виноградниках и огородах.

18 мая в Парканах начала работу конфликтная комиссия, куда вошли представители окружного исполнкома, окружного отдела ГПУ (Главного политического управления — наследника ВЧК), Тираспольского райисполкома и райкома партии, представителей парканского сельсовета и комнезама. Жалобников представлял всего один человек — Т. П. Добров. Комиссия работала явно предвзято. Гости из Одессы, поселенные недалеко от сельсовета у крестьянина Г. П. Чмиля, увлеклись дегустацией парканского вина и приемом подарков от руководителей комнезама и сельсовета²⁷. В итоге на заключительном заседании 23 мая комиссия подтвердила решения комнезама по конфискации за исключением нескольких человек. Опираясь на последнее решение конфликтной комиссии, сельсовет и КНС не только не вернули имущество большинству жалобников, но и продолжили конфискацию земли и сельхозинвентаря даже у тех парканцев, которых ранее не было в списках.

Решение последней комиссии только обострило ситуацию в селе. Стычки между двумя конфликтующими сторонами случались все чаще. Был избит член КНС Т. Гайдаржи. Несколько дней, боясь расправы за свои резкие высказывания в адрес сельсовета и комнезама, прятался в своем сарае от председателя парканского КНС 58-летний Константин Макарович Погорельский²⁸. Приговоренные к конфискации крестьяне как могли держались за свою землю. Одни носили «магарычи» сельским руководителям, другие по-хорошему пытались договориться с новыми хозяевами, беря свои же наделы у них в аренду. Шестидесятилетний Д. П. Дизов каждое утро являлся в свой сад с ломом в руках и никого не пускал²⁹.

Кто кого? Противостояние сторон продолжалось. Несколько раз местные власти силой выселяли крестьян из домов, даже вывозили за пределы уезда, но после вмешательства одесских руководителей пострадавшие снова возвращались в село.

«ОТЧАЯНИЮ НЕТ ПРЕДЕЛА...»

В июне 1924 года исстрадавшиеся парканцы возбудили дело в окружной судебной земельной комиссии, которая в сентябре того же года организовала выездную сессию в Паркахах. Но и эта комиссия работала недобросовестно. В течение двух дней она умудрилась рассмотреть более пятидесяти дел. В итоге лишь несколько человек получили обратно свои дома. Сорок три парканца подали кассационную жалобу, но дело в связи с образованием Молдавской АССР затянулось. Нанятый парканцами поверенный в их делах адвокат Н. А. Иванов выехал в г. Балту, первую столицу автономной республики, но, видя в действиях государственных чиновников умышленную волокиту, посоветовал крестьянам обратиться в вышестоящие инстанции.

В начале 1925 года борьба за передел собственности в Парканах вспыхнула с новой силой в связи с предстоящим весной новым землеустройством. Каждая из сторон хотела как можно лучше подготовиться к этому важному для села событию. Комитет стремился выслать приговоренных к конфискации парканцев из села и лишить тем самым их участия в распределении земли.

Пострадавшая сторона торопилась восстановить свои права, чтобы на равных участвовать в землеустройстве.

В конце февраля состоялось закрытое заседание членов паркаинского комнезама, где обсуждался вопрос о положении с конфискованным имуществом. Заседание было настолько «закрытым», что члены комнезама не разрешили присутствовать на нем даже кандидату в члены большевистской партии В. И. Николаеву: «Как неблагонадежному лицу она (организация — Г. А.) ему не доверяет секреты местного КНС»³⁰.

Подозрения членов комнезама были не напрасны. У Василия Ивановича Николаева была своя точка зрения на старую проблему. Одним из первых он раз от разу на собраниях различного уровня возвращался к незаживающей парканской ране — кровавым событиям 19 ноября. И в данном случае он поступил вразрез с мнением партийного большинства, приняв сторону жалобщиков.

На другой день после закрытого заседания комитета около двенадцати часов ночи в доме Ф. И. Кирова состоялось тайное собрание пострадавших от конфискации крестьян, на котором присутствовало более двадцати человек, в том числе и В. И. Николаев. Собравшиеся обсудили план своих действий, избрали двух уполномоченных: Дмитрия Петровича Дизова для по-

ездки в Харьков (в то время — столица Украинской ССР) и Якова Дмитриевича Дымова, который должен был защищать права жалобщиков в самих Парканах. Два шестидесятилетних парканца при поддержке земляков решили во что бы то ни стало добиться справедливости.

От имени сорока трех семей, чье имущество было конфисковано, Д. П. Дизов перед своим отъездом в Харьков отправил телеграмму Председателю ЦИК Украины Г. И. Петровскому: «Парканы. Лично просим разобраться незаконной конфискации имущества. Подходит весна, многие голодают. Просим срочного распоряжения дел. Уведомьте Тирасполь. До вос- требования Дизов»³¹.

Не дождавшись ответа, Д. П. Дизов отправился в Харьков. Он получил от группы в составе сорока трех человек письменное заявление и деньги на расходы. Затянувшийся имущественный конфликт все более приобретал политическую окраску. Парканцы решили требовать не только возвращения своего имущества, но и объективного расследования событий «черной имущественности», не связанных с предыдущими жалобами и обращениями в вышестоящие инстанции. Новое заявление парканцев в корне отличалось от субботы». Новое заявление парканцев в корне отличалось от всех предыдущих жалоб и обращений в вышестоящие инстанции. «Группа сорока трех» обвинила членов президиума парканско-КНС в «участии в вооруженном восстании против Советской власти». Парканские крестьяне по-своему расценили случайности с назначением на 19 ноября 1921 года учебных стрельб, беспрепятственное прибытие в Парканы отряда Пустельб, Александра Михайловна Дымова, тридцать лет, вдова, трое детей и престарелый больной свекор.

Узнав о поездке Д. П. Дизова в Харьков, президиум Парканско-КНС тотчас принял ответные меры. Он подал исковое заявление в районный суд на жалобщиков о неуплате ими... квартирной платы с 1921 года на том основании, что их собственные дома были конфискованы, и они якобы «незаконно» пользовались ими в течение трех лет. На удивление быстро Тираспольский районный суд вынес решение о выселении с 10 марта всей тех же сорока трех семей из домов.

Передо мной повестки в «камеру народного суда в качестве ответчиков о взыскании квартирной платы» на 13 марта 1925 года. Кто же эти «злостные неплательщики», «заклятые враги Советской власти»?

Мария Андреевна Чмиль, сорок пять лет. На ее вдовьих плечах осталось шесть детей и свекровь девяноста лет.

Александра Михайловна Дымова, тридцать лет, вдова, трое детей и престарелый больной свекор.

Екатерина Яковлевна Мищенко, тридцать пять лет, вдова, мать троих детей.

Ефросинья Васильевна Доброва, тридцать семь лет, вдова, мать четырех детей.

Семен Иванович Пельтек, восемьдесят лет.

И другие столь же «заклятые враги».

Несколько дней просидел в приемной ВУЦИК в Харькове Д. П. Дизов, но так и не дождался Г. И. Петровского. Оставив в секретариате заявление парканцев, вернулся домой. Внезапное изменение обстоятельств в связи с выселением заставило его снова заторопиться в дорогу. В повторном заявлении от имени парканцев Д. П. Дизов просил ВУЦИК немедленно приостановить действие двух исполнительных судебных листов: о выселении и выплате непомерной квартирной платы. И снова томительное и безрезультатное ожидание в приемной Г. И. Петровского. Заведующий приемной Председателя ВУЦИК принял от Д. П. Дизова прошение и посоветовал ему поехать домой, заверив, что передаст жалобу парканцев прокуратуре УССР. По возвращении парканский делегат был арестован за самовольную поездку в Харьков, но вскоре отпущен.

Между тем районные судебные органы выдвинули сорока троим парканским семьям ультиматум: к 9 мая освободить дома. В третий раз неугомонный Д. П. Дизов отправился в Харьков с твердым намерением теперь уж добиться своего. Вновь не

«Председателю ВУЦИК тов. Петровскому
граждан села Парканы
Одесской губернии
Тираспольского района

Заявление

В последний раз мы обращаемся к Вам, тов. Петровский, с просьбой, ибо материальные средства совершенно истощены. ПОМОГИТЕ (так выделено в тексте — Г. А.) раскрыть истину 1921 года в с. Парканы, когда многие из наших родственников погибли безвинно, а мы, женщины с малолетними детьми умираем с голоду и лишений, чинимых над нами до настоящего времени. Вопль отчаяния заставляет нас сказать, что многие из нас страдают благодаря представителям власти, которые имеют громадное темное прошлое... Отчаянию нет предела,

застав Г. И. Петровского, он обратился за срочной помощью в Особую коллегию Верховного суда УССР. Ее председатель Винников подписал телеграмму в прокуратуру Молдавской АССР о немедленном приостановлении выселения в с. Парканы и водворении уже выселенных семей. О решении Особой коллегии Д. П. Дизов немедленно сообщил в Парканы Я. Д. Дымову. Последний отправился с полученной телеграммой в Парканский сельсовет и Тираспольский исполнком, но местные власти были непреклонны и предупредили жалобщиков, что если дома не будут освобождены, то «будут приняты приудильные меры». 10 мая в Парканах состоялся общий сход села. Судьба односельчан беспокоила большинство парканцев. На сходе Я. Д. Дымов заявил, что на руках у председателя сельсовета должно быть распоряжение из Харькова, и он умышленно его скрывает. Недовольство парканцев еще больше усилилось, когда они узнали о приезде в село судебного исполнителя Липовода с нарядом милиции. Село гудело. В любую минуту могли вспыхнуть беспорядки.

Однако в самый напряженный момент в село вернулся Д. П. Дизов с постановлением Верховного суда УССР на руках и утром 11 мая вручил его судебному исполнителю. Липоводу ничего не оставалось делать, как приостановить выселение.

Назревал грандиозный скандал. Признать преступные ошибки парканского комнезама, волисполкома (затем сельсовета) и тираспольских руководителей означало бы возложить на них ответственность за десятки искаженных судеб. В этом не были заинтересованы ни Председатель ЦИК МАССР Г. И. Старый, ни народный комиссар юстиции автономной республики Фролов, возглавлявшие в 1921 году уездные органы власти.

Общий сход села большинством голосов однозначно высказался в поддержку сорока трех мучеников. Против проголосовали лишь немногие новые владельцы конфискованных садов. Решительность парканцев и их твердое намерение стоять до конца в деле защиты своих односельчан не на шутку встревожили руководство МАССР. В тот же день в Парканы прибыл секретарь Молдавского обкома КП(б)У Бадеев. Он пообещал парканцам обстоятельно разобраться и убедил их разойтись. На деле же, срочно собрав в Тирасполе политработников ГПУ, Бадеев заявил, что считает большой ошибкой затяжку дела о выселении кулацких семей и что сейчас «нужен чрезвычайный подход к этому делу»³³.

Началось следствие, возбужденное «группой сорока трех»

против парканских руководителей комнезама и сельсовета. В течение лета следователи вызывали десятки свидетелей и пострадавших. Парканцы подробно излагали события кошмарного дня 19 ноября, сетовали на самоуправство комнезама, надеясь в итоге получить ответы на мучившие их вопросы, а главное — надеялись, что будет положен конец преследованиям. Дело «О злоупотреблениях президиума Парканского КНС» было передано из Харькова в судебные органы Молдавской автономии, что практически предрешило исход дела. 9 октября комиссия Главсуда МАССР постановила «настоящее дело за недостаточностью улик ... прекратить»³⁴.

Парканцы проиграли дело. Но добились главного. Перенеся акцент на злоупотребления местных органов власти, они на какое-то время отвлекли их от репрессий против крестьян. А главное, преследовавшие семью были допущены к новому землеустройству.

«РАСКУЛАЧИВАНИЕ»

Парканские крестьяне наивно полагали, что во всех их бедах виноваты прежде всего местные власти. Между тем требования «решительной борьбы с кулачеством», разоблачения все новых и новых «врагов Советской власти» исходили из центра. Лицемерная практика сваливания на плечи местных руководителей «перегибов» в политике партии и массовых репрессий против крестьянства особенно проявила себя в период сплошной коллективизации и так называемой «ликвидации кулачества как класса».

Хочу напомнить, что репрессии против широких слоев крестьянства начались уже с первых дней Советской власти. Наиболее зажиточные крестьяне были поставлены на учет, и каждый новый приход продотряда в село означал новые аресты и раскулачивания. Началось преследование и истребление самых трудолюбивых и инициативных крестьян. Язык не поворачивается назвать парканских мужиков «кулаками и миоредами». Наемный труд использовали единицы, и то в разгар сезона, за хорошую плату, к радости немногочисленных парканских батраков. Работали все вместе, обедали за одним столом.

Одними из первых подверглись раскулачиванию хозяева мельниц и маслобоек, крупные (по парканским масштабам) владельцы земельных наделов: И. Н. Карназ, Н. А. Стоянов, И. В. Карназ, С. П. Обручков, хозяин паровой мельницы Ф. Н.

Матвеенко. Трагична и во многом типична судьба Федора Николаевича Матвеенко, незаурядного человека, появившегося в Парканах незадолго до начала первой мировой войны. Работал он железнодорожником, жил бедно. Но в одночасье его судьба круто изменилась после женитьбы на богатой поповской дочке М. И. Скаржевской. Ф. Н. Матвеенко обосновался в Парканах, построил паровую мельницу. Еще одну имел в Фарладанах, но лишился ее после оккупации румынскими войсками Бессарабии. Парканская паровая мельница славилась всю округу высоким качеством помола и честным спрашивающим мельником. Ф. Н. Матвеенко подал многим парканцам пример новых форм хозяйствования. Для купленных в Терциам новке садов (7200 кв. саженей) он приобрел из питомника Фишера в Тирасполе лучшие сорта фруктовых деревьев, устроил там пасеку на 500 ульев.

С приходом Советской власти Ф. Н. Матвеенко неоднократно подвергался арестам за открытое недовольство местными руководителями. 28 января 1921 года по приказу № 3 парканско-волревкома он очередной раз был арестован «за дискредитацию советских служащих на полном сходе комнезаможников (дал возглас «налетчики») и отправлен в особый отдел для предания суду»³⁵, а в апреле того же года мельница Ф. Н. Матвеенко была конфискована и представлена к национализации³⁶.

Количество раскулаченных увеличивалось во время так называемых «походов на кулака» и «нажима на кулака». Очень трудно установить точное число пострадавших в 1920—1921 годах, так как документы Парканско-КНС и волревкома были сожжены во время восстания 19 ноября. Изредка в документах попадаются сообщения с мест. К примеру, 15 мая 1921 года волревком докладывал в Тирасполь о конфискации последних две недели у кулаков шестидесяти двух десятин земли и двух домов «для детских очагов и общественных надобностей»³⁷.

Афанасий Добров арендовал 100 десятин терновской земли, держал отару в 300 овец. Ревком несколько раз проводил частичные конфискации, а затем полностью конфисковал имущество парканско-крестьянина. В 1923 году лишились своих терновских садов в пользу местного комнезама Ф. Матвеенко и В. Николаев³⁸.

В предыдущих очерках уже упоминалось о применявшейся системе заложничества и принудительной гужевой повинности, от которых пострадали десятки крестьян. С новым всплеском

репрессий после подавления восстания крестьян мы только что познакомились.

После краткого периода НЭПа поднялась новая волна наступления на крестьянство. Сплошная коллективизация на селе по замыслу партийных органов должна была проходить одновременно с «ликвидацией кулачества как класса». 25 января 1930 года Молдавский обком партии и ЦИК МАССР разослали во все райкомы и райисполкомы секретные директивы: «Ликвидация кулачества как класса уже сейчас должна будет проводиться практически в период весенней посевной кампании... Немедленно в секретном порядке приступите к составлению списков махровых кулаков и отдельных списков на остальные кулацкие элементы. Срок исполнения указанной работы — 10 февраля»³⁹.

31 января в Тирасполе было проведено инструктивное совещание с секретарями райкомов партии и председателями райисполкомов, на котором до них довели требования ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У по коллективизации и рекомендации проводить раскулачивание «лишь там, где достигнуто 50 процентов колхозификации посевплощади». Согласно директиве ЦК партии кулачество подразделялось на три группы. В первую входили «кулаки, активно участвовавшие в контрреволюционной борьбе». Они подлежали суду, конфискации имущества, семьи их высыпались из села. Во вторую группу входили крупные крестьянские хозяйства, систематически использующие наемный труд. Они подлежали высылке в отдаленные районы страны с конфискацией средств производства. Третья группа малоимущих хозяйств высыпалась в пределы МАССР. Абсолютное большинство раскулачиваемых парканцев было отнесено к первой группе.

Однако подавляющая часть парканских хозяйств не подходила под классическое определение кулацких. Еще 21 мая 1929 года в преддверии сплошной коллективизации СНК СССР определил основные признаки кулацких хозяйств: систематическое применение наемного труда, наличие мельницы, маслобойки, крупорушки, систематическая сдача внаем сложных сельхозмашин, наличие нетрудовых доходов и другие⁴⁰. Обрабатывали парканцы свои наделы самостоятельно, самим же стремились реализовать свою продукцию в Тирасполе и в Одессе. Наиболее зажиточные крестьяне были раскулачены уже в 1920—1924 годах, что привело к еще большему осерединению парканских хозяйств. Восстановивший свою полуразрушенную мельницу Ф. Н. Матвеенко в 1929 году снова был

раскулачен. Мельнице сельсовет продал с аукциона колхозу им. Котовского за 101 рубль.

Раскулачивание все больше становилось инструментом за-пугивания и принуждения остальных крестьянских хозяйств к вступлению в колхозы. Чаще всего парканским раскулаченным, относимым к первой группе, инкриминировалось «активное участие в восстании 1921 года».

Широко применялся также такой рычаг принуждения, как индивидуальное налогообложение. Оно все больше и больше превращалось в специфическую форму давления на тех крестьян, которые упорно не хотели вступать в колхозы. Неподъемные налоги вызвали резкий протест многих парканцев, что явилось поводом для репрессий против них.

11 февраля 1930 года состоявшееся в Парках закрытое партийное собрание постановило:

«I. Выявить несколько кулацких хозяйств, которые злостно уклоняются от уплаты госналога, собрать соответствующий материал на предмет конфискации их имущества. Создать бригады для выкачки всех видов задолженности.

II. Следующих лиц:

- 1. Доброда Ефросинья Васильевна,
- 2. Стоянов Иван Николаевич,
- 3. Доброда Афанасий Андреевич,
- 4. Неделков Иван Павлович,
- 5. Карназ Николай Федорович,
- 6. Братоев Михаил Николаевич,
- 7. Обручков Трифон Константинович,
- 8. Карназ Петр Иванович,
- 9. Карназ Иван Иванович,
- 10. Радулов Григорий Васильевич I,
- 11. Стоянов Спиридон Григорьевич,
- 12. Узун Григорий Семенович,
- 13. Доброда Самуил Андреевич,
- 14. Доброда Анна Григорьевна,
- 15. Владов Иван Кириллович,
- 16. Дымов Степан Дмитриевич,
- 17. Киров Федор Иванович,
- 18. Хаджи Иван Григорьевич,
- 19. Карназ Павел Иванович,

поставить перед сельскими организациями на предмет их ликвидации как класса и выселении их из села как вредного элемента, ведущих разлагательную работу среди населения в области коллективизации и взимания всех видов налога»⁴¹:

После нескольких лет затишья по Паркам снова про-

неслись стон и плач женщин и детей, возмущенные возгласы мужчин, хватавшихся за вилы и топоры для защиты своего имущества. На том же партийном собрании коммунисты решили «в связи с проводимыми кампаниями и попытками покушения кулачества на партийцев ходатайствовать перед райпаркомом, а также органами ГПУ о приобретении оружия». Первая большая партия раскулаченных парканцев отправилась в неведомые российские просторы.

Непосильный сельхозналог взимался с единоличников под угрозой применения оружия. Как и в годы продразвертки, в село направлялись воинские подразделения. В мае в Парках в целях более успешного изъятия налога была создана «ударная бригада с привлечением легкой кавалерии»:

Опасаясь репрессий, многие крестьяне «самораскулачились»: продавали скот, инвентарь и уезжали в город. Более двадцати парканцев устроились работать в Тирасполь на консервный и лесотарный заводы, оставив за собой в селе только дом с приусадебным участком. Семьи Г. И. Доброда, А. П. Доброда, Ф. Стоянова и некоторые другие, распродав имущество, уехали в Ленинград, Одессу, а затем, дождавшись лучших времен, в 1937—1938 гг. вернулись домой.

В период сплошной коллективизации парканцам пришлось пережить четыре кампании раскулачивания. Трудно судить об количестве репрессированных крестьян. Далеко не всегда в архивах хранятся подобные сведения. Раскулачивались крестьяне, как правило, не по постановлению суда, а решением сельсовета и партийной организации. Архивные материалы парканского сельсовета до 1941 года не сохранились. Обычно партийно-советский актив приходил во двор к своей жертве, предъявляя клочок бумаги с решением сельсовета, и семья выселялась из Паркан. Именно тогда родилась мрачная шутка одного из местных руководителей: «Ща пратам да пасеш бялити-мечки» («Отправлю пасти белых медведей»).

По моим, далеко не полным, подсчетам, с конца 1929 по 1934 год было выслано не менее двухсот парканских семей. Первая партия раскулаченных парканцев была отправлена в не-приветливую и холодную Сибирь — в Красноярский край, Томскую область. Сначала на лесоповалы были отправлены главы семейств. Многие из них так больше и не увидели своих жен и детей. Следом грузились семьи. Много недель в товарных вагонах, а затем в крестьянских санях все дальше и дальше в тайгу добирались парканцы до намеченного места поезд-элебные окрики конвоиров.

На одном из этапов конвойный в гневе вырвал у М. Д. Узун

плачущего одномесячного ребенка и выбросил в снег, отогнал мать прикладом. Евдокия Ивановна Узун (по мужу Березикова) родилась дважды. Нашлись сердобольные люди, подобрали кричащий сверток и вернули на привале ребенка оцепневшей от ужаса матери. Впоследствии Е. И. Узун горько шутила, что ее, в отличие от других детей, нашли не в капусте, а в снегу.

пусте, а в снегу.

Наиболее многочисленной была вторая партия раскулаченных 1931 года, высланная на Урал — в Пермскую область, в основном в Добринский район. Далекие, затерянные в уральских лесах деревни и поселки Голубятине, Таборское, Верхний Исток и другие неприветливо встречали измученных крестьян с загорелыми лицами. Многие парканцы пытались кое-как обустроиться на новом месте, но и там им не было покоя. Большинство мужчин были брошены на лесоповалы, женщины с малолетними детьми взваливали на себя заботу о хлебе насущном.

В 1934 году единоличники были поставлены в невероятно тяжелые, практически невыполнимые условия уплаты сельхозналога. Отказавшиеся от уплаты сурохо наказывались. Кирилл Васильевич Вербанов, инвалид первой мировой войны, переболевший тифом в тяжелой форме, за неуплату 140 рублей госналога был отправлен на вольное поселение. Из-за своих болезней нигде не мог устроиться на работу. Через три месяца бежал домой. За побег был осужден на три года. В ответ на кассационную жалобу суд постановил: «Болезнь не смягчает вину, приговор оставить в силе»⁴².

Неуплате налога карательными органами придавался, как правило, политический оттенок. 14 сентября в Тирасполь поступило распоряжение Наркомюста и Генерального прокурора УССР:

«Приказываю:

«Приказываю:
1. Единоличников, которые злостно уклоняются от сдачи зерна государству, привлечь к уголовной ответственности по ст. 58 п. 1 УК УССР (то есть «за измену Родине» — Г. А.), не ожидая предварительного применения к ним мер административного характера»⁴³.

Согласно этому постановлению из Паркан в Карелию как государственные преступники были отправлены семь крестьян, а следом за ними и их семьи.

а следом за ними и их семьи. Когда вспыхнула новая волна репрессий 1937—1938 гг., раскулаченные были в числе первых потенциальных «врагов народа». 5 ноября 1937 года по приговору опертрайки Свердловской области был расстрелян Владимир Андреевич Станов. При-

выкший с малых лет к труду, Михаил Николаевич Братоев и в Сибири не пал духом. Работал на лесозаводе под Красноярском, стал стахановцем. О нем не раз писали в местной многостражке, награждали грамотами и ценностями подарками. Но и он в 1938 году был осужден как «враг народа» на десять лет без права переписки. Умер в тюрьме. Место и время смерти так и не установлены.

Десятки парканцев канули в небытие, умирая не столько от тяжелейшего физического труда, к которому они привыкли, сколько от унижений и невыносимой тоски по родным местам и по своим близким. Ослабевший Н. Н. Обручков уже был не в состоянии выходить вместе со всеми на работы по строительству Беломорканала. Замерзшая на холодном зимнем ветру бригада оставляла старика в бараке поддерживать в буржуике огонь. В один из вечеров, придя со стройки, рабочие застали неподвижно сидящего умершего парканца, прислонившегося к столбу перед печкой. Угасла на неприветливой чужбине жизнь еще одного потомка болгарских колонистов.

А жизнь шла своим чередом. Многие молодые парканцы, осмотревшись, через год-два, а то и раньше стали убегать с мест высылки и возвращаться домой. Неизвестно, кто первым рискнул отправиться в столь опасное путешествие. Но вскоре число беглецов стало увеличиваться. «В письмах из Паркан мы узнали, что многие уже вернулись,— вспоминает Д. Н. Хаджи.— Тогда отец дал мне три рубля, ведро картошки и сказал: «Поезжай». Приехал я в Парканы, сначала прятался по родственникам. Потом, смотрю, многие молодые вернулись, стали работать в колхозе. Пошел и я в сельсовет. Обратно на Урал не отправили, только предупредили, чтобы я постоянно отмечался в сельсовете и на заставе как неблагонадежный».

Отсидев по пять лет в житомирской тюрьме, раскулаченные Сергей Обручков и Федор Узун долгое время не могли вернуться домой. Брали на станции от состава к составу, ио их, бывших заключенных, да еще без денег, никто не хотел брать. Совершенно случайно голодных и измученных земляков встретил в Житомире Федор Стоянов. Пожалел, привез с собой в Парканы.

По-разному сложилась судьба раскулаченных парканцев. Кто-то вернулся еще до войны, кто-то во время немецко-румынской оккупации. Большая часть — в 1947 году. Опасаясь новых репрессий, некоторые поселились рядом с селом, в Тирасполе и в Бендерах. Местные власти с опаской смотрели на возвращенцев. При устройстве на работу не забывали на-

помнить о судимости. Часть парканцев еще долгие годы оставалась в местах ссылки. Заводили семьи, пускали новые корни. По двадцать пять лет отработали в шахтах Кузбасса Василий Дмитриевич и Григорий Михайлович Братоевы. Г. М. Братоев вернулся в Парканы в 1963 году. Его двоюродный брат — вернулся в Парканы в 1968 г. Немало наших земляков так и не вернулись домой по различным причинам.

Упорное сопротивление единоличников колLECTIVизации достигло своего апогея в 1934 году. Неоднократно на районных совещаниях сообщалось о «засоренности Паркан классово-чуждыми элементами» и об «антигосударственных тенденциях» в селе. Именно в этом году в Парканах произошел ряд событий, которые в конце концов сломили сопротивление единоличников.

«ЗЕМЕЛЬНОЕ ДЕЛО»

Одной из главных причин, по мнению районных властей, неблагополучного положения в Парканах была «засоренность сельского Совета». Действительно, из 64 депутатов 32 составляли единоличники. Видимо, благодаря этому раскулачивание в Парканах не достигло еще больших размеров. Под влиянием единоличников оказалась земельная секция. Именно ее работа стала объектом пристального внимания райкома партии. В мае по настоянию партийного актива села началась нарезка земли из пятого интенсивного клина. По указанию райкома партии колхозам должны были отводиться единые массивы. Однако в ходе земельных работ оказалось, что колхозам не хватает участков сорока гектаров земли, причем отводимые колхозам участки склонивались в земли единоличников, что создало чересчур опасную ситуацию. Тираспольский райком партии расценил этот факт как «явное вредительство»⁴⁴. Делом землеустройской секции занялась прокуратура. Счетовод сельского Совета и уполномоченный земсекции Сербов был осужден на пять лет. Начальник сельского Совета. По явно надуманным обвинениям были осуждены люди, которым ставились в вину не только уголовные преступления, сколько их социальное происхождение:

С. Ф. Сталев — «мерщик, зажиточный середняк».
И. А. М. (сокращение по желанию родственников) — «бывший церковный староста и председатель земсекции».
Н. А. Стоянов — «мерщик, исключенный из колхоза».
Д. Х. Погорельский — «председатель сельского суда, пособник участникам бандитского налета 1921 года»⁴⁵.

Решение суда тем более вызвало удивление парканцев, что о состоянии пятого интенсивного клина в Тирасполе давно было известно, но до поры до времени всех это устраивало. Некоторые районные работники имели там по одной десятине земли, пользуясь ею в качестве дачных участков. Когда же началось расследование, из города срочно уехали землеустроитель горземотдела Подковокин и инструктор райкома партии М. А. Ромашенко, бывший председатель парканской коммуны «Червена победа»⁴⁶.

«Земельное дело» в Парканах совпало по времени с очередной массовой «чисткой партии». Как правило, каждая чистка партийных рядов заканчивалась исключением из партии многих коммунистов и даже привлечением некоторых к суду. Итоговое собрание по чистке парканской партийной организации состоялось 7 сентября 1934 года. Тон всему собранию, в котором приняли участие коммунисты заставы, политотдела МТС, представители райкома партии, задало письмо заместителя начальника политотдела МТС, сотрудника политотдела Управления госбезопасности НКВД Романченко в адрес председателя районной комиссии по чистке партии Шевченко. Письмо под грифом «совершенно секретно» было озаглавлено «о злоупотреблениях по парканскому сельскому Совету». Главный удар партийного собрания был направлен на бывшего председателя сельского Совета Афанасия Михайловича Николаева, человека сложного и противоречивого. В 1921 году он вступил в комсомол, но в 1924-м был исключен за венчание в церкви. Когда началась коллективизация, выступая на партийных собраниях, он неоднократно подчеркивал, что «партия не принуждает вступать в колхозы»⁴⁷, а это дело добровольное.

В 1931 году А. М. Николаев работал председателем сельского Совета в Гребениках. После окончания Одесской совпартшколы вернулся в Парканы, возглавил коммуну «Червена победа». Видя ее неэффективность, он поставил вопрос о роспуске хозяйства и разделе земли и имущества между крестьянами. 1 сентября 1933 года был избран председателем парканского сельсовета, но уже весной 1934 года назначен на пост заместителя начальника горземотдела. А. М. Николаев не был чужд карьеризму, часто был груб с подчиненными. Однако в первую очередь он обвинялся в «политике насаждения единоличных хозяйств». На партийном собрании на А. М. Николаева обрушился шквал обвинений, тон которых задали выступления руководящих партполитработников.

«Николаев родом из поколения не нашего,— отметил в сво-

ем выступлении помощник начальника политотдела Тираспольского МТС Полищук.— Его дедушка был старостой села, а старостой выбирают не всяких»⁴⁸.

Политрук заставы Титов: «Николаев — рвач, шкурник, обманщик партии, вредитель колхозного строительства. Вон из партии. (Бурные аплодисменты)»⁴⁹.

Такими же аплодисментами заканчивалось каждое выступление против А. М. Николаева. Уверенный в себе и в поддержке высокопоставленных друзей из Тирасполя, на собрании он ввел себя вызывающе, своих ошибок не признавал. В выступлениях бывшего председателя сельсовета впервые обвинили в «проведении террористической работы». Через несколько лет этот вывод, возможно сделанный в пылу споров, будет стоить жизни сотням парканцев. Единогласно А. М. Николаев был исключен из партии, коммунисты ходатайствовали о предании его суду.

«Земельное дело» в Парках окончательно сломило сопротивление единоличников. В течение нескольких месяцев сотни семей поспешили вступить в колхозы, чтобы не попасть в тюрьмы и лагеря. Впрочем, тюремное заключение в 1934 году стало чуть ли не обыденным делом в селе. Причем не только единоличников, но и колхозников. В течение года более пятидесяти парканцев были осуждены на различные сроки за «непуплату налога», «хулиганство», «поджог», «сопротивление бригадиру», «невыход на работу», «взятки», «кражу колхозного имущества», «несдачу хлеба» и так далее⁵⁰. Абсолютное большинство судебных дел было составлено с нарушением элементарных норм юриспруденции. Главным обвинителем и одновременно единственным свидетелем порой являлся председатель сельсовета или председатель колхоза, секретарь парткома или колхозный активист.

«ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС»

Из всех судебных дел 1934 года одно занимало особое место. Раскулачивания, репрессии, голод 1933 года привели к общему неблагополучию в крае. Многие села, да и сам Тирасполь захлестнула волна насилия, массовых драк и грабежей. И в некогда спокойных Парках чуть ли не ежедневно случались пьяные драки, поножовщина, убийства. Причина была на поверхности. Десятки подростков и юношей, оставшихся без родителей после кровавых событий 1921 года, голода и эпидемий, стали потенциальными правонарушителями. Старо-

жилы вспоминают, что в те годы по вечерам все парканцы запирались по домам и опасались выйти на улицу.

28 августа 1934 года около семи часов вечера в центре села произошла массовая драка. В ход пошли ножи и насаженные на рукоятки армейские штыки. Пострадали и те, кто хотел разнять хулиганов. Серьезную рану ударом штыка в ногу получил бригадир колхоза «13 лет Октября» С. Д. Хаджи. Грузному и несколько неповоротливому участковому милиционеру Репецкому пришлось приложить немало усилий, чтобы разнять драчунов. Началось следствие. Неизвестно, как бы оно проходило и чем закончилось, если бы с первых же дней в парканские события не вмешался Молдавский обком партии. Массовым беспорядкам была дана политическая оценка в принятом 2 сентября постановлении обкома «О мероприятиях по борьбе с хулиганством». «Обком партии отмечает, — говорилось в постановлении, — что за последнее время со стороны классово-чуждых элементов участились случаи хулиганства и террористических актов. Особенно яркий факт вылазки классового врага имел место в последнее время в селе Парканы Тираспольского района, где сын кулака, расстрелянного в 1921 году, как участника восстания против Советской власти, тяжело ранил лучшего колхозного бригадира, активно выступавшего за исключение из колхоза кулаков и бандитов»⁵¹. Уголовное дело приобрело ярко выраженную политическую окраску. Обком постановил «предложить Прокуратуре МАСР и Главсуду виновных в террористическом акте, имевшем место в с. Парканы, судить выездной сессией Главсуда в показательном порядке».

Тираспольский райком партии, не задумываясь о необходимых сроках на судебное разбирательство, торопился как можно быстрее выполнить распоряжение обкома и постановил назначить дело к заслушиванию на 3 сентября 1934 года. Прокуратура в такие стремительные сроки не уложилась, но уже 16 сентября в Парках начался показательный суд. На скамье подсудимых оказались пять молодых парканцев. «Правосудие» носило избирательный характер. К суду были привлечены в первую очередь сыновья «белобандитов». В то же время многие активные участники драки вообще на суде не упоминались, заседания велись предвзято. В зал суда были приглашены лишь те свидетели, которых предложил прокурор. Вот одна из записей протокола суда: «Обвиняемый Стоянов просит вызвать свидетелей. Мнение прокурора: свидетелей не вызывать. Защита не возражает»⁵².

В обвинительном заключении происшедшая драка была охарактеризована как «разборка двух зарегистрированных шак

сторов-хулиганов, руководимых сыновьями белобандитов Стояновым и Дымовым. 19 сентября 1934 года в пять часов вечера был оглашен приговор. Д. И. Стоянов и М. П. Дымов были осуждены на десять лет каждый, Н. В. Жеков — на восемь лет дальних лагерей⁵³. Остальные участники драки отделались легким испугом.

«ВРАГИ НАРОДА»

Репрессии приобретали все более массовый характер. Многие рядовые коммунисты обратили внимание на нездоровые явления, происходившие в общественной жизни страны. На смену романтическим представлениям о скорой победе социализма и коммунизма пришла жесткая реальность. Незадолго до переезда в Одессу на одном из партийных собраний по поводу охоты на «врагов народа» и чисток партии довольно резко высказался Стоимен Спасов, до тех пор являвшийся одним из наиболее активных проводников решений партии в Парканах.

Всегда обладавший обостренным чувством справедливости, Иван Райчинов несколько раз на партийных собраниях подвергал критике методы проводившейся коллективизации. Его выступления были осуждены как «правооппортунистическая вылазка»⁵⁴, и в 1934 году И. Т. Райчинов был исключен из партии, снят с должности председателя парканского единого потребительского общества.

Громкие процессы над троцкистами и бухаринцами в Москве стали сигналом для тотальных репрессий по всей стране. Из центра в столицы союзных республик, оттуда в области и районы, затем во все города и села в поисках все новых и новых врагов народа потянулись щупальца гигантского спрута под названием Народный комиссариат внутренних дел (НКВД). В мае 1937 года почти в полном составе было арестовано партийное и советское руководство МАССР во главе с Г. И. Старым. К маю 1938 года из семи членов Тираспольского горкома партии в течение года трое были объявлены «врагами народа» и преданы суду, еще двое — сняты с работы. Из тридцати девяти членов пленума горкома партии к весне 1938 года осталось лишь двадцать два. В селах Тираспольского района начались поиски следов «глетьврного влияния врагов народа» бывших районных руководителей Тодреса, Гризо, Шинкарюка, Баканурского и других.

Много еще неразгаданных страшных тайн хранит в себе

период правления усатого генсека. Одна из них — невероятные по размаху репрессии в Парканах. Подготовка к ним велась ряд лет и вылилась в еще одну ужасную трагедию 1937—1938 годов. Нас не может не волновать причина столь жестокого произвола в отношении именно парканского населения.

После чисток партии, обмена партийных документов и показательных процессов поиски врагов и вредителей в Парканах продолжались. Бездесущие органы НКВД шантажом и угрозами пытались выколачивать из людей все новые компрометирующие сведения. «Как-то ночью в разгар полевых работ мы спали в бурдейке, — вспоминает К. С. Обручков. — Женщины с одной стороны, мы с другой. Зашли двое в форме НКВД. Растолкали меня сапогами, вызвали во двор. Там приставили револьвер ко рту, спрашивают: «Что говорят о колхозах? Кто агитирует против?» Я молчу. Несколько раз ударили меня рукояткой револьвера по голове: «Иди, зови соседа!». Я пошел обратно, растолкал спящего рядом, только сказал: «Иди, тебя зовут». Он пошел. Через некоторое время вернулся обратно. Молча лег спать. Ничего мы друг другу не сказали. Боялись».

Любому должностному проступку, уголовному преступлению непременно давалась политическая оценка и различного рода человеческие грехи сводились к «вредительству», «шпионажу» и т. д. В мае 1935 года учитель С. К. Ангелов был привлечен к суду за избиение ученика. Через несколько месяцев после суда парканских коммунистов обвинили в том, что они не разглядели в своих рядах «троцкиста Ангелова». В 1936 году из села бежал бывший двадцатипятилетний проворовавшийся председатель колхоза им. Димитрова А. И. Попов. В Парканах уже совсем стали забывать о нем, как вдруг из райкома партии сообщили, что «Попов был отъявленным троцкистом»⁵⁵.

Болгарские и бессарабские политэмигранты первыми стали подвергаться новым преследованиям. Обвиненные в «буржуазном национализме», «искривлении линии партии», а затем в связях с «врагом народа Старым и его сообщниками», они лишились в Парканах всех руководящих постов. Некоторые успели выехать из села.

Доведенный до отчаяния преследованиями и личными неизлечимыми недугами (тяжело, неизлечимо заболела жена, надо было поднимать двух малолетних детей), Иван Ташевич Райчинов решил обратиться за помощью к Генеральному секретарю Коминтерна Георгию Димитрову. Когда-то, в далеком 1907 году, будучи официантом ресторана «Златен елен» в Софии, И. Райчинов выполнял поручения болгарских тесняков Д. Благоева, Г. Димитрова и других по охране партийной конференции. 9 апреля

1936 года И. Райчинов отправил письмо в Москву, в котором напомнил Димитрову о их давней встрече в Софии, подробно рассказал о себе; о неблагополучном положении в Парканах, где, по его мнению, все руководящие посты в селе заняли беспричинные карьеристы; о затруднениях, которые испытывает его семейство. В конце письма, напомнив Г. Димитрову о их встрече в гостинице «Златен елен», которая находилась напротив роскошного дворца Терезы Лексин, И. Т. Райчинов обратился к лидеру болгарских коммунистов с проникновенными словами: «Поедем, брат, в Софию. Но встретимся не в гостинице, а в дворце. Там провозгласим «Да здравствует болгарский народ, освобожденный из фашистских лап!», «Да здравствует Коминтерн и его руководитель Георгий Димитров!»⁵⁴.

Иван Райчинов так и не дождался ответа. Неизвестно, дошло письмо до Г. Димитрова или нет. Но то, что о нем было прекрасно известно органам НКВД, покажут последующие события в Парканах.

В неспокойной жизни Паркан все большую роль стали играть пограничники. Ушли в прошлое их дружелюбные отношения с парканцами. Новые начальники заставы — Жеваго, а затем Шац — видели почти в каждом парканце шпиона или диверсанта. Все жители села, имевшие родственников в Бессарабии, были поставлены на учет, а затем большинство из них репрессировано. Среди них Михаил и Иван Владовы, побывавшие в 1924 году в Бессарабии, Афанасий и Иван Николаевы, чья мать была родом из Бендер, Георгий Атанасов и Иван Бахченжи, уроженцы Бессарабии. Кроме заставы, в Парканах находилась и комендатура погранучастка.

Роковым для Паркан стало и решение Верховного Совета перенести в село некоторые районные учреждения. В первую очередь был переведен отдел НКВД, который расположился на месте нынешних производственных мастерских школы-интерната. На одном из республиканских совещаний районный отдел НКВД был подвергнут серьезной критике за слабую работу по выявлению «врагов народа». Местные сотрудники приняли все меры, чтобы изменить мнение вышестоящего начальства о себе.

Толчок к новой волне репрессий на Украине, в том числе и в Молдавской автономии, дало постановление ЦК ВКП(б) от 13 января 1937 года «О неудовлетворительном партийном руководстве Киевского обкома КП(б)У». Посвященное обсуждению этого постановления партийное собрание парканской организации 16 февраля превратилось в выявление новых «врагов организации» и «вредителей колхозного строя»: «Учительница Мильнарода» и «вредители колхозного строя»: «Учительница Миль-

ческая ведет контрреволюционные разговоры, что «лук — это советское сало», «Чмиль выступил открыто, что Советская власть и партия занимаются эксплуатацией колхозников», «Учитель Загарий сравнивает Советский Союз с фашистской Германией»⁵⁵. При обсуждении новой конституции на утомительных политзанятиях учитель Г. с юношеской неосторожностью заявил: «Уже пять дней распинаются с этой конституцией»⁵⁶. Эти случайно оброненные слова стоили ему исключения из комсомола и многих неприятных минут на допросах в отделе НКВД.

Переломным в трагической судьбе села стало объединенное собрание партийных организаций Паркан, погранзаставы и комендатуры, состоявшееся 14 июля 1937 года. С докладом выступил начальник заставы Шац. Зловеще прозвучали слова секретаря парканской парторганизации М. И. Демьяновой: «Нашим коммунистам, как территориальной парторганизации, так и воинских частей нужно учесть **особенности Паркан** (выделено мной — Г. А.), частые в прошлом контрреволюционные вылазки классового врага, и теперь он поднимает голову»⁵⁷.

Началась беспрецедентная по своим масштабам кампания репрессий против парканского населения. Выявлялись все новые «активные участники восстания 1921 года», «сыновья белобандитов», «вредители колхозного строя», «враги народа». Были возвращены для доследования уголовные дела 1933—1935 годов. Уже отсидевшие свой срок парканцы снова исчезали за решеткой. Теперь навсегда. Одно за другим из села в район поступали новые «разоблачения». «В колхозе им. Благоева с. Парканы в фураже найдено стекло. Этот вредительский акт удалось предотвратить. Ветсанитар разоблачен как враг народа». «Учитель географии рекомендует для изучения статью разоблаченного врага народа Радека». «Преподаватель русского языка приходит на занятия с конспектами, составленными в институте, где читались лекции разоблаченными ныне врагами народа»⁵⁸.

Многие парканцы, обессилев от бесчисленных допросов, где главным методом убеждения становились хладнокровные удары рукояткой пистолета по голове и бессонные ночи в ярко освещенной камере, подписывали в отчаянии чудовищные «саморазоблачения». В документах встречаются и анонимные доносы, и полные ярости письма бдительных «сознательных» парканцев с требованием «разоблачить врагов народа».

Но были и другие примеры. На одном из собраний граждан села Петр Сергеевич Дымов заявил, что необходимо от имени сельского Совета потребовать освобождения одного из

необоснованно репрессированных органами НКВД парканцев (фамилия не указана — Г. А.)⁵⁹. Органы НКВД недолго тянули с ответом. В августе того же года П. С. Дымов сам был арестован⁶⁰.

Отдел НКВД находился в центре села, и его ретивые сотрудники в поисках новых жертв не утруждали себя. Больше всего пострадали жители близлежащих улиц (в первую очередь нынешние улицы Димитрова и Ленина), где арестованные были почти в каждом дворе. Арестовывали всех подряд. Коммунистов (почти вся партийная организация была истреблена, осталось всего два коммуниста с партийным стажем более двух лет) и беспартийных. Руководителей советских и хозяйственных учреждений (три бывших председателя сельского Совета депутатов сельского Совета из 85) и рядовых тружеников. Арестовывали учителей, врачей, фельдшеров и других представителей сельской интеллигенции. Арестовывали тех, кто беззаветно был предан Советской власти, кто ее боялся и кто ее ненавидел; тех, на кого доносили, а затем и тех, кто доносил.

Многое пришлось испытать в жизни Константину Кирилловичу Доброму. Мерз в далекой Маньчжурии во время русско-японской войны. В 1905 году был в японском плену. С 1914 года — на первой мировой войне. И снова плен. В 1918 году бежал домой. Кое-как пришел в себя. В 1925 году получил землю. Купил лошадь. Впряг ее в плуг вместе с коровой. Все смеялись, но делать было нечего. Справился с трудностями, детей поднял. Работал фельдшером. В итоге на старости лет получил от судьбы жестокий удар: арест и расстрел.

Николай Николаевич Кривицкий. Первый раз пострадал еще в середине 1920-х годов, когда по стране прокатилась волна судилищ над «вредителями в промышленности». Опытный инженер — строитель железнодорожных мостов, он вынужден был остановиться в Паркахах и устроиться на работу простым колхозником. О прошлом рассказывал соседям неохотно. Но и в Паркахах он не нашел покоя. Арестован. Расстрелян.

Десятки примеров, десятки трагических судеб. Большинству арестованных ставилась в вину принадлежность к «националистической болгарской повстанческой организации, ведущей борьбу против Советской власти». Одной из главных акций, которая якобы планировалась этой псевдоорганизацией, было убийство Генерального секретаря Коммунистического Интернационала Георгия Димитрова. Видимо, не последнюю роль в этом бредовом обвинении сыграло отчаянное письмо И. Т. Райчнова Г. Димитрову в Москву.

Первые месяцы арестованные парканцы томились в тираспольской тюрьме, расположенной в бывшей крепости. Для многих она стала последним пристанищем. Дата и место смерти большинства мучеников неизвестны. Часто сотрудники тюрьмы принимали от родственников арестованных передачи, заведомо зная, что тех, кому они адресованы, уже нет в живых. Возможно, некоторые из репрессированных парканцев скончались от невыносимых допросов или были расстреляны прямо в парканском отделе НКВД. В 1960 году на этом месте строился производственный корпус для школы-интерната. Во время земляных работ, к удивлению строителей, во дворе было обнаружено много человеческих костей, черепов. Их просто вывезли вместе с землей. А может, в бывшей тираспольской тюрьме?

В конце пятидесятых годов на Бородинке в Тирасполе развернулось большое строительство в районе разрушенной крепости, где находилась тюрьма. Ковш экскаватора в один из дней зацепил массивную металлическую дверь. Строители содрогнулись от увиденного. По обе стороны бывшего крепостного каземата в несколько рядов лежали человеческие скелеты, и в каждом из черепов находилась пуля.

По моим подсчетам и подсчетам старожилов, число жертв репрессий 1937—1938 годов приближается к пятистам. Точное число установить крайне сложно. Многие документы исчезли. Уже не всегда удается встретиться с родственниками жертв сталинского произвола.

На состоявшейся 15—18 мая 1938 года Тираспольской городской партийной конференции сотрудники НКВД доложили о своих первых «успехах». «В Тираспольском районе рука вредителя была приложена крепко, — рапортовал один из них, — но наши славные органы НКВД были начеку».

Так парканский кровавый ручеек влился в общий много-миллионный поток человеческой скорби.

* * *

После многих лет потрясений парканская жизнь во второй половине тридцатых годов стала налаживаться. Любой продолжительный мирный период времени, часто вне зависимости от социально-экономического уклада в обществе, способствует повышению материального благосостояния людей. Парканы значительно похорошли. С 1935 года колхозные строители регулярно сдавали все новые объекты: родильный дом, детские

ясли, двухэтажную среднюю школу, магазин. Было произведено озеленение центра села. Началось покрытие гравием сельских улиц. В каждом из парканских колхозов были созданы постоянные дорожные бригады. Открылось автобусное сообщение с Тирасполем. Два раза в сутки в Парканы приезжал из Одессы пригородный поезд.

Незадолго до войны село чуть не стало районным центром. 28 сентября 1938 года Президиум Верховного Совета МАССР принял постановление «О выделении Тираспольского сельского района». В этот район вошли девятнадцать сельских Советов, в том числе и Парканы. Был укреплен городской статус Тирасполя. В его подчинение вошли бывшие села Калкатова балка, Закрепостная слободка и Кирпичная слободка⁶¹. Тирасполь, будучи столицей МАССР и районным центром, получил также возможность формировать свои чисто городские структуры управления. Однако помещений для новых учреждений не хватало. В связи с этим 11 февраля 1939 года появился указ Президиума Верховного Совета МАССР «О перенесении районного центра в с. Парканы». Однако вследствие указа был отменен, но ряд учреждений, в том числе и районный отдел НКВД были временно переведены в Парканы.

Завершалась ломка старого, дореволюционного сознания крестьян. Молодые парканцы убежденно верили в торжество социализма и только смеялись над ворчащими стариками. Новое поколение вносило свою немалую лепту в укрепление благосостояния страны, а значит, и своего села. Как и в других колхозах, в Парканах развернулось стахановское движение. Среди подписей передовиков труда Молдавской автономии, написавших Сталину о своих достижениях и новых рубежах, есть подписи и двух парканцев: В. С. Дымова и Г. Д. Мищенко. Василий Сергеевич Дымов, бригадир тракторной бригады, первым среди парканцев был награжден правительственной наградой: орденом Трудового Красного Знамени. В числе передовиков ряда лет были звеньевой колхоза «Красная заря» П. С. Бахчеван, председатель колхоза им. Котовского и многие другие. Но и стахановское движение, как движение новаторства и массового повышения производительности труда, имело свою обратную сторону. Часто при определении лучших в производственном процессе на первый план выступало социальное происхождение. Многие бывшие единоличники и раскулаченные ежедневно чувствовали неравноправное отношение к себе, ущемлялись при назначении на руководящие должности и при премировании. Часто стахановцы получали привилегии

рованные условия труда, что порождало определенное недовольство остальных членов коллектива. В Молдавской АССР были случаи избиения стахановцев⁶⁴. Подобные случаи были и в Парканах, например, в колхозе «13 лет Октября» в марте 1937 года.

Все большую роль в жизни Паркан стало играть их приграничное положение. Пограничная зона протянулась от Днестра до Раздельной. Все жители села имели в паспорте отметку № 3 о проживании в погранзоне.

До конца двадцатых годов парканцы мало ощущали на себе все строгости охраны границы. Крестьяне спокойно работали в своих садах, дети купались в Днестре, а взрослые ходили зимой по льду на остров недалеко от Бычка за ивой для плетения корзин. 1 мая 1924 года парканская партийная организация провела грандиозную пропагандистскую маевку с выходом к границе. Как сообщали губернские «Известия», «многотысячная парканская манифестация шествовала по берегу Днестра»⁶⁵. Такое шествие могло кончиться очень плачевно. Старожилы вспоминают, что вместе с зеваками из Бендер на правый берег выбежали поднятые по тревоге пограничники и солдаты румынской армии с оружием наперевес. В любую минуту могли прозвучать роковые выстрелы.

На этот раз обошлось, но вооруженные провокации случались не раз. То румынская батарея в 1923 году во время учений запустила несколько снарядов в левобережные сады, то их же пограничники открывали стрельбу по мирным гражданам. В 1924 году парканцы помогали водолазам в расчистке Днестра в районе моста от свалившихся туда в 1919 году вагонов и затонувших барж. Занятие было трудоемкое, с применением сварочных работ, помп и плавучих средств. В один из летних дней румынские пограничники открыли стрельбу по рабочим. Несколько человек были ранены. Недолго думая, начальник заставы Потелов сел в лодку и переправился для переговоров на правую сторону Днестра, захватив для убедительности пулемет «максим» с расчетом. Конфликт был исчерпан.

В 1931 году вдоль Днестра развернулось большое военное строительство укрепленного оборонительного района. На соружение дотов и дзотов были брошены большие силы с привлечением местного населения. В Парканах были построены бараки для размещения трехсот военных строителей и большой склад стройматериалов площадью около семисот квадратных метров. Начальник строительства Ольшевский был наделен чрезвычайными полномочиями. Его запросы на рабочую силу, стройматериалы и выдачу продовольственных пайков выполня-

лись вне очереди. Ежедневно к работам привлекалось до трехсот подвод из окрестных сел. В летние месяцы темпы работ снизились. «Рабочие из числа колхозников уходят с работ, подводчики разбегаются»⁶⁶, — жаловался Ольшевский. Работы по бетонированию и монтажу не прекращались даже зимой. В связи с морозами из бревен и досок были сооружены «тепляки», и работы шли беспрерывно. Построенная вдоль западной границы СССР оборонительная система получила на Западе название «линии Сталина». Остатки этих сооружений в парканских садах и недалеко от железнодорожного моста видны до сих пор. Редко кто из парканских мальчишек не залезал в полуразрушенные доты и дзоты в поисках каких-либо трофеев или просто поглазеть.

После постройки оборонительной линии порядки на границе стали строже. На берег Днестра парканцы вообще не допускались. В плавневые сады можно было заходить лишь во время весеннего ухода за деревьями и в период уборки урожая. Исключением стало редкое по силе наводнение летом 1933 года. Поднявшаяся днестровская вода долгое время не уходила. Почти месяц боролись парканцы со стихией. Все вместе, и колхозники, и единоличники, забыв о старых обидах, проводили дополнительное обвалование, караулили коварную реку и днем и ночью. Даже не уезжали домой спать и поесть. Еду крестьянам привозили из Тирасполя.

Жители Бендер и пригородов, зная о голоде на Украине и в левобережье Днестра, злословили, бросали с правого берега обидные слова: «Здорово, доходяги! Плывите к нам, наркимим!» Селяне вздыхали, но ответить было нечего.

Поединок со стихией закончился успешно. Парканская дамба выдержала написк воды. Крестьяне уберегли свои сады. В Тирасполе же городские власти не справились с наводнением. Вода хлынула на нижние улицы, вызвала оползни.

Результатом некоторого улучшения отношений между Румынией и СССР явились ремонт моста через Днестр и открытие железнодорожного сообщения в 1935 году. Был отремонтирован только верхний ярус для поездов. Причем более узкая румынская колея западноевропейского стандарта протянулась до Тирасполя, а советская — с левого берега до бендерского вокзала. Любопытное зрелище представлял собой в те годы отремонтированный мост. Румыны покрасили свою половину красным цветом, а советская сторона облюбовала зеленый.

И все же за всю довоенную историю нельзя было назвать советско-румынские отношения добрососедскими. Провокации случались часто, обе стороны вели друг против друга беспре-

рывную агитацию и пропаганду среди приграничного населения. 28 июня 1940 года советские войска вошли в Бессарабию. 2 августа была образована Молдавская ССР. Многие люди торопились на правый берег Днестра повстречаться со своими родными и близкими, которых не видели долгих двадцать два года. Но для обывателей Приднестровье по-прежнему осталось запретной зоной. Желающие поехать в Кишинев или даже в Бендери обязаны были обратиться в милицию за пропуском. «Не всякая личность может быть желательной нам на сегодняшний день в Бессарабии»⁶⁷, — пояснил в одном из своих выступлений начальник Тираспольского горотдела НКВД Печеньй.

21 июня 1941 года в Парканской средней школе состоялся выпускной вечер. Семнадцатилетние юноши и девушки, традиционно встречая рассвет, делились планами, мечтательно пытались заглянуть в свою предстоящую самостоятельную жизнь. Но следующий зловещий день перечеркнул не только планы, но и судьбы, даже жизни многих молодых людей...

VIII. ПАРКАНЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Такие трагические события, как войны, оставляют неизгладимые впечатления в памяти и сердцах очевидцев. Многие ветераны войны помнят фронтовую пору до мельчайших подробностей, до сих пор переживая ужасы увиденного, потери боевых товарищей и короткие минуты радости. Встречаясь с десятками участниками Великой Отечественной войны, рабочими старожилами, участниками и материалами, мне хотелось в первую очередь с документами и материалами, мне хотелось в первую очередь разобраться в общих вопросах, касающихся судеб целого поколения парканцев. О ратных подвигах наших земляков в Великой Отечественной войне можно было бы написать отдельную большую книгу. Но цель нашего очерка — дать обобщающую научную оценку такому явлению, как место Паркан и парканцев в Великой Отечественной войне.

1. ПРИФРОНТОВАЯ ЗОНА

Как и для всех городов и сел советской страны, война для Паркан стала полной неожиданностью. Воскресным утром 22 июня парканцы увидели немецкие самолеты дальней авиации, возвращавшиеся послеочных бомбардировок стратегических объектов на советской территории. Жители села вздрогнули от грохота зенитных пулеметов и орудий оборонительной артиллерии. Снарядные осколки и гильзы горючим сыпались на крылья парканских домов. Один из немецких самолетов рухнул за Бендериами.

Парканы стали прифронтовой зоной. Сотни селян участвовали в рытье окопов вдоль Днестра, укреплении дотов и дзотов, строительстве аэродрома в Тирасполе. Но, пожалуй, самым опасным был участок у моста, где парканцы рыли противотанковые рвы. Мост постоянно подвергался бомбардировкам. Не раз «мессеры» устраивали охоту за мирными людьми. Именно там, у моста, парканцы понесли первые потери в войне.

Из недавних выпускников средней школы был сформирован истребительный отряд во главе с местным учителем Василием

Тимофеевичем Градинарем. В задачу отряда входило ночные дежурство по селу и борьба с диверсантами.

В отличие от других участков советско-германского фронта, где враг вторгся далеко на восток в пределы Советского Союза, части Красной Армии в Молдове успешно сдерживали противника в районе границы с Румынией. Однако в начале июля 1941 года обстановка серьезно изменилась. Войска Южного фронта под угрозой окружения начали организованный отход из Бессарабии, получив приказ командования закрепиться на восточном берегу Днестра. 17 июля немецко-румынские войска заняли Кишинев. 23 июля они вошли в Бендера. Линия фронта временно протянулась по Днестру.

Парканское население было срочно эвакуировано в Тирасполь, в Калкатову балку. Почти две недели продержались оставленные в арьергарде боевые части, дав возможность остальным войскам отойти к Одессе. К сожалению, о первом этапе войны историки и мемуаристы пишут не так охотно, и мы, наверное, так и не узнаем подробных сведений о горстке артиллеристов, которые, окопавшись в парканских садах и огородах, самоотверженно дрались с рвавшимся на левый берег врагом. Оставшиеся в селе парканские женщины носили им еду, по-матерински жалели и помогали раненым. Но немецкие механизированные колонны на других участках фронта уже ушли далеко на восток. Отважные артиллеристы получили приказ оставить Парканы. 7 августа немецко-румынские передовые части вошли в наше село.

Мирные жители, часто вперемешку с отходящими войсками, двинулись на восток. Увозили с собой трактора и комбайны, угоняли скот. Многим парканцам запомнилась жуткая переправа через Днепр, когда из-за отсутствия переправочных средств коров, свиней и овец погнали в воду. Но доплыли до другого берега далеко не все животные.

Между тем немецкие танки отсекали от основных сил все новые советские части и беженцев, стремившихся на восток. Лишь немногая часть парканцев дошла с советскими войсками до Ставропольского края. Остальные группами и в одиночку, обессиленные и отчаявшиеся, вынуждены были вернуться в захваченное фашистами село.

2. ОККУПАЦИЯ

Захватив Приднестровье, немецко-румынское командование ликвидировало все советские органы власти и управления. Фашистская Германия «великодушно» уступила добычу Румынии.

Все левобережные районы МССР, Одесская область, южные районы Винницкой и западные районы Николаевской областей были включены в состав губернаторства «Транснистрия». Центром губернаторства сначала стал Тирасполь, но с 19 октября 1941 года губернская администрация переехала в Одессу. Транснистрия делилась на уезды, восстановленные примерно в тех же дореволюционных границах. Уезды делились на районы. Управление организовывалось по румынскому образцу. Уездами руководили префекты, районами — претуры. В селах были созданы примарии.

Первым примаром Паркан оккупационные власти назначили престарелого В. Николаева, бывшего еще до революции старостой села. Но вскоре примаром был назначен П. С. Добров, занимавший этот пост до прихода советских войск. После войны П. С. Добров и парканские полицейские были осуждены на десять лет за «пособничество немецко-румынским оккупантам», но большинство парканцев не держат на них зла. Парканский примар был строг, часто распускал руки, но чаще всего пытался сельские конфликты уладить сам, без вмешательства румынской администрации.

Об отношении Румынии к захваченной территории красноречиво говорит напутствие главы государства И. Антонеску губернатору Транснистрии профессору Г. Алексяну: «Действуйте так, как будто власть Румынии установилась на этой территории на два миллиона лет. Что будет потом, увидим»¹.

Румынские оккупанты занимались откровенным грабежом. Приднестровья, намереваясь за счет него покрыть свои расходы на войну. Вывозились продукты, сельхозинвентарь, рабочий скот, оставшиеся трактора и другая техника. Когда немецкие и румынские войска зимой 1942 года застряли под Сталинградом, румынские войска замерзая в донских и калмыцких степях, в ведомости по сбору имущества от населения появились специальные графы — «носимущество», «перчатки»². Каждая семья обязана была регулярно сдавать теплые вещи.

Критикуя советскую систему, румынская администрация в целях более организованного выкачивания продовольствия из сел, все же сохранила прежние колхозы, переименовав их в общины и дав румынские названия. Вместо шести парканских колхозов в документах появились общины «14 августа», «Транснистрия», «Букурешть», «Аврам Ланчу», «Басарабия» и «Буковина»³. Правда, у парканцев эти названия не прижились, и даже в ряде ведомостей встречаются советские наименования. Вся продукция, произведенная общинами, уходила на снабжение немецко-румынских войск. По данным за 1942 год, из Пар-

кан было вывезено 15 919 литров молока, 11 356 кг брынзы и творога, 62 216 яиц, 4 902 шт. птицы, 2 568 кг свинины⁴.

Помимо работы в общине, парканские жители обязаны были выполнять целый ряд повинностей по строительству и ремонту дорог, вывозу продовольствия на станции, разгрузке вагонов и т. п. Только для ремонта дорог было создано пять бригад по двадцать пять человек в каждой. Иногда крестьян отправляли на работы за десятки километров от дома на длительное время.

За несколько месяцев румынским оккупантам удалось построить рядом с разрушенным мостом прочный деревянный железнодорожный мост, который они назвали «Маршал Антонеску». На работы по его строительству сгонялись тысячи крестьян из окрестных сел, в том числе из Паркан. Затем парканцев не раз отправляли на ремонт моста, на освобождение свай от льда.

Многие крестьяне работали не в общинах, а на своих наделах. По данным парканской примарии, на 28 июля 1943 года в селе имелось 574 лошади, 9 быков, 4 трактора, 315 подвод, 171 плуг и 54 бороны⁵. Как работники общин, так и единоличники должны были платить более тридцати видов денежного и натурального налога. Со смолотой муки полагался так называемый «гарнцевый сбор»⁶, кроме того, помимо обычных налогов крестьяне Приднестровья облагались еще и налогом для «культурных нужд» (тридцать марок с каждой семьи) и «санитарным», составлявшим десять процентов дохода⁷.

Крестьянам под страхом тюремного заключения запрещалось вывозить продукцию со своих приусадебных участков на рынок. В селе был создан заготовительный пункт «по приему плодоовощей и других сельскохозяйственных продуктов»⁸, который выкупал все излишки крестьян.

Хозяйственный грабеж 1942 года привел к тому, что в селе почти не осталось сельхозинвентаря. Весенний сев 1943 года оказался под угрозой срыва, что было невыгодно оккупационным властям. Они были вынуждены командировать в Одессу, А. Ф. Николаева, который доставил в село 500 плугов⁹. Крестьяне были обеспечены и другим инвентарем. Но весь собранный урожай вновь ушел на обеспечение оккупационных войск. За два с небольшим месяца, с 23 августа по 30 октября 1943 года, из Паркан было вывезено 5 406 кг брынзы и творога, 525 кг сливочного масла, 7 633 шт. яиц, 4 260 литров молока, 375 кг сметаны, 600 шт. птицы¹⁰.

Придя в Приднестровье, румынские оккупанты стремились показать себя освободителями местного населения от «коммунистического террора». В пропагандистских целях было приня-

то несколько постановлений о помощи жертвам сталинского произвола. Действительно, двадцати трем парканским семьям были возвращены их наделы и дома. Вернувшимся семьям разрешалось строить новые дома. После небольшого ремонта началось богослужение в Парканской церкви. Главным печатным пропагандистским органом оккупационных властей стала газета «Молва», выходившая в Одессе на русском языке. Газета регулярно поступала в Парканскую примарию. В ней печатались все многочисленные постановления и циркуляры губернатора Транснистрии, подробно освещалась деятельность кондукторула Антонеску и «вождя германской нации» А. Гитлера.

Несмотря на зангрывания с лицами, пострадавшими в период раскулачивания и массовых репрессий, парканцы во всем чувствовали себя людьми второго сорта. Они были ограничены в передвижении. Поездка в соседнее село или Тирасполь была возможна только с разрешения жандармского поста на выезде из Паркан. Выехать в Одессу можно было только с разрешения Тираспольской префектуры. Любая провинность, невыход на работы каралась тюрьмой.

Враждебность оккупационного режима к местному населению особенно проявилась в политике румынизации края. Во всей Транснистрии единственным официальным языком стал румынский. Богослужение в открывшейся сельской церкви велось только на румынском языке. Писарь парканской примарии Константин Загорский не сидел без дела. Все прошения, жалобы и отчеты, даже не выходившие за пределы села, составлялись только на румынском языке, которым абсолютное большинство парканцев не владело. Оккупационными властями на саждалось проведение румынских государственных религиозных праздников. Уже в первую зиму, 12 декабря, 1941 года, претура Тираспольского района разослала всем примариям циркуляр о праздновании рождества на румынский лад. Кроме стихов, куплетов и танцев, создаваемые по указу властей группы колядующих обязаны были разучить и петь гимн Румынского королевства¹¹.

Политика румынизации проявилась и в насаждении «очагов процветания румынской культуры в свободной Транснистрии». Первое заседание парканского общества румынской культуры состоялось 9 марта 1943 года, и в его работе приняло участие тридцать два человека¹².

Румынский гнет ежедневно ощущался и в тотальной слежке за всеми «неблагонадежными», которым оккупационные власти оказывали особое недоверие. К их числу относились бывшие члены сельского совета, колхозные активисты, жены офицеров

и бывшие комсомольцы. Учительница К. Д. Калина была освобождена от работы как жена офицера. Семь комсомольцев-учителей были взяты на учет сигуранцы: М. Г. Обручков, Ф. Д. Николаев, А. Ф. Обручкова, Н. В. Голубова, Г. К. Избаш, Г. Д. Узун, Н. И. Дулапчи¹³.

После поражения немецко-румынских войск под Сталинградом и Курском настроения оккупантов изменились. Грабеж носил все более массовый и откровенный характер. Почти ежедневно примария снаряжала команды на загрузку эшелонов, производила внеплановые изъятия продуктов со складов и у населения. Началась вербовка мирных жителей для выезда в пределы Румынии и Германии. 30 ноября 1943 года в парканскую примарию поступил секретный циркуляр префектуры о составлении списка желающих эвакуироваться в Румынию для заблаговременного оформления документов. Желающие эвакуироваться должны были в любую минуту быть готовыми к отъезду. Для этого записавшиеся к эвакуации обязывались подготовить подводу или сани (по времени года) и необходимый запас продуктов¹⁴. Но жителей села такая перспектива «новой родины» не прельстила. Весной с оккупантами бежала лишь горстка людей, опасавшихся преследований Советской власти за свою работу в примарии и полиции.

В конце 1943 года многим парканцам последовало еще одно неожиданное предложение о выезде, но совершенно при других обстоятельствах. Сотни болгарских семей Таврии и Крыма поздней осенью снялись с насиженных мест и отправились в дальний путь на родину своих предков, в Болгарию. Большинство из них бежало не столько из-за страха перед возвращением Советской власти, сколько из опасений отправки молодежи в Германию¹⁵. 18 декабря около двух тысяч болгарских беженцев остановились в Парканах¹⁶. Многие из них заночевали в крестьянских домах. Старожилы вспоминают, что беженцы были угрюмы и неразговорчивы. Кое-кто из тавричан пытался зазывать парканцев следовать за ними. Но на подобные приглашения никто не откликнулся. Парканцы чувствовали приближение скорых и радостных перемен.

3. УЧАСТИЕ ПАРКАНЦЕВ В БОРЬБЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ СВОЕЙ РОДИНЫ

Парканцы, как и миллионы советских людей на фронте и в тылу, внесли свой посильный вклад в общую копилку Победы. Бок о бок воевали коммунисты и беспартийные, колхозные активисты и те, кого совсем недавно называли «врагами Совет-

ской власти». У войны были свои мерки порядочности, чести и патриотизма.

Советские болгары относились к тем малым народам СССР, кого Сталин определил в «неблагонадежные» по причине того, что Болгария выступила в войне на стороне Германии. В первые годы войны на фронт попали немногие из парканцев: лица неболгарской национальности и те, кому удалось скрыть свою национальную принадлежность благодаря неболгарской фамилии, а иногда по чисто случайным обстоятельствам. С первых же дней оказались на фронте и те парканские болгары, кто еще до войны был призван для прохождения воинской службы.

В первые месяцы войны геройски погиб директор средней школы Г. М. Гершкович. С ним вместе ушел на фронт учитель болгарин Г. В. Соломонов. Последнее письмо он прислал из Будапешта 31 декабря 1944 года. В конце войны пропал без вести. И. Г. Диордиев отличился в боях под Ельней. Под жестоким пулеметным обстрелом он вынес на своих плечах из нейтральной полосы 119 раненых солдат, сам был тяжело ранен. В тяжелых оборонительных боях попал в окружение и затем в плен П. П. Добров. Трижды он убегал, но его ловили и снова бросали в лагерь. Четвертый побег был удачным.

Свою службу в армии уроженец Паркан И. И. Мокан начал еще в декабре 1939 года в Воронеже рядовым. Войну начал уже за освобождение г. Ельня получил звание младшего лейтенанта. В октябре 1941 года попал в окружение, был ранен, взят в плен. После нескольких фильтрационных лагерей был отправлен в специальном офицерском эшелоне в Германию. В конце сентября 1943 года бежал из концлагеря. Воевал в бельгийском Сопротивлении, командовал отрядом. Совершил ряд дерзких операций в районе города Шарлеруа. Иван Ильинич до сих пор помнят и чтут в Бельгии. Когда в годы оттепели он поехал по приглашению к местам своей партизанской молодости, ему была устроена в Бельгии незабываемая встреча. Товарищи по оружию на руках вынесли его из здания аэропорта. Бельгийские газеты наперебой писали о «месье Шарлеруа». Не забудет И. И. Мокан и торжественный прием у королевы Бельгии, устроенный в честь героев Сопротивления.

И. Я. и И. Т. Вербановы служили перед войной в Дрогобыче Львовской области. Любопытные подробности о предвоенных днях вспоминает Иван Яковлевич Вербанов: «В городе жило много поляков. Они пекли вкусный пышный хлеб. Мы специальную ходили за ним в увольнение. Но незадолго до войны поляки не хотели брать у нас денег. Говорили, что скоро они им будут не нужны». И. Я. Вербанов воевал на фронтах Великой Оте-

чественной от первого до последнего дня.

Находясь в эвакуации в далекой Средней Азии, Ю. Г. Инсаров назывался в военкомате русским. Попал в военное училище. В мае 1943 года недоучившихся курсантов погрузили в эшелоны и отправили в огненное пекло на Курскую дугу. Воевали рядовыми в качестве десанта на танках. Впоследствии Ю. Г. Инсаров был истребителем танков. Затем в составе отдельного мотоциклетного полка особого назначения совершил рейды по тылам противника. Участвовал в боях за Киев, был тяжело ранен под Сандомиром.

Не всем парканцам удалось удержаться на фронте. После выяснения национальной принадлежности, в глубоком тылу оказались М. В. Ганчев, К. С. Обручков и некоторые другие. На Урале и в Сибири дети раскулаченных парканских крестьян, проходившие службу в армии, с первых же дней войны были отзваны из частей и отправлены в составе трудармии на предприятия и шахты Крайнего Севера и Восточной Сибири.

В конце 1943 года с приближением Красной Армии к Днестру активизировались партизанские отряды. Одним из объектов повышенного внимания партизан и подпольщиков стал бендерский мост. 13—14 сентября советская авиация подвергла его ночной бомбардировке. Румынское командование было обеспокоено тем, что во время налета со стороны Паркан было запущено несколько красных ракет, подававших световые сигналы советским самолетам¹⁷.

В январе 1944 года в район Тирасполя была заброшена группа организаторов партизанского движения под командованием С. Д. Автеньева, которая со 2 по 25 февраля создала партизанский отряд им. Котовского численностью до семидесяти человек и девять подпольных организаций. Одна из них, под руководством Г. А. Вербанова, была создана в Парканах и насчитывала двадцать четырех человека¹⁸. Григорий Андреевич Вербанов до войны работал учителем истории в с. Плоском. С подпольщиками встретился в Тирасполе. Они поручили ему создать в Парканах подпольную группу, главной целью которой было уничтожение моста.

Но, вероятно, с первых же дней сигуранце было известно о каждом шаге организации. В начале марта был арестован и подвергнут жестоким пыткам Г. А. Вербанов. Через десять дней были арестованы еще четыре участника подпольной организации. Вскоре румынскими оккупантами были расстреляны парканские подпольщики Г. А. Вербанов, В. К. и Е. А. Пельтек, И. И. Станилевич, Ф. А. Ангелов. От дальнейших арестов подпольщиков спасло наступление Красной Армии.

Незадолго до прихода советских войск по селу пронеслись слухи, что оккупанты погонят мужчин в Германию. Многие парканцы ушли в сады, прятались в подвалах и колодцах, ожидая прихода Красной Армии. Когда услышали оглушительный взрыв, догадались: взорван мост, значит, захватчики ушли.

К пяти часам утра 12 апреля 1944 года советские войска вышли к Днестру севернее и южнее Паркан. Наступило долгожданное освобождение. В первые же дни началась мобилизация мужского населения в ряды Красной Армии. В этих целях были открыты два полевых военкомата в разных концах села: один — по нынешней улице Фрунзе, другой — в здании школы № 2. В течение нескольких дней из села было призвано более девяноста человек. Большинство парканцев были отправлены в учебные батальоны для освоения воинских специальностей. Но в связи с нехваткой личного состава в боевых частях многие сразу же попали на передовую. Большая часть наших односельчан пополнила ряды 58-й, 195-й и 228-й стрелковых дивизий, освобождавших Парканы.

Советское командование несколько не рассчитало силы уставших от беспрерывных боев войск, поставив перед ними задачу с ходу овладеть хорошо укрепленной цитаделью — Бендерами. Уже к 12 апреля передовые части переправились через Днестр севернее крепости. Началась яростная борьба за Варницкий плацдарм. Однако личный состав дивизий был укомплектован всего на 30—40 процентов. В условиях весенней распутицы многие части обеспечения остались далеко позади. Особенно ощущалось отсутствие должной поддержки авиации и артиллерии. В то же время германское командование на смену отступавшим войскам перебросило новые дивизии, в том числе семь танковых. Фашисты решили во что бы то ни стало закрепиться на правом берегу Днестра и опрокинуть уже перевавившиеся подразделения Красной Армии.

Авиация противника начала интенсивные бомбардировки переправы и прилегающей к ней местности. В течение 14 апреля с 8.00 до 16.00 фашисты пять раз бомбили Парканы, где находились штабы полков, дивизий и полевые военкоматы. К вечеру, когда наступило затишье, парканцы узнали страшную весть. Во время налета германской авиации на северный полевой военкомат погибло около семидесяти жителей села, находившихся во дворе школы на призывающем пункте. До 26 апреля ежедневно 10—20 фашистских самолетов совершали по 4—8 бомбардировок Паркан и переправы через Днестр.

Попытки советских войск с ходу овладеть Бендерами продолжались до конца апреля. Лишь 1 мая командующий З

райинским фронтом Р. Я. Малиновский отдал приказ о переходе к активной обороне. Кроме того, командование признало нецелесообразным пребывание штабов в населенных пунктах, что наносило последним серьезный урон. Стрелковые части сосредоточились в парканских садах. На правом берегу советским войскам удалось удержать небольшой, но очень важный Варницкий плацдарм. Май—июль военные историки называют временем относительного затишья на Днестровском участке фронта. Но все эти месяцы здесь велась непрерывная борьба за расширение плацдарма. Маленький клочок земли стоил жизни более чем двум тысячам советских воинов¹⁹, в том числе и не имевшим боевого опыта парканским новобранцам. Их останки захоронены в братских могилах Тирасполя, Паркан и Варницы.

Окрепшие в боях у родного села, парканцы впоследствии приняли участие в решающих сражениях Великой Отечественной войны. В Ясско-Кишиневской операции отличились пулеметчики П. С. Стоянов, Г. Г. Жеков, П. С. Николаев, командир отделения М. П. Апостолов, разведчик К. К. Добров и его брат пулеметчик И. К. Добров, Н. К. Погорельский, Д. Н. Хаджи и многие другие. Немало парканцев полегло в тяжелых боях на Сандомирском плацдарме в Польше. Не раз прощался с жизнью, уходя на разведку в ночную мглу, совсем юный Н. Я. Болгаров. Но судьба сберегла его. В Венгрии наконец встретились и затем воевали одним семенным артиллерийским расчетом К. Д. Римский и его сыновья Сергей и Иван. С восхищением рассказывают ветераны о подвигах парканца П. П. Доброка. Отличились в боях за свободу и независимость нашей Родины и Г. И. Николаев, И. М. Дымов, Т. П. Николаев, Д. И. Добров и многие другие.

Свой неоценимый вклад в великую Победу внесли и миллионы тружеников тыла. На заводах и фабриках, в шахтах и тайге, на строительстве железных дорог и других важных объектов трудились сотни парканцев, оказавшихся в эвакуации далеко от родного дома или мобилизованных в трудовую армию. 29 мая 1943 года газета «Мoldova социалистă» опубликовала маленькую заметку о том, как в далеком Узбекистане ученица ФЗО Прасковья Райчева из Паркан не только хорошо учится, но и успешно заменяет на заводе квалифицированного рабочего, ежедневно перевыполняя норму²⁰.

На самых тяжелых объектах трудились подросшие дети раскулаченных парканцев. М. Н. Братоев в составе трудармии был отправлен на металлургический завод в заполярный город Норильск. Семьи Кировых, Николаевых, Обручковых, Становых трудились на лесоповалах Архангельской области и Урала.

Никто не роптал на судьбу, знали, что в военное лихолетье всем тяжело.

Рецидивы недоверия к советским болгарам встречались и в 1944 году. В апреле часть новобранцев приднестровских сел из числа греков, болгар, немцев и поляков, находившихся в учебных батальонах Слободзей и Еремеевки, была поднята по тревоге. Ночью их срочно переодели в гражданскую одежду и направили в тыл. Более ста шестидесяти парканских болгар оказались в Коми АССР у поселка Княжий погост на железной дороги. Работали в невероятно тяжелых условиях. Вывозили зыбкий сыпучий грунт, затем укрепляли основу лесом и валежником, на себе испытали суровые полярные морозы. Бойцы трудармии не были заключенными. Они работали без охраны, но труд от этого не был легче.

С первых же дней после освобождения включились в помощь фронту и жители освобожденных Паркан. Старики и юноши, не достигшие 18-летнего возраста, охраняли военные склады, возили боеприпасы на Варницкий плацдарм, несли службу в истребительном батальоне. Летом 1944 года была создана добровольная женская бригада по сбору и заготовке фруктов²¹. Сады находились под обстрелом фашистских войск, расположенных на правом берегу Днестра. Рискуя жизнью, колхозницы не дали пропасть урожаю и помогли израненным деревьям освободиться от плодов.

В конце августа, как только советские войска освободили Бендера, парканцы приступили к уборке зерновых. Убирали вручную, каждую минуту рискуя наткнуться на неразорвавшись мины и снаряды. Ежедневно группа рабочих уходила на восстановление моста через Днестр. К 20 сентября парканцы закончили сбор средств на строительство танковой колонны²².

Война нанесла огромный ущерб Парканам. Основные пострадали пришли на весну-лето 1944 года, когда село подвергалось массированным бомбардировкам немецких самолетов. Погибли многие жилые дома, были разрушены две школы, сгорели колхозные постройки. Было уничтожено более 180 гектаров садов и 250 гектаров виноградников. Колхозы лишились всех тракторов, машин и рабочего скота.

Но самый тяжелый и невосполнимый урон — это человеческие жизни. Более четырехсот парканцев полегли на фронтах Великой Отечественной войны, то есть почти каждый второй призванный в армию. К сожалению, мне так и не удалось узнать точную цифру погибших жителей села. В послевоенных документах даются разные сведения.

IX. ПОСЛЕВОЕННОЕ РАЗВИТИЕ ПАРКАН

9 мая 1945 года единый глубокий вздох облегчения проносился по огромной стране. Четырехлетняя невыносимо тяжелая ноша наконец-то была сброшена с плеч миллионов людей. Война еще долго напоминала о себе воронками в парканских полях, садах и виноградниках, сотнями искалеченных судеб женщин и детей.

Война напоминала о себе и десятками холмиков в парканских огородах, на пустырях и на обочинах дорог. В разгар боев хоронили наспех, без особых почестей, и уходили дальше на запад. Лишь в 1950 году, в дни празднования великой Победы, парканцы обратили внимание на убогое состояние солдатских могилок. Сельсовет, отягощенный повседневными делами, не торопился принимать меры. Только после указания райисполкома в декабре 1950 года было принято решение о перезахоронении останков советских воинов в братскую могилу, установлении на ней памятника и мемориальной доски с именами павших воинов. К сожалению, решение оказалось несколько запоздалым. Надписи на многих деревянных, фанерных и жестяных табличках, часто написанных наспех, под свинт пули и взрывы снарядов, со временем стерлись. И на мемориальной доске были выбиты далеко не все имена¹. Торжественное перезахоронение погибших в боях за Парканы и на Варницком плацдарме воинов было произведено уже в 1951 году во дворе средней школы № 1 (ныне школа-интернат), но еще несколько лет продолжалось благоустройство братской могилы.

* * *

В сложнейших условиях проходило восстановление разрушенного хозяйства в Парканах. Во время войны население уменьшилось более чем вдвое. На 28 июля 1943 года в селе проживало 3 566 человек². В апреле 1944 года, как уже упоминалось выше, было мобилизовано более 900 мужчин наиболее

трудоспособного возраста. Эвакуированных в начале войны парканцев местные руководители предприятий отпускали неохотно и не сразу в связи с повсеместной нехваткой рабочей силы. На 12 февраля 1945 года в Парканах насчитывалось около 800 трудоспособных колхозников³, из них большинство составляли старики и женщины. Их усилиями началась обработка заброшенных земель и очистка их от бурьяна, брошенной военной техники и осколков бомб и снарядов, восстанавливались колхозные постройки, сады и виноградники. В связи с отсутствием тракторов и явным недостатком лошадей сельский Совет вынужден был принять решение об использовании на пахоте коров⁴. При виде тощих коров стонало сердце ветеринарного фельдшера Я. С. Мищенко. Ему было поручено произвести отбор годных для пахоты животных.

Первые месяцы восстановительные работы шли вяло. В селе вспыхнула эпидемия сыпного тифа, имелись случаи заболевания малярией. Весной 1945 года до половины трудоспособных колхозников из-за болезни или по уходу за близкими не могли выйти на работы. Кроме того производственные задачи колхозов вступали в противоречие с личными интересами колхозников, стремившихся в первую очередь восстановить свои разрушенные дома и усадьбы. Это не могло не отразиться на дисциплине труда. Хотя к лету 1945 года население в Парканах существенно увеличилось, на работы выходило менее половины. В начале июля 1945 года из 1794 трудоспособных колхозников на работы выходили всего лишь 670⁵. И все же к началу 1946 года возобновилась деятельность всех шести колхозов, при них были открыты 18 животноводческих ферм всех видов. Были восстановлены средняя и две начальных школы, паровая мельница и пожарное депо⁶.

Восстановление разрушенного хозяйства было затруднено еще и новой бедой. В 1946 году второй год подряд в Молдове съирепствовала небывалая засуха. По своим масштабам и остроте она, по мнению специалистов, превосходила даже засуху 1921 года. Республика оказалась в крайне бедственном положении. Голод охватил большинство районов МССР. Ежедневно от голодной смерти умирало по 200—300 человек. Как и в прошлые годы, из-за голода были случаи людоедства⁷.

В связи с засухой планы государственных поставок хлеба были уменьшены. Парканские колхозы выполнили усеченный план, но радости было мало. Хлеба для населения и фуража для скота явно недоставало. В конце сентября 1946 года парканские колхозы организовали массовый сбор листьев в Гер-

бовецком лесу для использования их в качестве дополнительного корма крупному рогатому скоту.

Советское правительство предприняло ряд мер по ликвидации массового голода в Молдавской ССР. В феврале 1947 года в Кишинев прибыл заместитель Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, известный своими нестандартными и эффективными решениями в экстремальных ситуациях. После его доклада в Москве 27 февраля было принято специальное постановление союзного правительства. Голодные районы стали снабжаться продовольствием, в каждом селе были открыты питательные пункты, где голодающим предоставлялась бесплатная еда.

Такой питательный пункт был открыт и в Парканах в феврале 1947 года. Его заведующим был назначен Д. Д. Добров⁸. Однако союзная помощь шла к селам приступно долго, и парканский пункт, не имея продуктов, фактически бездействовал. О нем старожилы и не помнят. Лишь в школе детям выдавались по стакану молока и кусочек хлеба. Факты голодной смерти были и в нашем селе.

И все же самолюбивые парканцы в абсолютном большинстве сами справились с навалившейся на них бедой. Чтобы прокормиться, некоторые семьи вынуждены были продавать свои дома. Еще в 1946 году начались поездки в Бессарабию за хлебом. Когда и там стало тяжело, десятки парканцев, как и в 1921 году, потянулись на Западную Украину. Ездили все: и колхозники, и врачи, и учителя. Перед бедой все были равны. Недавние фронтовики скрепя сердце доставали привезенные с собой трофеи и везли менять на хлеб и другие продукты. Путешествие в западные украинские области было отнюдь не безопасным. На железных и автомобильных дорогах орудовали не закончившие свою войну бандеровцы, которые часто останавливали поезда, машины и обирали людей. Порой на крутых подъемах, когда поезд сбавлял скорость, бандеровцы запрыгивали на открытые платформы и, грозя оружием, сбрасывали вниз с таким трудом добывшие мешки с хлебом. Несколько парканцев не вернулись из этих опасных поездок. Но снова, как и в страшном 1921 году, село обошлось минимальными людскими потерями.

В 1948 году снова напомнил о себе большим наводнением Днестр. На этот раз парканцы не уберегли дамбу. В течение нескольких июльских дней вода поднялась на десять с лишним метров и, прорвав дамбу, хлынула в колхозные сады и на приусадебные участки жителей нижних улиц. В довершение ко всему в середине августа на сады и огороды обрушился

сильный град. От наводнения и градобоя в 1948 году пострадало более 250 семей⁹.

Несмотря на стихийные бедствия и трудности восстановления, с начала пятидесятых годов хозяйственные дела резко пошли на поправку. Значительный эффект дало укрупнение колхозов. Вместо шести в Парканах было создано два колхоза, в северной и южной части села: имени Ленина (председатель правления — Д. И. Мищенко) и имени Димитрова (председатель правления — И. И. Спасов). Они обрабатывали 6906 гектаров земли, в том числе 892 га садов, 410 га виноградников, 235 га огородов. Колхозы объединили 1771 крестьянское хозяйство, в них работали 2974 колхозника. К концу 1952 года доходы колхозов составили:

в колхозе им. Ленина	6 000 000 рублей
в колхозе им. Димитрова	5 000 000 рублей.
В следующем, 1953 году доходы выросли и составили:	
в колхозе им. Ленина	7 500 000 рублей

в колхозе им. Димитрова 5 460 000 рублей¹⁰.

С каждым годом парканцы чувствовали улучшение своего благосостояния. Существенно повысилась материальная заинтересованность колхозников в своем труде. На один трудодень в 1952 году в колхозе им. Ленина каждый из тружеников получил 2 килограмма зерна, 2 килограмма картофеля, 8 рублей деньгами, не считая аванса¹¹.

Пятидесятые — начало шестидесятых годов стали временем наивысшего подъема колхозного строя в Парканах. Болгарское трудолюбие и добротность в работе наиболее эффективно реализовали себя именно в этот период. Парканские колхозы стали известны на всю республику. Признание их успехов выражалось в многочисленных репортажах и статьях о парканских колхозах по радио и в печати, участии в молдавской экспозиции на Выставке достижений народного хозяйства СССР (ВДНХ) в Москве, а также в присвоении председателю колхоза им. Ленина Д. И. Мищенко и бригадиру виноградарской бригады В. И. Степанову высших правительственные званий — Героев Социалистического Труда.

5 февраля 1958 года состоялось общее собрание двух колхозов, на котором было принято решение об объединении в единый колхоз имени Ленина. Его председателем стал Дмитрий Иванович Мищенко, ставший к тому времени опытным хозяйственным руководителем. Недостаток в образовании Д. И. Мищенко с лихвой компенсировал великолепными организаторскими способностями и крестьянской смекалкой. К тому времени в объединенном колхозе было 27 производственных бригад.

Общая площадь земли составила 7500, садов — 873 и виноградников — 827 гектаров. Всего в колхозе работал 3441 колхозник. Хозяйство имело 1025 голов крупного рогатого скота, 2270 свиней, 1130 овец.

Объединение двух колхозов привело к новым хозяйственным успехам. В 1963 году доход колхоза составил пять миллионов рублей (по новому денежному курсу 1961 года). Внушительной стала материально-техническая база. Ежегодно пополнялся машинно-тракторный парк. К 1970 году в колхозе имелось 102 трактора, 18 комбайнов, 44 грузовых автомобиля. Достижения колхоза были отмечены в 1967 году высшей правительственной наградой — орденом Ленина.

В начале семидесятых годов эффективность работы парканского колхоза резко снизилась. Такое явление стало характерным для большинства колхозов СССР. Чрезмерное администрирование сверху свело на нет инициативу местных руководителей. После ухода на пенсию Д. И. Мищенко сменившие его председатели колхозов не имели такого непререкаемого авторитета ни среди колхозников, ни среди руководителей района и республики, не могли противостоять наложению вышестоящих хозяйственных и особенно партийных структур. В сельском хозяйстве страны проводились эксперимент за экспериментом, принимались все новые и новые необдуманные партийные и правительственные решения, которые только ухудшали обстановку на селе.

Заметно снизилась активность парканских колхозников. Большинство из них уже не считали работу в колхозе своим основным источником доходов. Все чаще они оставались трудиться на своих приусадебных участках, а затем реализовывали урожай на рынках Кишинева и Одессы, Москвы и Ленинграда. К примеру, в августе 1973 года на работу не вышли 425 колхозников, в сентябре — 451¹². Руководители колхоза вынуждены были в разгар сезона привлекать рабочую силу со стороны: студентов, военнослужащих, школьников, сезонных рабочих из других регионов страны. На фермах не осталось почти ни одного парканца.

* * *

Хозяйственные успехи не могли не отразиться на улучшении благосостояния села, его общественной жизни. В послевоенные годы большим изменениям подверглась деятельность местного самоуправления.

Фактически сельский Совет возобновил свою работу уже после ухода советских войск из села после начала Ясско-Кишиневской операции. 28 августа 1944 года состоялось собрание председателей колхозов и актива парканского сельского Совета. Первым послевоенным председателем сельсовета стал А. В. Швец. Как и в предвоенные годы, ведущее место в деятельности местного органа власти занимали производственные вопросы. Проблемы социальные решались в последнюю очередь. Из района поступало все больше и больше директив и постановлений, подлежащих неукоснительному и незамедлительному выполнению, часто без учета местных нужд и условий. Председатель сельского Совета избирался лишь формально. На деле депутатам необходимо было лишь проголосовать за кандидатуру, рекомендованную райкомом партии и райисполкомом. С 1944 по 1960 годы руководителями сельского Совета были А. В. Швец (дважды), В. В. Медведенко, П. М. Мухин, Н. Р. Ковалев, Н. К. Лысенко (дважды), Г. С. Константинов (дважды), И. Т. Петков.

Авторитет сельского Совета как органа местной власти еще больше упал после укрупнения колхозов. Председатели колхозов сосредоточили в своих руках значительные материальные, финансовые и людские ресурсы и стали фактическими хозяевами на селе. Именно к ним шли на поклон директора школ, врачи, выбивать средства на ремонт и строительство зданий, покупку необходимого оборудования.

В пятидесятые годы парканские колхозы внесли большой вклад в благоустройство села. К концу 1957 года было проложено три километра водопроводной линии и установлено тридцать водопроводных колонок на улицах села, что обеспечивало водой более четырехсот домов. Были осушены болотистые места около семилетней школы № 1 и по улице Чехова. К 1 августа 1958 года были электрифицированы все общественные здания, начавшаяся электрификация домов сельских жителей, было радиофицировано более 1800 домов. На месте старого кладбища был построен сельский стадион. В 1959 году распахнул свои лвери новый Дом культуры.

Открытие парканской больницы имеет большую предысторию. Пригородное положение села долгое время не способствовало открытию в нем стационарной больницы. До революции село обслуживал один фельдшер. С серьезными заболеваниями парканцы обращались в Бендеры и Тирасполь.

В первые годы Советской власти в Парканах была открыта амбулатория. Но работавшие в ней врачи часто менялись, жили в основном в Тирасполе. Поэтому со всеми своими бедами

парканцы обращались, как правило, к местным фельдшерам. Пройдя курсы военных фельдшеров, Николай Филиппович Дымов и Кирилл Георгиевич Добров имели за спиной суровую практику первой мировой войны. Вернувшись домой в 1918 году, они начали самостоятельно лечить парканцев, решались даже на сложные хирургические операции. Не одного жителя парканские фельдшеры спасли от смерти во время свирепого тифа в 1921—1922 гг. «Когда отец привез меня к К. Г. Доброму, — вспоминает К. С. Обручков, — я бредил. Меня раздели, натерли чесноком. Вылечили! Хорошим человеком был фельдшер. Словами вылечит». Так же тепло отзываются старожилы о Н. Ф. Дымове. Оба парканских фельдшера были репрессированы в 1938 году.

Уже до войны в Парканах ощущалась острая необходимость лечебного стационара. В 1938 году вместо неприспособленных колхозных хат-родилок был открыт родильный дом. Первой заведующей родильным домом стала М. Д. Кирова (по мужу Ганчева), после войны роддомом долгое время заведовала М. Г. Сосна.

После войны много усилий приложила для открытия больницы заведующая амбулаторией Т. Я. Марьянская. В 1953 году в Парканах была открыта участковая больница на 20 коек с лабораторией и зубным кабинетом.

В эти годы село значительно выросло. Его деление на кварталы доставляло все большие неудобства. 5 июля 1949 года сельский Совет принял решение установить названия улиц и нумерацию домов. Переход на новую систему занял несколько лет. Читателю, видимо, будет интересно знать первоначальные названия улиц. В апреле 1952 года они имели следующие названия: Садовая, Димитрова, Благоева, Сталина (ныне ул. Мира), Лазо, Энгельса, Маркса, Степная (затем Жданова, ныне Русакова), Гоголя, Шевченко, Малenkova (ныне П. Николаева), Мичурина, Лысенко (ныне Романенко), Ленина, Коммунистическая, Молотова (ныне Пушкина), Комсомольская, Кагановича (ныне Калинина), Котовского, Ворошилова, Фрунзе, Чкалова, Чехова, Тираспольское шоссе, Пионерская¹³. В 1956 году новым застроенным улицам были даны названия Чапаева, Свердлова и Горького.

За суетой нынешних дней современные парканцы уже и не обращают внимания на то, что село полностью газифицировано, телефонизировано. Водопровод имеется в каждом дворе. Все улицы заасфальтированы или покрыты гравием.

За послевоенные годы значительно выросло благосостояние

парканцев. Приведу лишь некоторые данные о наличии у селян предметов долговременного пользования.

Год	авто- машин	мото-циклов	вело-сипедов	теле-визоров
1964	30	200	2000	104
1970	80	284	—	1345
1973	330	530	—	—
1995	1540	492	—	—

События последнего десятилетия заметно отразились на жизни парканцев. Однако серьезный анализ происходящих процессов, видимо, давать преждевременно.

Х. ПАРКАНСКАЯ ШКОЛА В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

В споре убежденных сторонников и столь же настойчивых противников социально-экономического уклада, установившегося после 1917 года, пожалуй, достижения лишь в одной области являются несомненными. Это успехи народного образования за годы Советской власти. Никогда до Октябрьской революции широкие массы всех слоев общества не получали такого свободного доступа к бесплатному просвещению. Преимущества советской системы народного образования признаны всем миром. Ее сложное становление, с ошибочными теориями и неоправданными экспериментами, заняло несколько десятилетий.

В советское время сотни парканцев стали учеными, учительями, врачами, инженерами, руководителями учреждений, предприятий промышленности и сельского хозяйства, профессиональными военными.

Становление новых принципов народного образования проходило не на пустом месте. Еще в начале нашего столетия царское правительство предприняло первые шаги на пути ко всеобщему начальному образованию. Хорошо была развита система подготовки учительских кадров, укреплялась материальная база начальных школ. Построенные в Парках незадолго до революции здания земских школ и старые добрые постройки церковно-приходских школ послужили еще нескольким поколениям парканцев.

Долгое время после 1917 года основной костяк педагогических кадров советских школ составляли учителя-земцы с довоенным педагогическим стажем и молодые бывшие гимназистки, пришедшие на смену мобилизованным на фронты первой мировой войны учителям-мужчинам.

Как и всюду, в годы гражданской войны парканские школы переживали нелегкие времена. В условиях начавшегося хаоса и безвластия резко упала посещаемость. На 15 декабря 1916 года в двух земских и двух церковно-приходских школах обучались 679 учеников. На 15 декабря 1917 года — всего лишь 374¹.

Волостное и сельское правления до прихода Советской вла-

сти продолжали следить за состоянием школ, их ремонтом и подготовкой к отопительному сезону. В годы гражданской войны, несмотря на тяжелейшие условия, учительские кадры в Парканах сохранились, и ни одна школа не была закрыта из-за отсутствия учителей.

**Список
парканских учителей по состоянию на 1 января 1919 года**

Начальная школа № 1 (бывшая земская № 1)

1. Бадюл Екатерина Петровна
2. Тихонова Ольга Яковлевна

Начальная школа № 2 (бывшая земская № 2)

1. Мартыненко Нина Соломоновна
2. Бельская Елена Яковлевна

**Начальная школа № 3
(бывшая церковно-приходская для девочек)**

1. Новицкий Иван Яковлевич
2. Малашли Любовь Дмитриевна

**Начальная школа № 4
(бывшая церковно-приходская для мальчиков)**

1. Рейхардт Ольга Константиновна
2. Митов Николай Николаевич

Военное лихолетье затронуло и учителей. Их некогда солидного жалованья в условиях безудержного роста цен еле хватало на несколько булок хлеба в месяц. Овдовев, надрывалась из последних сил и растила сына самая опытная парканская учительница Е. П. Бадюл. Еще с гимназических лет она начала учительствовать Н. С. Мартыненко. В годы войны она потеряла мужа и осталась с двумя детьми. В Парканах работала с 1915 года. В 1920 году уехала в Осиповку. Вместо нее стала работать Мария Ивановна Георгиева, прибывшая с мужем в числе бессарабских беженцев.

Первый местный учитель Н. И. Митов дал хорошее образование своим сыновьям. Все они стали учителями и агрономами. Наиболее заметный след на учительском поприще оставил

николай Николаевич Митов. Он родился 2 августа 1886 года. Окончил Херсонскую учительскую семинарию. В 1906 году арестовывался за политическую работу в Херсоне. Прежде чем вернуться в Парканы, Н. Н. Митов учительствовал в ряде школ Тираспольского уезда. Затем воевал на Румынском фронте в звании подпоручика. Демобилизовался в 1917 году, работал в селе Реймаровка. Уже имея за плечами солидный педагогический стаж, с 1 сентября 1918 года стал работать в Парканах. Даже сухие, скучные на похвалу официальные документы показывают, что Н. Н. Митов был незаурядной личностью, Учителем с большой буквы. Об этом в один голос свидетельствуют старожилы; и немногие оставшиеся в живых работавшие с ним учителя.

В 1920 году Н. Н. Митов стал заведовать школой № 1 и заодно руководил парканским волостным отделом народного образования. Новые власти по достоинству оценили его педагогические и организаторские способности. Когда в августе 1921 года одесский губернский военкомат призвал Н. Н. Митова на военную службу, уездный исполнком сделал все возможное, чтобы вернуть его как можно быстрее в школу. «С его уходом ународиз (уездный отдел народного образования — Г. А.) лишился одного из лучших и опытных школьных работников»², — отмечалось в ходатайстве исполнкома. Благодаря вмешательству уездного комитета партии Н. Н. Митов был отозван из рядов Красной Армии, но в Парканы он не вернулся. В личной жизни тридцатипятилетнего учителя происходят большие перемены. Женившись на учительнице Л. М. Добровольской, он временно уехал к ее месту работы, в село созвучным названием Паркановка. Вскоре вернувшись, Н. Н. Митов проработал в Парканах до конца двадцатых годов заведующим школой, затем переехал на постоянное место жительства в Тирасполь. И там Николай Николаевич — в числе лучших учителей города. «Товарищ Митов в своей работе в школе отмечается необычайной аккуратностью и точностью в подходе к ученикам, чуткостью и вдумчивостью»³, — написано в его характеристике за 1938 год.

Старший брат Н. Н. Митова Павел также закончил Херсонскую учительскую семинарию и был в числе лучших учителей Тираспольского уезда. Первую мировую войну закончил поручиком. После революции работал в уездном отделе народного образования. Неоднократно преследовался за то, что небольшой период времени служил в Деникинской армии. В 1921 году вернулся работать в М. Захарьевку, где учительствовал до революции.

С приходом Советской власти в Приднестровье началась реформа народного образования. Земские, церковно-приходские и другие учебные заведения были сведены в «единую советскую трудовую школу». На учебном процессе не могли не сказаться начавшиеся эксперименты в методике преподавания, в организации школьного дела, и в первую очередь — перевод школ на «самоокупаемость». Это означало полное прекращение дотаций государства начальным школам. Школы объявлялись «договорными». Каждая из них обязана была заключить договор с местной властью об условиях своей деятельности⁴. В условиях хозяйственной разрухи и неокрепших местных органов власти это означало смертный приговор для школ. Весной 1922 года Тираспольский уездный отдел народного образования доложивал о критическом состоянии школ: «Занятия в уезде с наступлением весенних работ прекратились»⁵. Видя неразбериху в школе, крестьяне все чаще не пускали детей на занятия и привлекали их к работам в своем хозяйстве.

Большое неудовольствие парканцев вызвала отмена преподавания Закона Божьего в школе. Новый заведующий школой № 1 С. С. Сайчук считал это одной из главных причин низкой посещаемости уроков⁶. Многие состоятельные крестьяне стали брать для своих детей уроки у священнослужителей.

Ведущее место в начавшемся национально-культурном строительстве и политике «болгаризации» отводилось школам. Вопрос о необходимости преподавания на болгарском языке поднимался не только вышестоящим начальством, но и многими преподавателями-болгарами. В отличие от партийных и советских работников, учителя настаивали на необходимости обучения детей на их родном языке. В наше время, когда для всех парканских болгар русский язык стал вторым родным языком, такой факт может показаться странным. Но в начале двадцатых годов языковой барьер серьезно ощущался, что мешало усвоению материала. Даже в начале тридцатых годов дети высланных в Сибирь и на Урал «кулаков» в своем большинстве не могли продолжить учебу из-за незнания русского языка. Болгарин по национальности, преподаватель С. С. Сайчук подчеркивал, что родным языком парканских школьников является болгарский. «Преподавание ведется наполовину на русском и болгарском языках для объяснения неясных понятий»⁷, — сообщал учитель в уездный партийный комитет о причинах использования болгарского языка на уроках.

После принятия решений о создании национальных районов и национальных сельских Советов в Парканы приезжает ряд учителей, владеющих болгарским языком. Одной из первых

прибыла в село Прасковья Рафаиловна Сукман, потомственная учительница. Ее отец Р. Сукман после окончания Комратского центрального училища работал в школах Бендерского уезда⁸. Р. Сукман учительствовала с 1915 года. После революции и гражданской войны оказалась в Парканах. Здесь она познакомилась с человеком, который впоследствии стал ее мужем — Стоименом Спасовым. Прибывший из Болгарии в конце 1923 года, политэмигрант С. Спасов стал душой парканского учительского общества. Его энергия и оптимизм вселяли уверенность в остальных учителей. Благодаря настойчивости С. Спасова, начался процесс перевода преподавания всех предметов на болгарский язык. Доходчивость и в то же время увлекательность отличали уроки этого преподавателя. До сих пор старожилы вспоминают стихи и песенки на болгарском языке, которым в свое время их научил С. Спасов.

Переход к преподаванию на родном языке занял несколько лет. Болгаризация школы явно носила политическую и атеистическую окраску, что вселяло недоверие части крестьян к новым учителям и отражалось на посещаемости занятий. Кроме того, школы были перегружены, а учителей не хватало. Часть крестьян, заинтересованных в том, чтобы дать образование своим детям, все чаще прибегала к услугам частных учителей⁹.

Количество преподавателей в парканских школах заметно выросло в конце двадцатых — начале тридцатых годов. В 1928 году после окончания совпартшколы прибыла А. С. Алloydова. После нескольких лет работы в сельсовете перешел в школу Г. Ф. Инсаров. Солидный дореволюционный багаж образования (гимназия, затем учительская семинария) позволил ему без скобых хлопот сдать экстерном экзамены на звание учителя¹⁰. Начала свою педагогическую деятельность и его жена Н. Ф. Инсарова. Отец Нины Федоровны Ф. Н. Матвеенко дал дочери хорошее гимназическое образование. Закончив коммунистический университет национальных меньшинств, в 1932 году получил направление в Парканы болгарский политэмигрант С. К. Ангелов.

Большую роль в подготовке болгарских учительских кадров сыграл Преславский педагогический техникум, открытый в 1924 году. В начале тридцатых годов в Парканы прибыла первая группа его выпускников: П. И. Киосев, В. М. Мильчевский, С. М. Макриев, М. С. Неделкова, Г. Г. Соломонов, Н. И. Стоянова.

С пятидцати лет в 1930 году начала учительствовать в Парканах Наталья Ивановна Стоянова (девичья фамилия Степанова), уроженка с. Красновка Новоукраинского района Одес-

ской области. Проработав три года, она поступила в Одесский педагогический институт и после его окончания в 1936 году вернулась в Парканы. В институте вышла замуж за студента Гаврила Савельевича Стоянова. В 1938 году, после окончания пединститута, Г. С. Стоянов тоже приехал в Парканы — еще один прекрасный учитель и необычайной души человек.

В начале тридцатых годов в село прибыли также Д. П. и Е. А. Главчевы, П. Д. Амиров, И. П. Парапанов. Такой значительный «десант» в парканские школы не замедлил сказаться на качестве преподавания и посещаемости школ. На базе бывших церковно-приходских школ была открыта семилетка. Пришедшие учителя смогли привить у значительной части парканской молодежи неодолимую тягу к знаниям. Десятки юношей и девушек после окончания семилетней школы поступили в средние и высшие учебные заведения. Григорий Григорьевич Обручков после окончания Одесского пединститута стал преподавать в Одесском педагогическом техникуме. По его стопам пошли учиться и стали учителями его братья Пантелея, Василий и Федор. Все больше в селе появляется учителей — уроженцев Паркан: Н. Н. Добров, А. И. Проданов, Ф. К. Пельтек, Ф. И. Неделков, В. Т. Градинар, И. Г. Николаев, М. И. Гайдаржи и другие. Один из первых выпускников семилетки, И. И. Мокан, в 1933 году поступил в Одесский институт народного хозяйства, впоследствии стал профессором, доктором экономических наук, ряд лет возглавлял экономический факультет Кишиневского госуниверситета.

Открывшейся семилетке катастрофически не хватало помещений. Озабоченный другими проблемами, сельский Совет в начале тридцатых годов фактически отвернулся от школьных нужд. Учителя работали в невероятно тяжелых условиях. Помещения не отапливались, ремонт не производился. Прибывшие учителя испытывали серьезные жилищные неудобства, ютились в маленьких комнатах по несколько человек. Педагогов часто привлекали к несвойственной им деятельности: агитации за вступление в колхозы, участию в раскулачиваниях и т. д. Школа все больше превращалась в аппарат идеологического воздействия.

В то же время партийные органы стали больше внимания уделять идеологической подготовке учителей, их классовому происхождению. За выходцами из раскулаченных семей был установлен негласный контроль. К примеру, в августе 1930 года из Тирасполя в парканскую партийную организацию пришло предупреждение: «Учителя Главчева, Кальцев (в других документах Калчев — Г. А.) Киосев, Парапанов — сыны лишен-

цев (лишенных избирательных прав — Г. А.) и могут проводить антиколлективную работу среди учеников»¹¹.

Раскулачивание, коллективизация, голод, начавшиеся поиски подозрительных «классовождых элементов» не могли не отразиться на морально-психологической атмосфере в педагогических коллективах. И без того нелегкие материально-бытовые условия жизни учителей и условия их работы значительно ухудшились осенью 1932 года. Несмотря на неоднократные заявления сельского Совета парканские школы не были обеспечены топливом на зимний период 1932/1933 учебного года, а не местным учителям так и не были предоставлены более приемлемые помещения для проживания. С самого начала учебного года начались задержки учительской зарплаты и выдачи продовольственных пайков. Молодые учителя, большинству из которых не исполнилось и двадцати пяти лет, приходили на работу голодными и прдорогшими. Среди них зародилась идея протеста против невыносимых условий работы. Учитель В. М. Мильтевский несколько раз на профсоюзных собраниях и педсоветах заявлял, что «партия и Советская власть всех обманывают и ничего не дают, а потому и ей ничего не надо давать»¹².

11 декабря 1932 года молодые учителя семилетней школы объявили забастовку и не вышли на работу. В ряде классов занятия были сорваны. Тираспольский райком партии дал политическую оценку забастовке учителей: «В парканский педагогический коллектив проникла группа вражеских элементов, сынов кулаков, которые открыто занимались организацией саботажа»¹³.

Несмотря на то, что все требования учителей были признаны справедливыми, а руководство села и районного отдела народного образования за свое бездушие сурово наказано, инициаторы забастовки В. М. Мильтевский, П. И. Киосев, И. И. Калчев были немедленно отстранены от занятий. Началась чистка учительского состава. В 1933 и 1934 годах парканские школы покинули Д. П. и Е. А. Главчевы, П. Д. Амиров, А. С. Алloydова, под угрозой увольнения оказалась Н. Ф. Инсарова как «дочь кулака». К тому же С. Спасов и его супруга П. Р. Сукман были приглашены в Одессу в качестве преподавателей болгарского педагогического техникума, открытого на базе Преславского педтехникума. Появилась реальная угроза закрытия семилетней школы.

Тираспольский РОНО и райком партии обратились за экстренной помощью к руководству МАССР¹⁴. Не в лучшем положении оказались и парканские четырехлетки, где и до событий зимы 1933 года не хватало учителей. Вопрос с паркан-

скими школами решался на уровне наркомата просвещения Украинской ССР. Были принятые самые экстренные меры для пополнения педагогических коллективов. Для выпускников 1933, а затем и 1934 годов при семилетней школе были открыты двухмесячные курсы подготовки учителей начальных классов. Пятнадцатилетними девочками К. Д. Калина, М. И. Гайдаржи, А. А. Обручкова еще в четвертой четверти, не закончив семилетку, стали слушательницами курсов, и уже 1 сентября 1934 года с волнением начали свои первые уроки. Н. Н. Вербанов после окончания семилетки поступил в Одесский педагогический институт. В августе 1934 года он был отозван и после окончания педкурсов в Парканах стал работать в школе. Илья Иванович Мокан был направлен на аналогичные курсы в Одессу и в том же 1934 году пополнил ряды парканских учителей.

Часть выпускников семилетки была направлена на учебу в Одесский педагогический институт. Выпускники начальных четырехлетних школ С. Т. Добров, В. Т. Градинар и И. П. Чмиль поступили на открытый в с. Благоево рабфак для подготовки болгарской молодежи к вступительным экзаменам в институт.

Из Преславского педагогического техникума была направлена новая большая группа выпускников. В. П. Неткова даже не успела закончить последний курс, и в октябре была приглашена на работу в Парканы. Второе кардинальное обновление парканских школ закончилось в основном к 1936 году. На базе семилетней школы была открыта десятилетняя.

Список учителей парканских школ в 1937/1938 учебном году

Средняя школа № 1

1. Гершкович Григорий Монсеевич — директор школы, преподаватель химии и биологии.
2. Николаев Иван Григорьевич — заведующий учебной частью, преподаватель физики.
3. Вольчева Мария Прокофьевна (по мужу Николаева) — преподаватель болгарского языка.
4. Стоянов Михаил Григорьевич — преподаватель истории.
5. Грудогло Алексей Иванович — преподаватель физкультуры.
6. Ганчев Михаил Васильевич — преподаватель математики.

7. Степанова Наталья Ивановна (по мужу Стоянова) — преподаватель болгарского языка.
8. Смаковский Василий Иванович — преподаватель русского языка.
9. Варбанец Николай Иванович — преподаватель математики.
10. Добров Николай Николаевич — преподаватель математики и черчения.
11. Соломонов Гавриил Григорьевич — преподаватель ботаники.
12. Тамбовцев Иван Афанасьевич — преподаватель немецкого языка.
13. Коновалова Любовь Васильевна — преподаватель английского языка.
14. Стоев Петр Дмитриевич — преподаватель трудового обучения.
15. Загарий Иван Дмитриевич — преподаватель географии.
16. Вербанов Семен Андреевич — преподаватель физики и математики.

Учителя начальных классов

17. Кюсев Петр Иванович
18. Макриев Семен Михайлович
19. Карионов Иван Алексеевич
20. Зайков Михаил Павлович
21. Диковченко Дмитрий Иванович
22. Инсарова Нина Федоровна
23. Константинов Георгий Семенович
24. Брыкульская Таисия Григорьевна.

Начальная школа № 2

1. Макриева Зинаида Михайловна — заведующая школой.
2. Гочунский Иван Константинович
3. Жечкова Ирина Михайловна
4. Николаев Дмитрий Игнатьевич
5. Неделков Дмитрий Иванович
6. Неделкова Мария Степановна.

Начальная школа № 3

1. Инсаров Георгий Филиппович — заведующий школой.
2. Буяклу Степан Георгиевич

3. Парапанов Николай Петрович
4. Биберова Любовь Федоровна.

Начальная школа № 4

1. Мильчевский Василий Михайлович — заведующий школой.
2. Мильчевская Прасковья Афанасьевна
3. Смоков Григорий Григорьевич
4. Мокан Илья Иванович
5. Вербанов Николай Николаевич
6. Проданов Александр Иванович
7. Неткова Вера Пантелеевна¹⁵.

Новые учительские коллективы только начали формировать-ся. Средний возраст учителей не превышал двадцати трех лет. Большинство учителей были болгарской национальности. Но к этому времени изменилась государственная политика в отношении малых народов. Началось вытеснение болгарского языка из парканских школ. С 1936/1937 учебного года основным языком обучения стал русский. Болгарский остался в программах как «родной язык». Но в 1939/1940 году его изучение прекратилось.

Одной из причин отмены преподавания всех предметов на болгарском языке стал также и переход к десятилетнему образованию. Превратившись в среднюю, Парканная школа № 1 стала базовой для близлежащих сел. Юноши и девушки Терновки, Бычка, Красногорки и других сел, приехав в Парканы продолжить образование, естественно, болгарским языком не владели.

Открытие средней школы в Парках долгое время было под вопросом, в связи с тем что строительство нового двухэтажного здания затягивалось. Лишь угроза райисполкома перевести среднюю школу в Малаешты подстегнула Парканский сельсовет¹⁶. После долгих лет проволочки в 1936 году новое школьное здание наконец-то было построено. Ныне это здание школы-интерната.

К концу тридцатых годов заметно повысилось качество преподавания в школах. Увеличилось количество специалистов с высшим образованием. Многие учителя после окончания педагогического техникума продолжили свое образование на заочных отделениях Одесского и Тираспольского педагогических институтов.

Идеологический пресс, политические репрессии и атмосфера всеобщей подозрительности не могли обойти школу стороной.

Дети — зеркало души нашей. Не задумываясь о последствиях, они громко обсуждали в школе то, о чем взрослые предпочитали говорить шепотом, не подозревая, что и за ними установлена слежка. Любые проступки, анекдоты, реплики по политическим вопросам становились достоянием райкома партии и органов НКВД.

После школьного спектакля на злобу дня, о фашистском перевороте в Германии зимой 1933 года, появилась новая детская шалость: ученики 6—7 классов стали где попало рисовать фашистскую свастику. Этот эпизод был расценен как «факт антиролетарской идеологии»¹⁷. Ученик С. Добров был исключен из школы, И. Салабаш, И. Дементиенко и И. Петков отделались вызовом родителей. 14 февраля 1935 года «ученик Ф. Добров заявил: «Наверное, жиды у нас хлеб забрали, а весной мы опять будем голодать»¹⁸. На основании этого высказывания райком партии сделал вывод о проявлениях антисемитизма в парканских школах.

Парканские учителя тоже стали жертвами репрессий. Как правило, им выдвигались обвинения в антисоветской пропаганде. Теоретические споры учителя истории М. Г. Стоянова с начальником заставы закончились арестом учителя и расстрелом. Органы НКВД вспомнили участие в забастовке и «кулацкое происхождение» вернувшихся в школу П. И. Киосева и В. М. Мильчевского. К этим обвинениям добавилась «антисоветская агитация». Тихо и неожиданно для всех исчез в застенках И. А. Каюнов, которого, казалось, и не за что было арестовывать. За «связь с врагом народа» И. И. Продановым был арестован его брат — учитель химии А. И. Проданов. Бессарабское происхождение Г. Ф. Инсарова уже предопределило его судьбу. К этому серьезному «аргументу» добавилось обвинение в антисоветской агитации и вредительстве. Талантливый и вдумчивый учитель решил создать класс выравнивания, чтобы подтянуть неуспевающих. «В Парканской школе № 1 Инсаров, враг народа, комплектовал 5-й класс «В» из отстающих учеников, что давало тридцать процентов неуспеваемости»¹⁹, — сообщалось в сводке райкома партии. Расплата за эксперимент — десять лет высылки с правом переписки. Много учреждений обошла его супруга Н. Ф. Инсарова, добиваясь свидания с мужем и пересмотра дела. Наконец добилась своего. Г. Ф. Инсарова привезли в Тирасполь. Перед бедной женщиной предстал совершенно другой человек. Худой, сгорбленный, вся голова в шрамах от ударов рукояткой пистолета по голове. Итог пересмотра дела печальный. Г. Ф. Инсарова вернули на Север. С началом войны переписка пре-

кратилась. В деле по реабилитации сообщалось, что парканский учитель умер 8 мая 1942 года.

Еще неокрепшие учительские коллективы окончательно распались в начале Великой Отечественной войны. Одни учителя погибли на фронте, другие — выходцы из болгарских сел Украины — большей частью не вернулись в Парканы. Но в годы немецко-румынской оккупации школы продолжали работать. Администрация Транснистрии посчитала ненужным сельским детям иметь десятилетнее образование, и средняя школа была закрыта. В трех начальных школах в 1942 году работало семнадцать учителей с охватом 534 учеников²⁰.

Румынская администрация помимо обычных дисциплин ввела ежедневное преподавание религии и румынского языка. Каждый урок должен был начинаться и заканчиваться здравицами в честь румынского короля и кондукторула Антонеску. Вводились ежедневные политические информации «об успехах румынско-германских армий в борьбе с большевизмом», которые должны были заканчиваться «пением с любовью гимнов Румынии и Германии»²¹.

Занятия в 1941 и 1942 годах проводились нерегулярно. С наступлением зимних холодов школа закрывалась. Преподавателями были в основном те местные учителя, которые не успели эвакуироваться. Нужно отдать должное парканским учителям, которые в тяжелых условиях, под бдительным оком оккупационных властей сумели наладить учебный процесс и дать начальное образование детям военной поры.

Список учителей парканских школ на 22 октября 1941 года

Школа № 1

1. Обручков Михаил Григорьевич
2. Узун Григорий Давидович
3. Голубова Надежда Владимировна
4. Вербанов Дмитрий
5. Лукач Елизавета
6. Станилевич Иван
7. Избаш Григорий Константинович.

Школа № 2

1. Николаев Федор Дмитриевич
2. Карназ Павел

3. Николаев Петр
4. Обручкова Анна Федоровна
5. Калина Клавдия Дмитриевна.

Школа № 3

1. Дулапчи Николай Ильич
2. Добров Николай
3. Вербанов Григорий Андреевич
4. Стоянов Федор
5. Малашли Любовь Дмитриевна²².

Учительский состав не был постоянным. При первом же подозрении в нелояльности к властям увольняли.

Весной 1944 года парканские учителя пополнили ряды Красной Армии. Перед сельскими школами снова стала проблема педагогических кадров. Десять юных выпускниц педагогического училища в г. Юрьев-Польский Владимирской области Российской Федерации уже в августе 1944 года были направлены в Тираспольский район, из них пять получили распределение в Парканы. Большинство из девчат впервые в жизни ехали в поезде. Добирались на переполненных пригородных поездах, в теплушках, а порой и на открытых платформах. Все везли с собой: и подушки, и одеяла, и посуду. А за окнами вагонов мелькали только что освобожденные разрушенные украинские города и села. 24 августа 1944 года выпускницы педучилища прибыли в Раздельную. Комендант станции погрузил их на платформу с углем и отправил в Тирасполь. Лишь 27 августа в городе появились гражданские учреждения, и девушки пришли в ГорОНО. 28 августа из Паркан сельсовет прислал подводу, и пятеро девчат, загрузив свой нехитрый скарб,бросив туфельки, босиком по горячей пыли, пошли в неведомое для них болгарское село.

Впоследствии двое из выпускниц Юрьев-Польского педучилища, Н. И. Чмиль и Т. С. Римская, навсегда связали свою жизнь с Парканами. Тамара Степановна Римская первой среди парканских учителей получила высокое звание заслуженного учителя Молдавской ССР, отмечена рядом правительственные наград.

Из различных педагогических училищ и вузов России и Украины в течение первых четырех послевоенных лет прибыло более двадцати учителей старших и начальных классов. Вернулись к своей обычной работе бывшие фронтовики и работавшие в эвакуации.

Первый послевоенный учебный год начался на полтора месяца позже обычного. Отложив в сторону учебники и классные журналы, учителя взяли в руки строительные инструменты и занялись ремонтом полуразрушенных школьных зданий.

Много забот было у учителей послевоенной поры. Одна из первых — наладить нормальную работу школ. В связи с отсутствием рабочих рук многие родители не отпускали детей в школу. Не отказывались от детского труда и председатели колхозов. В одной лишь средней школе в 1945/1946 учебном году не посещали уроков 150 детей. Особенно резко снижалась посещаемость в период весенних и осенних работ в садах и в поле. На заседании парканского сельского Совета 27 апреля 1945 года состоялся серьезный разговор с руководителями хозяйств. Ряд бригадиров и председателей колхозов были оштрафованы за привлечение детей на работы, одно дело стало достоянием прокуратуры. Сельский Совет строго предупредил родителей об отправке детей в школы²³.

Как и в предвоенные годы, вложения в школьное образование осуществлялись по остаточному принципу. Затянулся ремонт школы № 2, наиболее пострадавшей от бомбёзек. Материально-бытовые условия прибывших учителей были ниже всякой критики. Такое положение с учительским бытом сложилось в основном по всей стране. Было принято специальное постановление Совета Министров СССР от 10 февраля 1948 года. Откликнувшись на него, сельсовет принял решение о строительстве домов для учителей, но эта резолюция осталась лишь на бумаге.

Несмотря на трудности, учителя полностью отдавали себя обучению и воспитанию детей. После войны расцвел педагогический талант супружеской пары Узун. Выпускники болгарского отдела Одесского пединститута, Григорий Давыдович и Евдокия Ананьевна Узун, проработали несколько лет в Катаржине, а затем, в 1938 году, приехали в Парканы. Долгие годы молодые учителя ощущали на себе недоверчивые взгляды власти предержащих. Фронтовые заслуги Г. Д. Узуна не защитили его от надуманных обвинений в сотрудничестве с румынскими властями (работа в школе в 1941—1944 годах в оккупированных Паркахах). Дочь священника старообрядческой церкви с. Плоское, Евдокия Ананьевна, рано потеряла родителей. Ее удочерили известный в Одесской области партийный работник А. Волков, болгарин по национальности. Но в 1937 году судьба снова обошлась жестоко: отчим был репрессирован.

В парканских школах всегда были сильные учителя математики, но уроки Г. Д. Узуна отличались высочайшим мастер-

ством. Природа всегда щедра к талантливым людям. Григорий Давыдович прекрасно пел и долгие годы возглавлял школьный хор.

Учительница истории Е. А. Узун наладила кружковую работу. Именно ей парканцы обязаны первыми успехами в краеведении. За свой вклад в дело народного образования Е. А. Узун была награждена орденом Трудового Красного знамени.

В начале пятидесятых годов число детей школьного возраста резко выросло. В 1952 году в селе работала одна средняя, одна семилетняя и одна начальная школа, тоже вскоре преобразованная в семилетку. Учебой было охвачено 1300 ребят²⁴. Назрела насущная необходимость в строительстве новых школьных зданий. Однако действенной помощи, тем более срочной — учителям, ждать было неоткуда. Директорам школ И. Г. Николаеву, М. В. Ганчеву и В. Т. Градинарю приходилось больше заниматься строительными вопросами, нежели организацией учебно-воспитательного процесса. Хозяйственным способом до-страивались все новые и новые классные комнаты, выискивались и нанимались дома у местных жителей для переоборудования их в классы и для квартирования приезжих учеников.

В 1956 году в жизни парканских школ произошло знаменательное событие. В связи с наличием большого числа детей-сирот, лишившихся родителей в годы войны, ЦК КПСС и Совет Министров СССР 15 сентября 1956 года приняли совместное постановление «Об организации школ-интернатов». Еще в преддверии постановления, 1 сентября того же года, в Молдавской ССР были открыты четыре таких интерната: два в Кишиневе, один в Комрате и один в Парканах²⁵. Сотням детей-сирот из Паркан и других сел левобережных районов МССР был оказан максимум внимания. В течение нескольких лет была создана солидная материальная база: построены общежития, производственные мастерские. В этом немалая заслуга первого директора школы-интерната И. Г. Николаева.

Парканская школа-интернат долгое время считалась одной из лучших в МССР. На ее базе проводились республиканские семинары, показательные занятия и т. д. Первый директор школы-интерната И. Г. Николаев был награжден орденом Трудового Красного знамени. «Трудные» подростки поступали сюда не только из Приднестровья, но и из других регионов республики. Сотни юных ребят с трудным детством стали в дальнейшем первоклассными специалистами, просто хорошими людьми и с благодарностью вспоминают годы, проведенные в Паркахах.

Однако открытие нового специального школьного учрежде-

ния именно в Парканах отвлекло внимание от нужд других школ и имело серьезные отрицательные последствия. Здание средней школы было передано школе-интернату, а сама десятилетка получила четырехклассное здание при потребности восемнадцати классов. И снова начался наем частных домов, для ста с лишним детей из других сел подыскивались квартиры. Строительство нового здания для средней школы не планировалось.

На заседании сельсовета 20 августа 1957 года директор средней школы М. В. Ганчев довольно резко высказался в адрес местных властей, которые не только медлили со строительством, но и мешали в деле найма квартир: «Вместо того чтобы помочь подыскивать квартиры, сельсовет облагает квартиросдатчиков подоходным налогом, и теперь квартиру снять трудно»²⁶. Настойчивость учителей дала определенные результаты. К 1960 году к зданию средней школы было пристроено двенадцать классных комнат. Но даже такая солидная прибавка не снимала остроты проблемы. Лишь в 1965/1966 учебном году средняя школа перешла в новое двухэтажное здание по ул. Пушкина. Однако и этого здания не хватало. В 1969/1970 учебном году было закончено строительство большого типового здания средней школы.

Все годы становления парканских школ главным действующим лицом оставался учитель. В 1967 году в четырех школах работало 170 учителей. Сложились стабильные, со своими традициями, педагогические коллективы, воспитавшие не одно поколение молодых парканцев.

Велик соблазн рассказать побольше о парканских учителях. Но обо всех не расскажешь. Видимо, у каждого читателя есть свой любимый Учитель, который остается в памяти на всю жизнь.

XI. ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА. ПАРКАНСКИЕ ТРАДИЦИИ

Коренные преобразования в материальной жизни общества после 1917 года предполагали также одновременные кардинальные перемены в сознании людей. Однако такая деликатная область социальной политики хуже поддавалась указам и запретам, а вводимые насспех, из-под палки, часто не продуманные новшества принимали порой уродливые формы и вызывали неприятие людей. В данном очерке хотелось бы проследить, как и какими путями менялось сознание людей, каковы результаты этих изменений. Вопрос сложнейший, и не все ответы найдешь в архивах. Не претендую на всеобъемлющее освещение вопроса. О некоторых традициях и особенностях парканской культуры упоминалось в аналогичном очерке в первой книге. Предлагаемый очерк — лишь продолжение и дополнение предыдущего.

1. РЕЛИГИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЖИЗНЬ ПАРКАНЦЕВ

С приходом Советской власти в Парканах открылись очаги новой культуры и идеологической работы: изба-читальня и сельбуд (укр. «сільський будинок») — сельский клуб. Два раза в месяц сельсовет и партячейка отчитывались о количестве проведенных митингов и прочитанных лекций. Организованные насспех и проводимые на самом примитивном уровне, они, как правило, имели минимальный эффект, а сельбуды в основном пустовали.

Своего главного соперника в борьбе за умы людей новые власти видели в церкви. Несмотря на развернутую безудержную атеистическую пропаганду, большинство парканцев продолжали исправно ходить в церковь и исполнять религиозные обряды. Отмена преподавания Закона Божьего привела лишь к тому, что парканцы перестали пускать детей в школу, а в тяжелые для церкви годы, когда начались открытые гонения, оказывали посильную помощь священникам. С 1 мая по 1 августа 1922 года в Тираспольском уезде проводилось изъятие

церковных ценностей под лозунгом «конфискации имущества у попов-мироедов для голодающих». Эта акция только усилила антисоветские настроения в приднестровских селах¹.

Своеобразный референдум в поддержку церкви состоялся в декабре 1925 года, когда на общем сходе села абсолютное большинство крестьян высказалось за предоставление земельного надела второму священнику Д. Я. Тихонову. Ссылаясь на то, что на сходе присутствует меньшая часть жителей, сельский Совет прошелся с протоколом собрания по селу для сбора подписей. Надежды сельсовета не сбылись. Крестьяне однозначно высказались в поддержку просьбы Д. Я. Тихонова. «Людям, перенесшим на плечах революцию (имеются в виду бессарабцы — Г. А.), парканское общество землю не дает, а дармоедам попам дает»², — так прокомментировала решение крестьян партийная ячейка.

На полученных двух с половиной десятинах земли парканский священник разбил хороший виноградник, привезя лучшие винные сорта из одесского питомника. С видимым удовольствием парканцы приходили к Д. Я. Тихонову, часто не как к духовному лицу, как к хорошему хозяину за советом и помощью.

Парканская церковь использовала любую возможность для усиления своего влияния на прихожан. Не раз резко высказывался в своих проповедях с критикой партийной политики Д. Я. Тихонов. В феврале 1925 года член партии В. И. Николаев, отдавая дань многовековым традициям и настойчивости родных, устроил пышную свадьбу с венчанием в церкви. Совершая обряд венчания, отец Дмитрий не преминул обратиться к собравшимся со словами: «Смотрите, вы говорите, что Бога нет. Но вот перед вами факт, когда заблудшая овца осознала, что Бог есть, каковая долгое время заблуждалась, а теперь явилась в храм Божий для искупления грехов своих»³.

Особое внимание парканские священники уделяли детям. Видимо, не последнюю роль в их помыслах сыграло искреннее сострадание, так как сотни детей после кровавых событий 1921 года остались сиротами. В начале 1926 года при церкви возник хоровой кружок⁴. Из дома в дом ходили священнослужители, убеждая крестьян присыпать своих детей на занятия. Руководил кружком дьяк Леонид Константинович Люминарский, человек, страстно увлеченный своим делом. Этую беззаветную любовь к хоровому пению ему удалось передать десяткам парканских мальчиков и девочек, юношей и девушек, которые с явным удовольствием посещали кружок. Его занятия проходили на высоком профессиональном уровне. Дети были

обучены нотной грамоте и могли петь гаммы, узнавать на слух ноты. При церкви имелись фисгармония и скрипка. Помимо церковных песнопений разучивались и исполнялись романсы и народные песни. Как правило, каждое занятие заканчивалось исполнением нескольких народных песен «для души», иак говорил Л. К. Люминарский. Занятиями в хоровом кружке было охвачено более ста детей, и проработал кружок до самого закрытия церкви в 1935 году. Партийная же организация видела в детском кружке лишь одно средство «для контрреволюционной агитации» и неоднократно ходатайствовала перед райкомом партии о его закрытии.

Борьба коммунистической партии за умы и души людей продолжалась еще ряд лет, и часто методы убеждения и агитации были не главным инструментом партийной и государственной политики. Не зря священник Д. Я. Тихонов оказался в первой группе раскулаченных в 1929 году. После его ареста и высылки другому священнику, престарелому С. Я. Делову, стало намного труднее противостоять напору местных властей и их стремлению во что бы то ни стало закрыть парканскую церковь.

В середине тридцатых годов в стране началось новое массированное наступление на религию и служителей культа. Была инсценирована кампания движения «воинствующих безбожников» со сбором подписей и осквернением святынь. Священники пополнили ряды узников сталинских лагерей. «В 1935 году органами НКВД по линии церковной контрреволюции на селе, — сообщалось в докладной записке Председателю ЦИК МАССР, — был проведен ряд оперативных мероприятий, связанных с репрессированием поповско-церковного актива»⁵. Из 305 церквей существовавших до революции на территории МАССР, к 1937 году было закрыто 267. Наибольшее количество церквей, в том числе и парканская, было закрыто в 1935 году — 134⁶. Последний представитель династии парканских священников Деловых отец Сергий остался без прихода, без жилья и без средств к существованию.

Несмотря на закрытие церкви, парканцы еще долгое время отмечали все религиозные праздники и соблюдали необходимые христианские обряды. Эпизод с венчанием В. И. Николаева был не случайным. И впоследствии многие парканские коммунисты вынуждены были уступать укоренившимся многовековым традициям: венчались в церкви, крестили своих детей, получая за это серьезные партийные взыскания. Даже в грозные 1937—1938 годы член партии П. М. Вербанов рискнул венчаться в церкви, а И. М. Николаев крестил своего ребенка.

До наших дней сохранились Пасха, родительская суббота, обряды крещения и отпевания.

Однако атеистическая пропаганда в последнее время сделала свое дело. Сохранившиеся церковные обряды — это скорее дань традициям, чем религиозные убеждения большинства парканцев.

* * *

Хранительницами религиозных обрядов выступали в первую очередь женщины. Они прежде всего настаивали на венчании в церкви, втайне от прозаседавшихся на собраниях мужей носили крестить детей, с вечера укладывали в корзины пасхальные куличи и уходили на праздничное богослужение.

В связи с этим представляется определенный интерес проследить, как изменялась роль женщины в парканском обществе в советское время. После революции, несмотря на усилия партийных и советских органов, женщине не удавалось вовлечь в общественную жизнь села. Парканские женщины по-прежнему являлись хранительницами домашнего очага и редко появлялись в общественных местах. Как и раньше, они не приходили на сходы села и даже отказывались участвовать в выборах. К примеру, в 1927 году из 1597 женщин, допущенных к голосованию, на выборы явились только 260. У мужчин на тех же выборах из 1379 пришло голосовать 1294⁷.

Для активизации женского движения в 1928 году в село была направлена выпускница совпаршколы А. С. Аллойдова. Ей удалось несколько оживить работу женского актива, но в первую очередь за счет недавно прибывших в село М. Сербовой, Е. Атанасовой, И. Дементиенко, Е. Плохой и других. Среди коренных парканок к общественной работе прежде всего подключились М. Н. Доброва и Е. М. Гайдаржи (Римская). Желая оживить женское движение в селе, райком партии поручил парканским коммунистам вовлечь своих жен в партию и на руководящую работу. Но и эта попытка не удалась. Принятые в 1930 году в партию Е. П. и А. Д. ни разу не явились на партийные собрания. 21 февраля 1931 года ячейка приняла постановление об их исключении, рекомендовав «точкарикам П. и Д. (сокращения мои — Г. А.) активнее заняться воспитанием своих жен»⁸.

Все же социальный статус парканских женщин в тридцатые годы претерпел серьезные изменения. И не столько в общественной жизни, сколько в семье. Сотни женщин в двадцатые

тридцатые годы или овдовели, или главы их семейств находились в тюрьмах. На жен и матерей ложились не только заботы по дому, но и некогда чисто мужские обязанности. Тут уж было не до прежней покорности и молчаливости.

Женщины сами стали решать свою судьбу. В документах народного суда все чаще встречаются бракоразводные дела — явление до революции в Парканах крайне редкое. Ну а в наши дни по количеству разводов село не уступает городскому уровню.

В те же тридцатые годы возникает и еще одно явление, казалось бы невозможное для парканских женщин — аборты. Прерывание беременности в те годы поощрялось государством. На многочисленных стройках, промышленных предприятиях и в колхозах в первую очередь требовалось рабочие руки. Создание большого числа малоприспособленных детских яслей, садов и площадок, поощрение абортов преследовали цель как можно быстрее вовлечь женщину в «общественно-полезный труд». В 1929 году Президиум ЦИК МАССР принял постановление «Об утверждении ставок за аборты». Члены КНС, батрачки, согласно этому постановлению, обслуживались бесплатно⁹.

И в Парканах аборты стали частым явлением. Многие молодые женщины даже не удосуживались ездить в тиравпольскую больницу, а пользовались услугами местной амбулатории, где врач К. производил аборты частным образом, беря за каждый случай до пятидесяти рублей, а то и хлебом¹⁰. Случались и факты смертельного исхода от проводимых примитивным способом операций.

* * *

Тридцатые годы характеризовались более настойчивой и продуманной идеологической работой партии и государства. От примитивных лекций и агиток они обратились к максимальному использованию средств массовой информации, всех современных средств идеологического воздействия.

Закрытая церковь была переоборудована под сельский клуб на 400 посадочных мест с библиотекой и спортзалом. Здание церкви претерпело большие изменения. Были оборудованы балкон на 70 мест, кинобудка, капитальная сцена с оркестровой ямой. В фойе вместо иконостаса теперь были вывешены портреты членов Политбюро.

В 1935 году в сельской библиотеке имелось восемь тысяч книг. Каждый год ее фонд пополнялся, причем книги на полках

иे залеживались. В селе была организована художественная самодеятельность. Сельсовет приобрел для клуба инструменты для духового оркестра. Молодежь стала проявлять активность в культурной и спортивной жизни села. Еще до войны парканские самодеятельные коллективы занимали первые места в районных конкурсах. Уже тогда были заложены волейбольные традиции Паркан. Сельская команда несколько раз получала переходящее Красное знамя за первое место в районе.

Избалованные сегодняшними достижениями научно-технического прогресса, мы теперь слабо представляем себе, какое влияние в тридцатые годы оказывали на людей такие мощные средства идеологического воздействия как кино и радио. Демонстрация кинофильмов на селе началась задолго до появления клуба в здании бывшей церковно-приходской школы. Кроме того, кинопередвижки приезжали в каждый из семи колхозов, где экраном обычно служила глухая белая стена правления.

Советское кино оказывало огромное влияние на молодое поколение и по своей мощи успешно заменяло десятки пустых лекций и нравоучений. Желая быть похожими на киногероев, молодые люди шли учиться, вербовались на комсомольские стройки и в военные училища, становились главной опорой социально-экономических преобразований на селе.

Такое же сильное воздействие оказывало на людей и радио. Радиоточки в Парках были установлены во всех общественных местах. Начальником открытого радиоузла был назначен И. Л. Падалка. В 1934 году в селе имелось пятьдесят шесть радиоточек. Уже тогда радиопередачи отличались разнообразием и высоким уровнем подготовки, хотя, конечно, имели прещельную идеологическую направленность, особенно со второй половины тридцатых годов. К примеру, с 1936 года начались трансляции с нашумевших политических процессов над «врагами Советской власти». Сотрудники радиокомитета МАССР получали строгие инструкции «во время процесса над троцкистами-зиновьевской бандой и после приговора давать только веселую музыку»¹¹. Вот так, под веселую музыку и торжественные марши, проходили миллионные репрессии тридцатых годов.

После Великой Отечественной войны была проведена полная радиофикация села. В 1957 году в Парках имелось 1200 радиоточек. Большим событием для села стало открытие в 1959 году нового Дома культуры. В нем были предусмотрены демонстрация широкоэкраных художественных фильмов и выступления больших профессиональных творческих коллективов. В Парки стали приезжать ведущие художественные ансам-

бли СССР и Молдовы, актеры театра и кино, артисты эстрады. Каждый такой концерт был событием для села и проходил в переполненном зале. Велась большая работа по развитию художественной самодеятельности. В различные годы духовой оркестр, оркестр народных инструментов, эстрадный ансамбль становились лауреатами различных региональных конкурсов. В конце шестидесятых годов работал самодеятельный театр, получивший звание народного. В 1964 году библиотека Дома культуры располагала фондом более 40 тысяч томов.

2. НЕИСТРЕБИМАЯ ТРАДИЦИЯ. ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ПАРКАНСКОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ

В Парках бытует молва о том, как в начале шестидесятых годов во время приезда в село очередного высокопоставленного партийного гостя ему показали несколько приусадебных хозяйств колхозников. Гость заглянул в богатые дома, пристройки, полные продуктами подвалы, покряхтел и глубокомысленно произнес: «Да-а, в этом селе коммунизма не построишь»...

Каждый раз изучая, а затем и описывая события довоенной и послевоенной поры, я чувствовал, что постоянно упускаю что-то очень важное. То, о чем нельзя не сказать. Без чего все написанное о Парках и о парканцах будет не полной правдой. Речь идет о давней и неистребимой в любых жизненных ситуациях традиции парканского предпринимательства.

В Парках это характерное для села явление называется «ездить в дорогу» («одам в път») с фруктами и овощами на рынки крупных городов за сотни километров от дома. Подобным торговым промыслом парканцы занимались и сто пятьдесят, и сто лет назад. Он был заложен с момента основания болгарской колонии. Близость к транспортным артериям способствовала развитию торгового промысла. Чаще всего парканцы ездили со своей продукцией. Бывало, подкупали овощи и фрукты на стороне. Запрягали волов (позже лошадей) и отправлялись в путь.

Все годы Советской власти были ознаменованы незатухающим стремлением парканцев «ездить в дорогу», продавать свою продукцию тому и там, кому и где было наиболее выгодно. Крестьян называли «торгашами», «спекулянтами», сурово наказывали, сажали в тюрьмы, но они настойчиво продолжали свой промысел, видя в нем главный источник своего

благополучия. Он спас парканцев от голода 1921, 1933 и 1947 годов, позволяя им не ждать подачек из государственной корзушки, а самим строить собственное благополучие. Обещаемому с высоких трибун «светлому завтра» они предпочитали созданное своими руками прочное «сегодня».

Можно только изумляться изворотливости и упорству парканцев в самые трудные годы, когда казалось невозможным заниматься торговыми поездками. В годы гражданской войны, несмотря на продразверстку и раскулачивания, они умудрялись выезжать за пределы Тираспольского уезда с яблоками, грушами, вишней, сухофруктами (в первую очередь с черносливом). На полученные от продажи фруктов и овощей средства парканцы закупали хлеб и с лихвой рассчитывались с продотрядами. Уездный и волостной ревкомы тщетно пытались пресечь подобные поездки. «На основании предписания уездной тройки от 23 января 1921 года о фруктовой разверстке приказываю немедленно прекратить вывоз и продажу всякого рода фруктов, как сырых, так и сушеных вплоть до выполнения настоящей разверстки»¹², — распорядился в первом же своем приказе новый председатель волревкома. Но ни грозные приказы, ни вооруженные посты не останавливали крестьян.

Новая экономическая политика только раззадорила парканцев, утвердившихся в своем стремлении к самостоятельному безбедному хозяйствованию. Участившиеся железнодорожные перевозки способствовали освоению более дальних, чем Одесса, рынков — Киева, Харькова и других украинских городов. Нежелание крестьян вступать в колхозы во многом объяснялось их стремлением продолжать выгодный промысел. Они отказывались от пахотной земли в пользу колхозов, но с лихвой оправдывали свои потери реализацией фруктов и овощей на рынке. И даже вступая в колхоз, в разгар сезона они бросали работу и отправлялись «в дорогу».

Борясь с этим «пережитком капитализма», районные, республиканские власти принимали ряд запретительных мер. Чего только не придумывали парканцы для преодоления заградительных милиционерских кордонов вокруг села! По ночам проселочными дорогами, а то и полем добирались до Тирасполя, а оттуда в манящую Одессу. Засыпали черешню и вишню в большие стеклянные бутыли, клади бутыли в мешок и несли мимо не замечающих подвоха милиционеров. Чтобы не сдавать свой урожай фруктов в заготовительный пункт по минимальным ценам, многие крестьяне рыли ямы в садах, заполняли их яблоками и грушами, тщательно маскировали. Всю зиму фрукты лежали в ямах под охраной ничего не подозревавших

пограничников. Зимой в сады ходить запрещалось. С началом же весенних работ парканцы откапывали свои тайники и скрыто выезжали на рынок.

Слишком явной была выгода, заставлявшая их рисковать. Ограниченност передвижения в пограничной зоне привела к тому, что на Тираспольском колхозном рынке фрукты были втрое, вчетверо дешевле, чем в Одессе. В разгар сезона и колхозники, и единоличники, и коммунисты, и беспартийные бросали работу и отправлялись «в дорогу». Строгому партийному взысканию в октябре 1935 года был подвергнут П. М. Вербанов за то, что он «не считаясь с партийной организацией, не спросясь, самовольно уехал в Одессу с фруктой»¹³.

В тридцатые годы большая группа парканцев была осуждена «за спекуляцию». Как правило, суд редко занимался тщательным разбирательством: свою продукцию продавали обвиняемые или занимались перепродажей. К. Д. Римский добровольно работал в колхозе, имел в 1935 году 315 трудодней, его жена Евдокия Михайловна — 260. За свою ударную работу получили сто пудов яблок, которые хотели реализовать на рынке. Итог печальный. К. Д. Римский был осужден на пять лет дальних лагерей НКВД «за систематическую спекуляцию»¹⁴. Впоследствии суд смягчил приговор. Бывший красный партизан К. Д. Римский был выслан из погранзоны и работал в различных городах южной Украины.

Также на пять лет были осуждены Д. С. Николаев и В. П. Степанов за то, что продали в Ворошиловграде 67 ведер вина по 36 рублей за ведро. После ходатайства колхозов получили по одному году лишения свободы с пребыванием в тираспольской тюрьме¹⁵.

В годы немецко-румынской оккупации выезд за пределы Паркан без разрешения был запрещен под угрозой расстрела. Но куда там! «Предлагаю с сегодняшнего числа установить посты из Вашей полиции и жандармов по дорогам, ведущим из Паркан в Тирасполь для задержания лиц, везущих и несущих фрукту в Тирасполь, отнятии таковой у них и направления ее на приемный пункт в Вашем селе»¹⁶, — настоятельно требовал от парканского примара представитель тираспольской претуры в августе 1942 года.

Лица, пострадавшие в годы раскулачивания и массовых ре-прессий, в годы оккупации имели преимущество в свободе передвижения. Отдельные предпримчивые парканцы не преминули воспользоваться этим фактом, осваивая не только одесский «Привоз», но и рынки Бухареста и Ясс.

Чем тяжелее была экономическая ситуация в стране, тем

настойчивее парканцы рвались «в дорогу», не надеясь на помощь государства. Особенно наглядно это проявилось в первые послевоенные годы, когда в разгар сезона в условиях острой нехватки рабочих рук на колхозные поля выходило менее половины колхозников. Председателю колхоза «18 партъезд» Д. И. Мищенко с трудом удавалось удерживать своих подчиненных от соблазна. Пока 11 июля 1950 года без разрешения правления колхоза его завхоз А. И. Чмиль не уехал в Одессу на три дня продавать вишню. Узнав об этом, большинство колхозников бросило работу и заторопилось к городу у моря¹⁷.

Новый бум предпринимательской активности вспыхнул в семидесятые годы. После ухода на пенсию председателя колхоза Д. И. Мищенко парканскому предпринимательству была объявлена настоящая война. 29 декабря 1973 года в центральной республиканской газете «Советская Молдавия» появилась статья специального корреспондента В. Кабанова «Парканские вояжеры», где впервые за многие годы откровенно было показано истинное положение в парканском колхозе. «Торговля, накопление денег, стяжательство стали основной целью жизни некоторых парканцев», — писал автор статьи. Но им же приводимые факты свидетельствовали не о единичных фактах, а о массовом явлении: 556 человек числятся в колхозе, но не работают, в августе-сентябре на работы не выходят до пятисот колхозников. К этому следует добавить, что в летние месяцы вышедшие на работу подростки часто отмечались у учетчиков именами своих родителей. Встречались случаи найма людей, которые отрабатывали за уехавших парканцев необходимый минимум трудодней.

К тому времени парканцы освоили рынки Киева, Гомеля, Минска, Смоленска, Ленинграда, Москвы и других северных городов. На смену скрипучим подводам они оседлали «Волги», «Жигули» и «Москвичи». Количество легковых автомобилей в селе резко возросло. На память нынешних парканцев многочисленные облавы восьмидесятых годов, усиленные наряды милиции на дорогах, ведущих за пределы МССР, тайныеочные погрузки в автофургоны и личные автомобили, изощренные маскировки. Один мой знакомый крепил на капот своих загруженных «Жигулей» свадебную куклу, украшал автомобиль лентами и беспрепятственно отправлялся в путь.

«Капиталистическая революция» девяностых годов не застала парканцев врасплох. Нынче торговым промыслом никого не удивишь. Иногда даже кажется, что в нашей сумасшедшей стране продавцов значительно больше, чем покупателей. И рядом с многоопытной колхозницей за соседним прилавком скром-

но устраивается уставшая от нищеты парканская учительница.

Современное парканское предпринимательство — это не только торговля фруктами и овощами. Это и пчеловодство, минифермы по выращиванию коров, свиней, нутрий и других экзотических животных, малые предприятия по переработке мясных и молочных продуктов, по изготовлению мучных изделий. Уже не редкость, когда окрепшие парканские бизнесмены наводят контакты с коллегами из Болгарии, Польши, Румынии и других стран. В селе есть свой ракет, свои мафиозные группы и сопутствующие им разборки. В общем, все как «у них».

Несмотря на тяжелейшие времена, парканцы не пали духом. И дело не только в участившихся поездках на ставшие опасными московские рынки. Изменились парканские приусадебные хозяйства. В конце шестидесятых годов на все село в личном пользовании было всего четыре коровы. Теперь же коровы, свиньи, всевозможная птица имеются в каждом дворе. Крестьянский оптимизм неиссякаем.

3. ПАРКАНЫ И БОЛГАРИЯ

Многие болгарские семьи в Парканах из поколения в поколение передают легенды о том, как появились в этих краях их предки. В семье Добровых знают, что их прародительницу привезли грудным младенцем. Семейное предание Пельтеков гласит, что их предка привезли в возрасте семи лет и прожил он 114 лет. Потомки Дмитрия Яни знают, что их предок подростком бежал из дома и доехал в солдатском обозе до Паркан. И таких преданий много.

Еще совсем недавно, в тридцатые годы, в селе явственно ощущался болгарский народный колорит. Всюду звучали народные песни. На свадьбах играл на гайде (волынке) «дяду Савункин», а на каменче А. Вербанов (по прозвищу Сею Кумара). Сам же А. Вербанов искусно мастерил этот незатейливый болгарский народный инструмент.

Западные болгары, шопы, среди переселенцев держались особняком. Вот и в Парканах они поселились отдельно. До недавнего времени, прежде чем начать разговор, старики выясняли, чей ты: шопский или гурляндский. Редко какой парканский «ирген» (ухажер) возвращался домой без синяков, если приглядел себе девушку в противоположной части села. Часто молодые шопцы и гурлянды шли стенка на стенку, отстаивая честь своей половины села.

Тяга парканцев к своей прародине время от времени вы-

плескивалась наружу. В далеком 1843 году в числе вспомо-
ществователей изданной в Кишиневе на болгарском языке кни-
жечки С. Панайотова «Дворянски вибори» встречается и целая
группа парканцев. На обложке книги имена первых паркан-
ских «спонсоров»: Д. Чебанова, М. Доброда, Д. Петрова, К. Гра-
динаря, К. Диордиева, Д. Доброда, М. Николаева, Ст. Ди-
мова¹⁸.

Контакты Паркан и Болгарии отмечаются на всем про-
тяжении истории села. Незадолго до первой мировой войны
в село несколько раз приезжали арендаторы рыбных озер бол-
гары Концев и Стоянов. В первые годы Советской власти по-
явился новый мостик между Парканами и Болгарией в лице
И. Райчинова и Ст. Спасова. И всегда уроженцы балканских
предгорий становились объектом особого внимания и усилен-
ных расспросов.

Возможно, уезжали в Болгарию и парканцы в числе бежен-
цев из Советской России. Во всяком случае, на допросе в 1925
году Я. Д. Дымов утверждал, что его сын Иван еще в 1920 году
уехал в Болгарию¹⁹.

С огромным волнением описывает болгарский писатель
А. Дякович пребывание группы журналистов из его страны
в оккупированных Паркацах в январе 1943 года: «Пожелал
бы каждому нашему соотечественнику попасть в такое же по-
ложение: встретить далеко от родины своего болгарского брата,
понять, как приятно и в то же время гордо человеку чувство-
вать себя болгарином... Широкие улицы, просторные дворы и
сады, чистые и опрятные дома»²⁰. Журналисты побывали
в парканской школе (судя по описанию, в нынешнем учебном
корпусе школы-интерната), встретились с десятками парканцев.

В сентябре 1944 года в составе Красной Армии парканцы
с особым чувством вступили на землю своих предков. Десятки
незабываемых встреч с такими же, как они, простыми людьми
за стаканчиком доброго вина, долгие разговоры о жизни. «Нас
часто спрашивали, как мы оказались в Молдавии,— расска-
зывает Д. Н. Хаджи,— а мы и не знали, что толком отвечать».
«В каком-то городке нам встретилась женщина,— вспоминает
С. Н. Степанов.— Звали ее Мария. Еще в начале двадцатых
годов она уехала из Паркан. Оказалась в Болгарии. Обнимала
нас и плакала».

После падения сталинского режима с каждым годом ру-
шились возведенные барьера между близкими по духу и по
крови странами. Возобновившиеся контакты между СССР и
Болгарией, МССР и Болгарией носили вначале официальный
партийный и хозяйственный характер²¹. В октябре 1956 года

в МССР с неофициальным визитом прибыл Первый секретарь
ЦК БКП Т. Живков. В один из дней пребывания в Молдове
он посетил Парканы. Селяне оказали высокопоставленному
гостю — посланцу их прародины радушный прием, встретив его
на въезде в село при необыкновенно большом стечении народа.
Т. Живков выступил перед собравшимися на митинге, имел
встречу с депутатами сельсовета. Началось укрепление контак-
тов с Болгарией. В мае 1957 года с ответным визитом в НРБ
отправилась представительная делегация партийных и хозяй-
ственных руководителей Молдавской ССР. В ее составе были
и парканцы В. И. Степанов, П. И. Колдарь, Н. К. Лысенко.
Парканский колхоз использовал богатый опыт своих собратьев
в виноградарстве и овощеводстве. С помощью болгарских спе-
циалистов площадь колхозных виноградников выросла вдвое.
Увеличилась их продуктивность. 8 февраля 1958 года из Плов-
дивской околии в Парканы приехали бригадир овощеводческой
бригады Райко Михайлов и звеньевой Георгий Тачев для пере-
дачи своего богатого опыта по выращиванию рannих овощей²².

Сотни людей потянулись друг к другу, желая побольше
узнать, теснее сблизиться. Все новые и новые ниточки стали
связывать Парканы с Болгарией. Приехавшая в составе худо-
жественной самодеятельности в Софию молодая учительница
М. А. Берова совершенно случайно нашла своих родственников.
Еще до революции брат ее прадеда Симон Беров уехал в Бол-
гарию, обосновался в Софии, дал детям хорошее образование.
На одном из концертов, услышав родную фамилию, к М. А.
Беровой подошли внуки деда Симона. Незабываемы минуты
радости от неожиданной встречи.

Шли годы. Все чаще встречались парканцы со своими со-
племенниками. Тысячи болгарских студентов приезжали на уче-
бу в СССР. С особым чувством отправился в Москву Цако
Райчинов Ташев, помня наказ родителей — попытаться найти
родных и близких его деда И. Т. Райчинова, замученного в ста-
линских застенках. Судьба оказалась благосклонной к нему.
Случайно познакомился с девушкой из Паркан, разговорились...
В 1964 году в парканской семье Василия Ивановича Райчинова
царил радостный переполох. Нашелся старший брат в Болга-
рии! Короткие сборы и долгие хлопоты с визой и прочими
документами. Весной 1965 года два брата, Василий и Райчин,
душили друг друга в объятиях. Через много лет сбылась мечта
их отца о встрече. Неделю братья сидели дома, никуда не
выходили. Говорили и плакали. Райчин рассказывал о том,
как, повторив судьбу отца, рос сиротой, «кормил мух». Васи-
лий — о том, как тосковал отец по старшему сыну, как мечтал

забрать его в Парканы. Поведал, как был замучен И. Райчинов и как тяжело пришлось ему с сестрой и больной матерью, долгих двадцать семь лет прикованной к постели.

Вот уже много лет семьи поддерживают связь друг с другом. Вместе делят радости и печали. Выросли сыновья, пошли внуки. В 1983 году ушел из жизни старший из братьев Р. И. Ташев. Но в Парканах, Софии, Ботевграде род Райчиновых продолжается и пускает новые ростки. А значит, останется в памяти потомков — и в Болгарии и в Молдове — человек с нелегкой судьбой, проживший недолгую, но честную жизнь: их отец Иван Ташевич Райчинов.

С каждым годом все ближе и роднее становилась Болгария. Десятки поездок хозяйственных, культурных, спортивных делегаций. Многие часы духовного человеческого общения.

Летом 1992 года вся Болгария с тревогой следила за кровавыми событиями в Приднестровье и особенно в Парканах. Мирное болгарское село снова стало жертвой бездумной политики наполеонов и наполеончиков, возомнивших себя большими стратегами. Для многих людей в Болгарии это была не просто точка на карте. Вести о гибели их соплеменников всколыхнули общественность. Под ее национальным правительство Болгарии выступило с официальным заявлением.

Беда еще больше сблизила Парканы с родиной их предков. Уезжают учиться в болгарские города выпускники парканских школ. Уже не первый год в селе работают преподаватели болгарского языка — посланцы Болгарии.

Трудные времена привели к резкому сокращению хозяйственных связей. Они только начинают восстанавливаться.

* * *

Кто же они, современные парканцы? Хотя более восьми-десяти процентов селян считают себя болгарами, трудно судить о числе семей, сохранивших в чистоте свои этнические корни. В селе всегда было много смешанных браков. «У нас в семье часто женились не на парканских, — вспоминает П. В. Радулов. — Прадед мой был женат на малаештской, дед — на ближнехуторской». И таких примеров много.

Часто молодые люди, приезжая домой после учебы или службы в армии, привозят с собой не местных женихов и невест. Но поразителен эффект ассимиляции. Болгарское начало осталось в селе настолько мощным, что оно, как правило, в течение

одного поколения поглощало элементы других культур. Происходило оболгаривание не только в языке, но и в традициях, в быту. Если с вами заговорили в селе по-болгарски, не торопитесь называть собеседника болгарином. Это вполне может быть молдаванин, русский, украинец, родившийся в Парканах. В отличие от родителей, он уже ничем не отличается от коренных селян.

В то же время нельзя не отметить, что парканский диалект в последние десятилетия претерпел существенные изменения. В языке молодежи много русизмов: как в словах, так и в построении предложений на болгарском языке.

Все больше и больше в образе жизни Парканы приобретают черты пригорода, происходит определенное размывание болгарского начала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необыкновенно емкими по насыщенности оказались последние восемьдесят лет парканской истории. Ее знание, без прикрас, поможет нам стать чуточку мудрее. История села — лишь маленький срез с тех событий, которые до основания потрясли наше общество. Происходящее в наши дни их переосмысление невозможно без объективного и беспристрастного обращения к фактам и документам, к живой истории в лицах, в судьбах людей.

Признаюсь, до того, как нырнул в архивные дебри, мои представления об истории Паркан и нашего общества в целом в двадцатом столетии во многом были иными. Может быть, я не все охватил. Но если нет фактов, лучше промолчать, чем домысливать и фантазировать.

Завершена вторая книга. Но многое еще хочется сказать. В мой личный архив поступают все новые и новые факты из истории нашего села: архивные документы, газетные и журнальные вырезки, воспоминания парканцев.

Надеюсь, через несколько лет читатель увидит большую книгу о Парках — второе, дополненное и переработанное издание «Очерков...», куда войдут обе части. Парканы это заслужили.

* * *

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бабилунга Н. В., Бомешко Б. Г. Курс лекций по истории Молдавии. Лекции IX, X, XI. Тирасполь, 1994.
2. Белоусов Н. Ще срещнем във двореца. — «Работническо дело», 1989, 27 мая.
3. Белый П. Ф., Дышлевой П. С. Единство действий в защиту революции. Киев, 1988.
4. Бомешко Б. Г. Засуха и голод в Молдове в 1946—1947 гг. Кишинев, 1990.
5. Борьба трудящихся Молдавии против интервенции и внутренней контрреволюции. 1917—1920 гг. Кишинев, 1967.
6. Българите от Украйна и Молдова. 1941—1945. Документи и материали. Отговорен редактор П. Тодоров. В. Тирново, 1994.
7. В огне гражданской войны. Сборник документов и материалов. Одесса, 1962.
8. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927—1935. Москва, 1957.
9. Ветераны рассказывают. — «Патриот», 1995, 8 апреля.
10. Внешняя политика СССР. Т. 2. Москва, 1944.
11. Восстанавливая правду истории. Кишинев, 1989.
12. Вылиток В. С. Под звездами балканскими. Кишинев, 1989.
13. Вылиток В. С., Лескин С. Н. Восемь огненных дней. Кишинев, 1974.
14. Вылиток В., Лескин С. Подвиги не меркнут. Кишинев, 1980.
15. Гологинков Г. У Днестра. Кишинев, 1966.
16. Гончаров А. Шел отряд по берегу... Одесса, 1963.
17. Гражданская война на Украине. Сборник документов и материалов в трех томах. Киев, 1967.
18. Грек И. Ф. Молдавская ССР в общественно-политических связях СССР и НРБ. Кишинев, 1990.
19. Грек И. Ф., Червенков Н. Н. Българите от Украйна и Молдова. Минало и настоящее. София, 1993.
20. Гуревич Я. Человек и его дело. — «Молодежь Молдавии», 1970, 28 марта.
21. Делева И. Нелегкие судьбы. — «Патриот», 1995, 20 мая.
22. Добров И. П. На страже здоровья. — «Патриот», 1987, 5 ноября.
23. Документы внешней политики СССР. Т. 4. Москва, 1980.
24. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927—1932 гг. Москва, 1989.
25. Дыхан М. Д. Болгари-політимігранти у соціалістичному будівництві на Україні в 1924—1929 рр. Київ, 1973.
26. За власть Советов! Хроника революционных событий в Молдавии. Март 1917 — январь 1918 гг. Кишинев, 1978.
27. Зайцев А. В. Бендлерское вооруженное. Кишинев, 1971.
28. Зеленин И. Е. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса». — «История СССР», 1990, № 6.
29. Иванова З. М. Комнезамы Молдавской АССР. Кишинев, 1970.
30. Иванова З. М. Ревкомы за упрочение Советской власти в левобережных районах Молдавии. Кишинев, 1963.

31. Иваненко А. Т. Они были первыми. — «Сельская новь», 1987, 5 ноября.
32. Из истории борьбы за власть Советов в Молдавии. Кишинев, 1964.
33. Извеков Г. Приднестровская новь. — «Советская Молдавия», 1965, 21 октября.
34. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4, кн. 2. Москва, 1971.
35. История МССР. Т. 2. Кишинев, 1968.
36. История народного хозяйства Молдавской ССР. Кишинев, 1974.
37. Кабанов В. Парканские вояжеры. — «Советская Молдавия», 1973, 29 декабря.
38. Калиненок М. А. За власть Советов Молдавии. Кишинев, 1982.
39. Кийкуш Н. Е. Экономическое развитие доколхозного села Молдавской АССР. Кишинев, 1989.
40. Коваль Н. Г. Страницы истории колхозного строительства в Молдавии. Кишинев, 1971.
41. Кожевникова К. Иван Шарлеруа. — «Комсомольская правда», 1975, 11 мая.
42. Кузнецов И. Страницы жизни деревенской. — «Колхозно-совхозное производство», 1964, № 3.
43. Литвак Б. М. Передовой колхоз Молдавии. Москва, 1970.
44. Литвак Б. М. Сто тридцать центнеров винограда с гектара. Кишинев, 1962.
45. Лихолат А. В. Разгром националистической контрреволюции на Украине. 1917—1922. Москва, 1954.
46. Ломанченко Г., Феч Ю. На смерть ради жизни. Кишинев, 1975.
47. Марчук Ю. А. Поиск продолжается. Кишинев, 1988.
48. Мовилляну Н. Исход. — «Мoldova и мир», 1992, №№ 8—9.
49. Мовилляну Н. Коллективизация: как это было. — «Мoldova и мир», 1993, № 1.
50. Молдавская ССР в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. Т. 1, Кишинев, 1975. Т. 2, Кишинев, 1976.
51. Морозова А. И. Жестокость. — «Патриот», 1995, 10 ноября.
52. Моряки в борьбе за власть Советов на Украине. Сборник документов. Киев, 1963.
53. Мура В. Его звали Жиль Оливье. — «Вечерний Кишинев», 1982, 17 сентября.
54. На защите революции. Из истории Всеукраинской чрезвычайной комиссии. 1917—1924. Киев, 1971.
55. На огненном плацдарме. Сборник воспоминаний. Кишинев, 1973.
56. О чем не говорилось в сводках. Сборник воспоминаний. Москва, 1962.
57. Отчет Тираспольской уездной земской управы за 1905 год. Тирасполь, 1905.
58. Павленко В. В. Солидарность трудящихся Украинской ССР с революционной борьбой рабочего класса и крестьян Болгарии в 1923—1934 гг. Киев, 1977.
59. По пути Октября. Сборник воспоминаний. Кишинев, 1972.
60. Поглубко К. А. Весна освобождения. Кишинев, 1978.
61. Пограничные войска СССР. 1918—1928. Москва, 1973.
62. Полушин В. Оккупация. — «Приднестровье», 1995, 4 октября.
63. Почтаренко Д. Варницкий плацдарм. Кишинев, 1990.
64. Революционное движение в 1917 году и установление Советской власти в Молдавии. Сборник документов. Кишинев, 1964.
65. Рыцари стального клинка. Сборник воспоминаний. Кишинев, 1969.
66. Семирага М. И. Советские люди в европейском Сопротивлении. Москва, 1970.
67. Сквозь бурю времени. Сборник воспоминаний. Кишинев, 1979.
68. Советское строительство в левобережных районах Молдавии. 1921—1924. Сборник документов. Кишинев, 1977.
69. Солдаты революции. Документальные очерки. Кишинев, 1977.
70. Социалистическое переустройство сельского хозяйства Молдавской АССР. 1920—1937. Сборник документов. Кишинев, 1964.
71. Спасов В. И. Жертвы беззакония. — «Патриот», 1995, 10 января.
72. Стратиевский К. Голод 1932—1933 гг. в Молдавской АССР. — «Молдавский исторический журнал», 1993, № 2.
73. Супруненко Н. И. Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине. 1918—1920. Москва, 1966.
74. Челак Е. И. Центральное училище в Комрате: к проблеме становления болгарского образования в Бессарабии. — Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и на Украине. Кишинев, 1993.
75. Чельщев Б. Семейный экипаж. — «Патриот», 1995, 20 мая.
76. Чмиль И. П. Как я спасся. — «Патриот», 1995, 6 мая.
77. Шапиро А. В селе Паркане. — «Советская женщина», 1967, № 6.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АОПО РМ — Архив общественно-политических организаций Республики Молдова.
НАРМ — Национальный архив Республики Молдова.
ЦГА ПМР — Центральный архив Приднестровской Молдавской республики.
ГАОО — Государственный архив Одесской области.
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.
РГВА — Российский государственный военный архив.
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

1. Отчет Тираспольской земской уездной управы за 1905 год. Тирасполь, 1905 год, стр. 118.
2. РГВИА, ф. 1837, д. 200, л. 167.
3. Там же, д. 230, лл. 249—252.
4. НАРМ, ф. 297, оп. 1, д. 463, л. 8.
5. Там же, л. 16.
6. ГАОО, ф. Р-3829, оп. 1, д. 147, лл. 29—38.
7. НАРМ, ф. 283, оп. 5, д. 2, л. 105.
8. Там же, ф. Р-581, оп. 1, д. 8, л. 10.
9. Там же, л. 49.

II. ПАРКАНЫ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

1. История МССР, т. 2, Кишинев, 1968, стр. 552.
2. Борьба трудящихся Молдавии против интервенции и внутренней контрреволюции. 1917—1920 гг. Кишинев, 1967, стр. 76.
3. В. Полушкин. Оккупация — «Приднестровье», 4 октября 1995 г.
4. ГАРФ, ф. 8415, оп. 1, д. 37, лл. 273—277.
5. Там же, л. 105.
6. Там же, лл. 162, 183.
7. М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книги первая и вторая, Москва, 1980, стр. 598—599.
8. АОПО РМ, ф. 49, оп. 4, д. 951, л. 27.
9. История МССР, т. 2, стр. 91.
10. АОПО РМ, ф. 49, оп. 4, д. 951, л. 21.
11. Там же, ф. 60, оп. 2, д. 314, л. 46.
12. Борьба трудящихся Молдавии..., стр. 215.
13. Гражданская война на Украине. Сборник документов в трех томах. Т. 1, часть II, Киев, 1967, стр. 170.
14. По пути Октября. Сборник воспоминаний. Кишинев, 1972, стр. 41—42.
15. Из истории борьбы за власть Советов в Молдавии. Сборник воспоминаний и документов. Кишинев, 1964, стр. 100.
16. Там же, стр. 107.
17. А. Гончаров. Шел отряд по берегу... Одесса, 1963, стр. 130.
18. АОПО РМ, ф. 49, оп. 4, д. 951, л. 12.
19. РГВА, ф. 1423, оп. 1, д. 104, лл. 11—14, 21—22, 24, 26—28, 35.
20. ГАРФ, ф. 450, оп. 2, д. 45, л. 58 об.
21. Там же, ф. 5827, оп. 1, д. 132, л. 1.
22. Там же, ф. 456, оп. 2, д. 45, л. 190.
23. НАРМ, ф. Р-679, оп. 1, д. 4933, л. 12 об.
24. Там же, ф. Р-656, оп. 1, д. 8, л. 581.
25. ГАРФ, ф. 5827, оп. 1, д. 202 «а», л. 1.
26. Борьба трудящихся Молдавии..., стр. 433.

27. История МССР, т. 2, стр. 113.
28. НАРМ, ф. Р-651, оп. 1, д. 1, л. 78.
29. ГАОО, фп. 3, оп. 1, д. 142, л. 4.
30. НАРМ, ф. Р-531, оп. 1, д. 8, л. 58.
31. ГАОО, ф. Р-599, оп. 1, д. 703, л. 35 об.
32. РГВА, ф. 1421, оп. 2, д. 509, лл. 338—380.
33. Там же, д. 523, лл. 384, 390, 523.
34. АОПО РМ, ф. 49, оп. 4, д. 951, л. 20.

III. УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ПАРКАНАХ

1. ГАОО, ф. Р-599, оп. 1, д. 239, л. 34.
2. НАРМ, ф. Р-531, оп. 1, д. 8, л. 38.
3. Там же, ф. Р-651, оп. 1, д. 1, л. 86 об.
4. ГАОО, ф. Р-599, оп. 1, д. 239, л. 35 об.
5. Там же, л. 36.
6. НАРМ, ф. Р-651, оп. 1, д. 1, л. 79.
7. З. М. Иванова. Ревкомы в борьбе за упрочение Советской власти в левобережных районах Молдавии. Кишинев, 1963, стр. 82.
8. Борьба трудящихся Молдавии..., стр. 488.
9. З. М. Иванова. Ревкомы в борьбе..., стр. 81.
10. Там же.
11. АОПО РМ, ф. 49, оп. 4, д. 951, л. 6 об.
12. Там же, л. 8.
13. ГАОО, фп. 3, оп. 1, д. 168, л. 90.
14. Там же, л. 89.
15. Там же, фп. 6, оп. 1, д. 7, л. 7.
16. Там же, л. 8.
17. АОПО РМ, ф. 49, оп. 4, д. 2947, л. 5.
18. ГАОО, фп. 6, оп. 1, д. 63, л. 3.
19. Там же, л. 5.
20. НАРМ, ф. Р-648, оп. 1, д. 2, л. 15.
21. Там же, ф. Р-651, оп. 1, д. 1, л. 100.
22. Там же, ф. Р-648, оп. 1, д. 32, л. 1.
23. Там же, ф. Р-651, оп. 1, д. 1, л. 58.
24. Там же, л. 83.
25. Там же, л. 157.
26. Там же, л. 80 об.
27. Там же, л. 164 об.
28. Там же, ф. Р-648, оп. 1, д. 32, л. 1.
29. ГАОО, ф. Р-99, оп. 1, д. 366 «а», л. 198.
30. НАРМ, ф. Р-651, оп. 1, д. 8, л. 19 об.
31. ГАОО, фп. 6, оп. 1, д. 23, л. 3.
32. Там же, л. 8 об.
33. Там же, л. 7.
34. НАРМ, ф. Р-651, оп. 1, д. 8, л. 19 об.
35. ГАОО, фп. 6, оп. 1, д. 23, л. 14.
36. Там же.
37. Там же, ф. Р-99, оп. 1, д. 366 «а», л. 57.
38. Там же, л. 96.
39. НАРМ, ф. Р-651, оп. 1, д. 6, л. 3.
40. Там же, л. 4.
41. Там же, л. 148.
42. Там же, д. 7, л. 281.

IV. ПАРКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

1. История МССР, т. 2, стр. 136; З. М. Иванова. Комнезамы Молдавской АССР. Кишинев, 1970, стр. 43—44; П. Ф. Белый, П. С. Дышлевой. Единство действий в защиту завоеваний революции. Киев, 1983, стр. 131—132.
2. ГАОО, фп. 6, оп. 1, д. 23, л. 77.
3. НАРМ, ф. 679, оп. 1, д. 4835, л. 8 об.
4. ГАОО, фп. 6, оп. 1, д. 7, л. 9.
5. Там же, фп. 3, оп. 1, д. 168, л. 104.
6. НАРМ, ф. Р-861, оп. 1, д. 1, л. 98.
7. Документы внешней политики СССР, т. 4, Москва, 1980, стр. 541.
8. Внешняя политика СССР, т. 2, Москва, 1944, стр. 14.
9. ГАОО, фп. 6, оп. 1, д. 21, лл. 1—2.
10. Там же, л. 3.
11. РГВА, ф. 25 899, оп. 3, д. 309, л. 102.
12. НАРМ, ф. 283, оп. 5, д. 2, л. 62 об.
13. РГВА, ф. 25 899, оп. 3, д. 309, л. 102 об.
14. НАРМ, ф. 283, оп. 5, д. 2, л. 80 об.
15. Там же, ф. 680, оп. 2, д. 4, л. 292.
16. Там же, ф. Р-648, оп. 1, д. 2, л. 26.
17. Там же, ф. 680, оп. 2, д. 4, л. 292.
18. РГВА, ф. 25 899, оп. 3, д. 309, л. 103.
19. Там же, л. 103 об.
20. Г. Гологинков. У Днестра. Кишинев, 1966, стр. 274—282; Из истории борьбы за власть Советов в Молдавии. Кишинев, 1964, стр. 110—113.
21. РГВА, ф. 25 899, оп. 3, д. 309, л. 103.
22. ГАОО, фп. 6, оп. 1, д. 23, л. 77.
23. НАРМ, ф. 680, оп. 2, д. 4, л. 292.
24. Там же, ф. Р-651, оп. 1, д. 3, л. 163.
25. Там же.
26. Там же, ф. 283, оп. 5, д. 2, лл. 66—70.
27. Там же, л. 62.
28. Там же, лл. 65, 72, 78.
29. Там же, ф. Р-651, оп. 1, д. 6, л. 86.
30. ГАОО, фп. 6, оп. 1, д. 23, л. 78.
31. РГВА, ф. 25 899, оп. 3, д. 309, л. 104.
32. Там же, оп. 1, д. 35, л. 159.
33. ГАОО, фп. 3, оп. 1, д. 204, л. 31.
34. РГВА, ф. 25 899, оп. 3, д. 309, л. 107.

V. ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ ПАРКАН С 1917 ГОДА ДО НАШИХ ДНЕЙ

1. НАРМ, ф. Р-651, оп. 1, д. 158, лл. 1—3.
2. Там же, ф. 738, оп. 1, дд. 1563, 2060 и другие.
3. Там же, д. 1563, л. 5.
4. Там же, ф. 283, оп. 5, д. 2, л. 11.
5. Там же, ф. 738, оп. 1, д. 2080, л. 3.
6. Там же, ф. 2072, оп. 1, д. 1274, л. 63.
7. ГАОО, ф. Р-99, оп. 1, д. 366 «а», л. 37.
8. АОПО РМ, ф. 60, оп. 2, д. 34, л. 110.
9. Там же, л. 65.

10. НАРМ, ф. 283, оп. 5, д. 2, л. 43 об.
11. ГАОО, ф. Р-599, оп. 1, д. 372, лл. 101, 112.
12. ЦГА ПМР, ф. 383, оп. 1, д. 45, л. 83.
13. Там же, д. 133, л. 18 об.
14. Там же, д. 88, л. 1.

VI. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ СЕЛА В 20—30-е ГОДЫ

1. ГАОО, ф. 97, оп. 1, д. 436, л. 31.
2. НАРМ, ф. Р-651, оп. 1, д. 4, л. 2.
3. Там же, л. 8.
4. Там же, д. 2, л. 466.
5. ГАОО, ф. Р-14, оп. 1, д. 93, лл. 7—10.
6. НАРМ, Р-651, оп. 1, д. 2, л. 666.
7. АОПО РМ, ф. 60, д. 214, л. 69.
8. Там же, д. 263, л. 1 об.
9. Там же, л. 2.
10. Там же, д. 214, л. 28.
11. ГАОО, фп. 6, оп. 1, д. 48, л. 54.
12. НАРМ, ф. Р-651, оп. 1, д. 9, л. 10.
13. Там же, л. 12.
14. ГАОО, фп. 6, оп. 1, д. 48, л. 54.
15. Там же, л. 109.
16. НАРМ, ф. Р-651, оп. 1, д. 2, л. 775.
17. ГАОО, фп. 6, оп. 1, д. 48, л. 109.
18. Там же, ф. Р-599, оп. 1, д. 340, л. 139.
19. НАРМ, ф. Р-651, оп. 1, д. 8, л. 186.
20. АОПО РМ, ф. 60, оп. 1, д. 214, л. 11 об.
21. Там же, д. 331, л. 2.
22. Там же, л. 1.
23. Там же, ф. 49, оп. 1, д. 1727, л. 13.
24. Там же, д. 1648, л. 57.
25. Там же, д. 1727, л. 15.
26. Там же, д. 1648, л. 58.
27. История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. 2, Москва, 1971, стр. 158.
28. И. Е. Зеленин. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса». — История СССР, 1990, № 6, стр. 32.
29. АОПО РМ, ф. 60, оп. 1, д. 330, л. 1.
30. Там же, д. 365, лл. 9, 36.
31. И. Е. Зеленин. Осуществление политики..., стр. 33.
32. АОПО РМ, ф. 60, оп. 1, д. 365, л. 31 об—32.
33. Там же, ф. 49, оп. 1, д. 2108, л. 25.
34. Там же, д. 2076, л. 24.
35. Там же, д. 2124, л. 12.
36. Там же, д. 2076, лл. 24—26.
37. Там же, ф. 60, оп. 1, д. 401, л. 16 об.
38. Там же, д. 416, л. 15.
39. Там же, ф. 49, оп. 1, д. 2080, лл. 30, 90.
40. Там же, л. 78.
41. Там же, л. 111.
42. АОПО РМ, ф. 49, оп. 1, д. 2124, л. 11.
43. Там же, д. 2078, л. 5.
44. Там же, д. 2080, л. 8.

45. Г. Аствацатуров. Дело о «волынках женщин». — Независимая Молдова, 11 августа 1995 года.
46. Таблица составлена по данным сельсовета за 1934 год. АОПО, ф. 32, оп. 1, д. 355, лл. 24—26.
47. Там же, ф. 60, оп. 1, д. 474, л. 2.
48. Там же, ф. 32, оп. 1, д. 561, л. 6.
49. АОПО РМ, ф. 49, оп. 1, д. 2455, лл. 13—14.
50. НАРМ, ф. 2947, оп. 1, д. 10, лл. 96—99.

VII. ПАРКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В 20—30-е ГОДЫ

1. НАРМ, ф. Р-651, оп. 1, д. 6, лл. 18, 20.
2. Там же, д. 7, л. 291.
3. Там же, ф. 283, оп. 5, д. 2, л. 5.
4. И. Грек, Н. Червенков. Българите от Украина и Молдова. Министерство на культура, София, 1993, стр. 184.
5. АОПО РМ, ф. 60, оп. 3, д. 12, л. 13.
6. Там же, оп. 1, д. 214, л. 15.
7. Там же, д. 24, л. 34 об.—35.
8. Там же, д. 214, л. 65.
9. Там же, д. 237, л. 2.
10. Там же, д. 233, л. 2.
11. Там же.
12. Там же, ф. 49, оп. 1, д. 1727, л. 13.
13. Там же, ф. 32, оп. 1, д. 355, л. 26.
14. НАРМ, ф. 283, оп. 5, д. 2, л. 43.
15. АОПО РМ, ф. 60, оп. 2, д. 34, л. 110.
16. Там же, ф. 49, оп. 1, д. 685, л. 43.
17. НАРМ, ф. 2947, оп. 1, д. 13, л. 43; д. 14, л. 89.
18. Там же, ф. 283, оп. 5, д. 2, л. 97 об.
19. Там же, л. 4.
20. Там же, лл. 35, 80 об.
21. Там же, л. 80.
22. Там же, л. 97.
23. ГАОО, фп. 6, оп. 1, д. 21, л. 5.
24. Там же, ф. 97, оп. 1, д. 436, л. 73.
25. НАРМ, ф. 283, оп. 5, д. 2, л. 96.
26. ГАОО, ф. 97, оп. 1, д. 436, л. 73.
27. НАРМ, ф. 283, оп. 5, д. 2, л. 94 об.
28. Там же, л. 57.
29. Там же, л. 23.
30. Там же, л. 3.
31. Там же, л. 17.
32. Там же, л. 1.
33. Там же, л. 63.
34. Там же, л. 119.
35. Там же, ф. Р-648, оп. 1, д. 32, л. 1.
36. Там же, ф. Р-651, оп. 1, д. 1, л. 29.
37. Там же, д. 8, л. 19 об.
38. ГАОО, ф. Р-97, оп. 1, д. 401, л. 162.
39. АОПО РМ, ф. 49, оп. 1, д. 1870, л. 3.
40. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927—1935. Москва, 1957, стр. 163—164.
41. АОПО РМ, ф. 60, оп. 1, д. 331, л. 7.

42. НАРМ, ф. 283, оп. 1, д. 483, л. 5.
 43. АОПО РМ, ф. 32, оп. 1, д. 523, л. 255.
 44. Там же, д. 355, л. 3.
 45. Там же, д. 356, лл. 15—16.
 46. Там же, д. 355, л. 11.
 47. Там же, ф. 60, оп. 1, д. 237, л. 1 об.
 48. Там же, ф. 32, оп. 1, д. 355, л. 19.
 49. Там же, л. 22.
 50. Там же, ф. 60, оп. 1, д. 365, л. 4.
 51. Там же, ф. 32, оп. 1, д. 54, л. 128.
 52. НАРМ, ф. 283, оп. 1, д. 243, л. 77.
 53. АОПО РМ, ф. 60, оп. 1, д. 520, л. 101.
 54. Н. Белоусов. Ще срешнem във двореца.—Работническо дело, 27 мая 1989 года.
 55. АОПО РМ, ф. 60, оп. 1, д. 520, лл. 10, 13.
 56. Там же, л. 14.
 57. Там же, ф. 32, оп. 1, д. 597, л. 139.
 58. Там же, л. 57.
 59. НАРМ, ф. 283, оп. 1, д. 723, л. 5.
 60. Там же, ф. 2947, оп. 1, д. 14, л. 57.
 61. АОПО РМ, ф. 32, оп. 1, д. 458, л. 53.
 62. НАРМ, ф. 2947, оп. 1, д. 14, л. 89.
 63. Там же, л. 56.
 64. АОПО РМ, ф. 32, оп. 1, д. 377, лл. 133, 207.
 65. Советское строительство в левобережных районах Молдавии. 1921—1924. Кишинев, 1977, стр. 328.
 66. АОПО РМ, ф. 49, оп. 1, д. 1915, л. 54.
 67. Там же, ф. 32, оп. 1, д. 672, л. 250.

VIII. ПАРКАНЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

1. НАРМ, ф. 706, оп. 1, д. 560, л. 272.
 2. Там же, ф. 2072, оп. 1, д. 1269, л. 48.
 3. Там же, д. 1406, л. 238.
 4. Там же, д. 1404, л. 1—2.
 5. Там же, д. 1274, л. 1.
 6. Там же, д. 1399, л. 1.
 7. Н. В. Бабилунга, Б. Г. Бомешко. Курс лекций по истории Молдавии. Лекция XI. Молдавия в период Великой Отечественной войны и восстановления народного хозяйства. Тирасполь, 1994, стр. 16—17.
 8. НАРМ, ф. 2072, оп. 1, д. 1274, л. 84.
 9. Там же, л. 42.
 10. Там же, д. 1269, л. 17.
 11. Там же, лл. 23, 63, 90 и другие.
 12. Там же, ф. 374, оп. 1, д. 65.
 13. Там же, ф. 2072, оп. 1, д. 141, л. 6.
 14. Там же, л. 7.
 15. И. Грек, Н. Червенков. Българите от Украина и Молдова..., стр. 204.
 16. Българите от Украина и Молдова. 1941—1945. Документи и материали.—Трудове на Великотърновския университет Св. Кирил и Методий, т. 31, кн. 3. В. Търново, 1994, стр. 179.
 17. Молдавская ССР в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов, т. 2. Кишинев, 1976, стр. 286.

18. Там же, стр. 446.
 19. Д. Почтаренко. Варницкий плацдарм. Кишинев, 1990, стр. 97.
 20. Молдавская ССР в годы Великой Отечественной войны..., т. 1. Кишинев, 1975, стр. 288.
 21. В. Вылиток, С. Лескин. Восемь огненных дней. Кишинев, 1974, стр. 40.
 22. ЦГА ПМР, ф. 383, оп. 1, д. 1, л. 2.

IX. ПОСЛЕВОЕННОЕ РАЗВИТИЕ ПАРКАН

- ЦГА ПМР, ф. 383, оп. 1, д. 45, лл. 8 об.—9.
 2. НАРМ, ф. 2072, оп. 1, д. 1274, л. 215.
 3. ЦГА ПМР, ф. 428, оп. 1, д. 1, л. 1.
 4. Там же, ф. 383, оп. 1, д. 1, л. 18 об.
 5. Там же, д. 2, л. 20.
 6. Там же, д. 11, л. 1 об.
 7. Б. Г. Бомешко. Засуха и голод в Молдавии в 1946—1947 гг. Кишинев, 1990, стр. 37.
 8. ЦГА ПМР, ф. 383, оп. 1, д. 16, л. 8.
 9. Там же, д. 30, л. 17.
 10. Там же, д. 90, л. 54 об.
 11. Там же, д. 45, л. 80.
 12. В. Кабанов. Парканские вояжеры.—Советская Молдавия, 29 декабря 1973 года.
 13. ЦГГА ПМР, ф. 383, оп. 1, д. 177, лл. 14—15.

X. ПАРКАНСКАЯ ШКОЛА В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

1. НАРМ, ф. Р-656, оп. 2, д. 2, л. 68.
 2. Там же, оп. 1, д. 8, л. 587.
 3. АОПО РМ, ф. 32, оп. 1, д. 639, л. 155.
 4. НАРМ, ф. 656, оп. 2, д. 14, л. 1.
 5. ГАОО, ф. ф. Р-599, оп. 1, д. 372, л. 106.
 6. НАРМ, ф. Р-656, оп. 2, д. 4, л. 71.
 7. Там же, л. 72.
 8. Е. Н. Челак. Центральное училище в Комрате: к проблеме становления национального болгарского образования в Бессарабии.—Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и на Украине. Кишинев, 1993, стр. 156.
 9. АОПО РМ, ф. 60, оп. 1, д. 214, л. 28.
 10. Там же, ф. 32, оп. 1, д. 639, л. 96.
 11. Там же, ф. 60, оп. 1, д. 331, л. 21 об.
 12. Там же, д. 415, л. 7.
 13. Там же.
 14. Там же, ф. 49, оп. 1, д. 2402, л. 51.
 15. Там же, ф. 32, оп. 1, д. 639, лл. 93—97.
 16. Там же, ф. 60, оп. 1, д. 483, л. 15.
 17. Там же, д. 193, л. 3.
 18. Там же, д. 448, л. 28.
 19. Там же.
 20. НАРМ, ф. 2072, оп. 1, д. 300, л. 9.
 21. Там же, л. 69 об.
 22. Там же, л. 10.

23. ЦГА ПМР, ф. 383, оп. 1, д. 2, л. 12.
 24. Там же, д. 45, л. 81.
 25. АОПО РМ, ф. 51, оп. 17, д. 194, л. 1.
 26. ЦГА ПМР, ф. 383, оп. 1, д. 133, л. 55.

XI. ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА. ПАРКАНСКИЕ ТРАДИЦИИ

1. ГАОО, ф. Р-599, оп. 1, д. 372, л. 62.
2. АОПО РМ, ф. 60, оп. 1, д. 214, л. 13 об.
3. НАРМ, ф. Р-283, оп. 5, д. 2, л. 3.
4. АОПО РМ, ф. 60, оп. 1, д. 214, л. 22.
5. Там же, ф. 49, оп. 1, д. 3759, л. 35.
6. Там же, л. 40.
7. Там же, ф. 60, оп. 1, д. 233, л. 2.
8. Там же, д. 365, л. 25.
9. НАРМ, ф. 2947, оп. 1, д. 1, л. 9.
10. АОПО РМ, ф. 32, оп. 1, д. 355, л. 2.
11. Там же, ф. 49, оп. 1, д. 3759, л. 18.
12. НАРМ, ф. Р-648, оп. 1, д. 32, л. 6.
13. АОПО РМ, ф. 60, оп. 1, д. 474, л. 7.
14. НАРМ, ф. 283, оп. 2, д. 188, л. 5 об.
15. Там же, д. 117, лл. 1—8.
16. Там же, ф. 2072, оп. 1, д. 1406, л. 271.
17. АОПО РМ, ф. 60, оп. 2, д. 635, лл. 1—5.
18. К. Поглубко. Весна освобождения. Кишинев, 1978, стр. 104.
19. НАРМ, ф. 283, оп. 2, д. 2, л. 64.
20. А. Дякович. На гости в Паркан. — Българите от Украйна и Молдавия..., стр. 98.
21. И. Ф. Грек. Молдавская ССР в общественно-политических связях СССР и НРБ. Кишинев, 1990, стр. 12.
22. ЦГА ПМР, ф. 428, оп. 8, д. 26, многотиражная газета «Ленинец» от 28 февраля 1958 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
I. ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ	7
II. ПАРКАНЫ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	12
III. УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ПАРКАНАХ. 1920—1921 ГГ.	24
IV. ПАРКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ	35
1. Накануне	35
2. «Черная суббота»	39
3. Расправа	43
4. Итоги	47
V. ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ ПАРКАН С 1917 ГОДА ДО НАШИХ ДНЕЙ	51
VI. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ СЕЛА В 20—30-Е ГОДЫ	60
1. «Незаможники»	60
2. НЭП в Парканах	63
3. Коллективизация и колхозное строительство	67
4. Голод 1932—1933 годов	73
5. Завершение коллективизации	75
VII. ПАРКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В 20—30-Е ГОДЫ	80
1. Особенности местного самоуправления в Парканах. Образование национального сельского Совета	80
2. Бессарабцы. Политэмигранты	86
3. «Укрепление кадров»	88
4. Массовые репрессии в Парканах	89
Эхо трагедии	90
«Дело о выселении»	92
«Отчаянию нет предела...»	95
Раскулачивание	99
«Земельное дело»	106
«Показательный процесс»	108
«Враги народа»	110
VIII. ПАРКАНЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ	120
1. Прифронтовая зона	120
2. Оккупация	121
3. Участие парканцев в борьбе за независимость своей Родины	125
IX. ПОСЛЕВОЕННОЕ РАЗВИТИЕ ПАРКАН	131
X. ПАРКАНСКАЯ ШКОЛА В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ	139
XI. ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА. ПАРКАНСКИЕ ТРАДИЦИИ	155
1. Религия и ее влияние на жизнь парканцев	155
2. Неистребимая традиция. Важный источник парканского благосостояния	161
3. Парканы и Болгария	165
Заключение	170
Источники и литература	171
Условные сокращения	174
Примечания	175

Редактор В. Н. Валавин.

Сдано в набор 15.05.96 г.
Подписано в печать 20.06.96 г.
Формат 60×90/16, печ. л. 11,5.
Тираж 2000 экз. Заказ 495.

Издательско-полиграфическая фирма Центральная Типография,
ул. Флорilor, 1; MD 2068, г. Кишинев;
Республика Молдова
тел.: (0422) 49-55-32; 49-50-48

Департамент Издательств, Полиграфии и Книжной Торговли